

Мамара
Павленко

ДЕРЕВО РАДОСТИ

Повесть

*Пушкой скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.*

Ф. Тютчев

ОНА

Дина проснулась, как всегда, в половине шестого утра, и тоска привычно ударила в сердце – надо было тащить, волочить на себе ещё один день жизни. Вот уже в который раз она просыпается с этой душевной болью. Да, проблемы, да, болеет Стась, но ведь уже выздоравливает, уже есть надежда, и она сделает всё, чтобы ему стало лучше. Как врач она понимала, что с ней происходит, научилась с этим справляться пока без лекарств. Ну почему, почему вот уже какое утро подряд... Господи! – взмолилась неверующая Дина, – ну помоги, помоги же, ну дай же мне какую-то соломинку, какую-то радость, за которую я зацеплюсь и выберусь из этой тоски. Надо вспомнить, что-то хорошее, радостное, умиротворяющее. Ну-ка, ну-ка...

Ей семь лет, и они с подругой идут из ближайшего перелеска, в руках маленькие плетёные корзиночки с ягодами малины, черники, земляники – что на глаза девочкам попало. Они идут по дороге через поле, и в золотом сиянии поспевающей ржи тут и там вспыхивают синие искры васильков. Взрослые говорят, что это вредные сорняки – но как красиво! А ноги утопают в мельчайшей, ласкающей подошвы, нагретой нежарким северным солнцем пуховой пыли, которая брызжет фонтанчиками между пальчиками босых ног.

Теперешняя Дина мысленно взлетает высоко-высоко и смотрит вниз на две маленькие одинокие девчоночьи фигурки на пустынной дороге между небом и землёй! На подходе к селу ствол полевой дороги разветвляется на едва заметные стебельки тропинок, и уже под ногами не пыль, а мягкая, щекочущая и ласкающая подошвы, трава-мурава. Спорыш... А дома бабушка изумляется, хвалит: «Ах, Диночка, ангельская моя душка! Как много ягодок набрала, умница моя!» Дина

моет руки, громыхает железным рукомоёмником, наслаждаясь налитой в него прохладной колодезной водой. Бабушка ополаскивает ягоды, высыпает их в тарелку, заливает холодным молоком из глиняной кринки, отрезает хрустящую горбушку домашнего ржаного карава. Ах, как это вкусно, как замечательно – лесные ягоды с молоком и чёрным хлебом!

Дина медленно, подробно вспоминает ощущения мягкой тёплой пыли под ногами, васильковые огоньки в золотой ржи, добрые, тёмные, словно корни дерева, изработанные бабушкины руки, вкус молока, хлеба и раздавленных во рту ягод. Наконец, её отпускает, она вздыхает свободно и почти спокойно. Вот и легче стало! Детство давно прошло, но осталось в сердце навсегда. Да не так уж всё плохо, просто она надорвалась, врач-пульмонолог высшей категории Дина Сергеевна Ивашкевич. Устала она, и кажется, что всё ей надоело и опостылело. И бесконечная медицинская писанина, и коллеги – каждый со своим кандибобером, и больные, которых лечишь-лечишь, а их не становится меньше, особенно сейчас, в это сумасшедшее время, после перестройки, когда словно завязли в бездорожье – и вперёд никак не продвинуться, и назад уже не вернуться. Больше всего Дина опасалась именно этого внутреннего выгорания, которое она наблюдала у некоторых своих коллег, когда уже ничего неинтересно, не нужно, и врач становится равнодушным к здоровью и даже к жизни своих пациентов. Внешне это незаметно, но специалист становится почти профессионально непригодным.

В больнице затеяли давно назревший ремонт, больных разместили в соседних отделениях, где и самим мест не хватало, поставили кровати в коридорах. Заведующий ходил злой, все от него чего-то хотели – и начальство сверху, и персонал отделения снизу. Он нервничал, каждый день проверял, как идёт ремонт, который начался довольно бодро, но продвигался всё медленнее, пока, наконец, дело не застыло окончательно – кончились средства, выделенные на ремонт в этом году, и надо было ждать их поступления из бюджета уже нового года. И куда эти деньги провалились, в какую чёрную дыру – понять было невозможно – не медицинского ума это дело – инфляция, тендеры, недавний дефолт и вся подобная дребедень, которая врачей и больных касаться бы не должна, но касалась. К тому же медикам задерживали зарплату, что хорошему настроению не способствовало.

Вот в этот момент Дина и почувствовала, что всё – больше она не может, не будет, и не должна, силы её на исходе, на пределе. Всё! В отпуск! А если начальник не отпустит – уйдёт на пенсию! Ей шестьдесят два года, и она имеет право! Лукавила сама с собой, конечно – какая там пенсия, им на неё не прожить, да и работать-то в больнице некому! Не она виновата, что врачи идут торговать на рынок. Детей кормить надо, а зарплаты мизерные, да ещё и не дают вовремя. Но и она не железная – такой воз тянуть... Глупо в ноябре в отпуск идти, да сил нет, надо передохнуть. А отпусков этих у неё накопилось за три года – надо их использовать, а то ещё пропадут. И пошла она с заявлением на отпуск к этому самому заведующему. Тот взял бумажку, прочитал и даже не ехидно, как она ожидала, а просто устало произнёс:

– Дезертируешь...

– Да, – согласилась она, – опасуюсь свалиться! Ты же знаешь, я не могу себе этого позволить...

– Как муж?

– Вылезает... Вылезем, если у меня сил хватит.

– Ну, давай! Иди...– он хотел сказать «отдыхай», но не сказал, потому что знал, отдыхать ей придётся мало, мужа вытаскивает после инсульта. Ну, может, хоть отоспится.

– Иди, ладно! – рукой махнул, поморщился, – сдай больных Дуровой. Уж очень она зелёная...

– Она справится. Да все больные у меня на выходе. Если что – вызывайте, приду.

– Ладно, договорились!..

Они давно работали вместе, и между ними было такое взаимопонимание, что и слов лишних не надо.

Муж, что называется, из болезни «вылезал», ходил потихоньку по квартире с палочкой, опирался на стены, перехватывался за спинки стульев, разговаривал так, что понять было можно. Да и лицо стало хорошее, живое лицо, почти прежнее. Взгляд неуверенный, виноватый. Уж как она за ним следила, за его давлением, состоянием, убеждала уйти на пенсию, – восемьдесят лет! – давно пора! Хотя выглядел хорошо, в университете, где он был заведующим кафедрой иностранных языков, его ценили, он прекрасно справлялся, но у молодых его коллег уже созрело желание с этой должности его ссадить. Молодое поколение сменяет старое, которому пора уходить на отдых – нечего нарушать биологический закон жизни! Муж это понимал и нервничал. Он был старше Дины на 18 лет, но выглядел всегда моложе своего возраста, следил за собой, был элегантен, воспитан, джентльмен, одним словом... Не послушался её, наверное, стеснялся, что будет дома сидеть, а жена на работу бегать, нервничал, конечно, – и вот результат. Лечение идёт успешно, она была уверена, что его вытащит. Как когда-то он вытащил её... Долг платежом красен. Хотя какой же долг? Просто любовь, выросшая из благодарности. Пожалуй, такая спокойная, семейная любовь крепче обольщений молодости.

Спасибо сестре мужа. Как только случилось это несчастье, она тут же примчалась из другой теперь уже страны, помочь, плечо подставить, хоть и сама уже не молоденькая. Она оставалась с больным братом, а Дина бегала на работу в больницу, принимала больных в частной поликлинике, металась по частным вызовам, зарабатывала деньги на лекарства, процедуры, массажиста, ведь в перестройку все сбережения пропали, и жили они теперь, что называется, с колёс. Врача Ивашкевич в городе знали и ценили. Дина была хорошим диагностом, а правильный диагноз – это уже половина успеха лечения. Свою золовку, Александру Львовну, Шурочку, Дина любила и уважала. Та знала всю историю женитьбы брата, полюбила Дину, обожала их дочь Вероничку – у самой-то было двое сыновей, и про себя то ли в шутку, то ли всерьёз говорила: «Я – будущая сирота!» Всё так и случилось. Сыновья разъехались, женились, изредка приезжали погостить, но мать к себе жить не звали, ведь у каждой жены была своя мама. Шурочка пока что сама справлялась с жизнью, а там, будь что будет! А теперь уж понятно было, что останется она с братом и Диной навсегда, и будут они жить одной семьёй. А уж дело Дины, их личного врача, чтобы родные люди жили долго и по возможности спокойно и счастливо. Дочь, Вероника, с мужем в Москве бьются за себя и свою семью, дай Бог им самим с этим справиться. Муж с возрастом, а, возможно, из-за болезни стал сентиментален, даже слезлив и не умел этого скрыть. Раньше не могло быть ситуации, из которой он не нашёл бы выхода. Дина всегда

чувствовала себя за мужем, жила спокойно, подруги завидовали. Но теперь всё изменилось, перестроилось, и она как-то незаметно оказалась в семье главной. Эта замена происходила постепенно, и теперь уже казалась естественной. Да если честно самой себе признаться – это муж из наивной девчонки сделал её такой, какая она есть.

* * *

А какой она была до встречи с мужем? Простая деревенская девочка. Отец – главный агроном совхоза, большой, сильный, грубоватый человек, мать – учительница литературы. Он привёз её из города, где учился в институте. Вышла она за него замуж ещё студенткой, молодожёны уехали в его родное село, и окончила она свой институт заочно. Не очень она была умелой в домашнем деревенском хозяйстве, изящная, тоненькая, с мягким характером, деликатная – подчинялась мужу во всём. Свекровь, вначале настороженно отнёсшаяся к ней, постепенно подобрела, говорила соседкам про невестку, что у неё ангельская душа. А уж когда родилась Дина, две женщины сроднились окончательно. Бабушка Дины была из крепкой крестьянской семьи, до революции окончила епархиальное училище для девочек, грамотно писала, читала, но с детства имела навык к тяжкому сельскому труду. Она и сына побуждала к учёбе.

Позднее Дина о многом догадалась сама, цепкая детская память удержала все недомолвки взрослых. Отец, за что-то обидевшись на мать, называл её белой костью. Подруга – учительница, которой мать поверяла свои семейные горести как-то при Дине произнесла скороговоркой: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». А уже в хрущёвскую оттепель, Дина, приехав с мужем в отпуск, прямо спросила отца о матери, о её родных и истории их женитьбы. Отец сначала уклонился от ответа, а к вечеру, выпив с зятем по стопочке, вдруг начал рассказывать, и Дина никогда не видела его таким нежно взволнованным. Наверное, он всё-таки любил жену, да не всё у них ладилось. Семья у неё была интеллигентная, дворянских даже корней, отец – инженер, а мать чертёжница, работала вместе с мужем. Родителей обоих арестовали в 1936 году, а дочь Машу, студентку филологического факультета, собирались отчислить из института, да и вообще ей было опасно оставаться в этом городе. Кто-то из соседей виды имел на её большую комнату, доносы на неё писали. Ухажёр Машин, красавец и умница, гоголем ходил, да как беда случилось с её родителями, куда-то исчез и знать её не желал. Отец Дины, Сергей Нечаев, дружил с однокурсником Володькой, соседом Маши по коммунальной квартире, которая прежде вся принадлежала её деду-профессору. Очень девушка ему нравилась, но он даже виду не подавал, понимал – не его поля ягода. Какое там знакомство – «здравствуйте, до свиданья», если случайно в коридоре встретит. Он узнал, о том, что случилось от Вольдьки, тот вдруг и сказал: «Ты же по ней сохнешь, вот и женись, если, конечно, не боишься, увози её отсюда от греха подальше!» Он уже государственные экзамены сдавал, и направление у него было – на работу в родное село. И как диплом получил, пошли они с другом к ней в комнату, свататься. Володька бутылку вина взял, купили и закуску. Постучали, зашли, а она сидит воробышком растерянным, из гнезда выпавшим. Ни одной родной души рядом – ни друзей, которые разбежались, ни любимого, который струсил, из института вот-вот отчислят. Стипендии её лишили, а деньги, которые были выручены за какие-то проданные вещи, все прожила, и что

делать не знает. Гости сами заварили чай, сделали бутерброды с колбасой, с сыром. Смотреть было больно, как она взяла бутерброд, слюну сглотнула, смутилась. Сам-то жених дар речи потерял, а все переговоры Володька вёл. И то пугал девушку, то мягко стелил, так что Машенька, пребывая в отчаянии и тоске, вдруг неожиданно согласилась, может быть, сразу и не поняла толком, кто из них ей предложение делает. Через неделю они с Машей уехали. С собой невеста взяла узел с постельным бельём, одеялом и подушкой, собрала чемодан с одеждой, положила и семейный альбом. Альбом с фотографиями сразу спрятали и никогда никому не показывали. Дина его увидела только после этого разговора с отцом и увезла с собой.

Тихая была Маша, послушная, верная, но муж понимал – не любит его жена. Может быть, жалел о своём поступке. Может, и она жалела, что так опрометчиво согласилась, но никогда об этом не говорила. Рождение дочки их, конечно, сблизило. Смирилась Маша. А родители её сгинули, как будто их никогда и не было. Позднее уж муж Дины делал запросы, на которые пришёл ответ, что дед её был расстрелян, а бабушка умерла от болезни. Реабилитировали обоих посмертно. А Маша с мужем казались вполне благополучной парой. Сельская интеллигенция, уважаемая семья.

Мать любила читать, и даже дочь назвала в честь толстовской героини, Диной, напроорочив ей человеческую, женскую доброту и отзывчивость. Отец очень хотел сына и считал, что рождение девочки просто временная неудача. Но больше детей у них не случилось. Дине было четыре года, когда началась война. Отца вскоре мобилизовали, мать преподавала в школе литературу и русский язык. Когда отец после ранения в самом конце войны вернулся домой, Дине было уже восемь лет, и она болезненно восприняла новую изменившуюся жизнь под командой сурового человека. К тому же оказалось, что на фронте он пристрастился к выпивке. И мама сникла, увяла, редко смеялась.

Отец с утра до вечера пропадал на работе, и Дина была счастлива, когда он просто её не замечал. Но иногда на него нападал стих – дочь надо воспитывать, он требовал её дневник, задавал вопросы по учебникам и ругал за каждое домашнее упущение. Разбитое ею блюдечко превращалось в драму с выговором, наказанием – обойдёшься без кино, не пойдёшь на школьный праздник! Мать и бабушка пытались заступиться за Дину, но получали резкий отпор: «Вы обе портите мою дочь! Ей бы только книжки читать, в которых одно враньё, а девчонку надо готовить к реальной взрослой жизни. И ты, мать, – напускался он на бабушку, – балуешь её, делаешь по дому всю работу сама, учи её, ей жизнь жить, замуж выходить. А кому она будет нужна, такая неумёха!» Дина помнила, как мама вспыхнула и отвернулась, скрывая слёзы. Неладно у них было в доме, беспокойно.

Она была в восьмом классе, когда скоростижно скончалась сначала бабушка, а ещё через два месяца после неудачно сделанной операции аппендицита умерла мама. Дина на похоронах не проронила ни слезинки, словно впала в какое-то оцепенение. Отец рыдал и каялся, каждый вечер напивался, обнимал Дину, обдавая запахом перегара: «Осиротели мы с тобой, доченька!» А через два месяца снова женился, привёл в дом молодую женщину, учётчицу тракторной бригады, и эта Ульяна была полной противоположностью матери – крупная, громкоголосая, хозяйственная, и в её руках любое дело горело и ладилось. Уже взрослой женщиной Дина догадалась, что между отцом и Ульяной давно уж были близкие отношения. Зла большого в мачехе не было, просто Дина была ей чужой.

Ульяна по своему вкусу выстраивала новое пространство дома, переставляла, меняла местами комод с диваном, этажерку с тумбочкой, передвинула стол, переставила даже кадки с огромным фикусом и цветущим олеандром. Вытащила из шифоньера одежду матери, принесла, бросила ворохом на постель Дины, сказала:

– Принимай наследство, тебе сгодится! Уж такая махонькая твоя мамаша была!

Дина легла на кровать, обняла руками одежду, вдохнула материнский запах и, наконец, заплакала; так в слезах и заснула. Проснулась ночью. На полу раскинулась полоса света от заглядывающей в окошко полной яркой луны. В доме стояла тишина, как будто кроме неё здесь никого не было. Да что в доме – казалось, в целом свете она была теперь одна. Встала босиком на половичок, подошла к окну. Невдалеке светлела просёлочная дорога, уходившая за село, где впадала уже в большую дорогу, которая вела в другой мир. Больше всего на свете Дине хотелось уйти из этого дома навсегда, ведь здесь уже никогда не будет ни мамы, ни бабушки. Невыразимое одиночество мраком заполнило душу четырнадцатилетней девочки. Что же делать? Да, она хочет уйти отсюда. Но куда?! Как?! И вдруг вспомнила разговор бабушки и мамы после того, как притащила домой выпавшего из скворечника птенца.

– Маша, – сказала бабушка, – ты погляди-ка, какая добрая девочка наша Дина! Скворчонка принесла, а то у котёнка лапку вылечила. Ей на врача надо выучиться! Она всё живое любит и жалеет!

– Да, – сказала мама, – я тоже так думаю. Ещё и нас с вами полечит!.. Только я слышала, что в медицинские институты конкурс большой, а у неё тройки проскакивают. На уроках книжки под партой читает. И уроки делает кое-как. Всё читает и читает. Это, конечно, хорошо, что читает, развивается, но и уроки же надо делать. А она живёт, как ребёнок несмышлёный! Как ей внушить, что её дальнейшая жизнь от неё же зависит?!

Дина вспомнила их голоса, захлебнулась слезами, уткнувшись в подушку, пригасила рыдания. А когда опомнилась, восприняла этот разговор как завещание матери и бабушки. Она сделает всё, чтобы стать врачом!

И с этого дня никто не узнавал прежнюю беспечную Дину. Каждый день самым тщательным образом она готовила уроки. Восьмой класс окончила почти на отлично, помешали тройки в первых двух четвертях. Через год Ульяна родила двух мальчишек-близнецов. Отец был счастлив. Неожиданно для себя Дина полюбила братишек, с удовольствием возилась с ними, стирала, гладила пелёнки. Всё успевала – и учиться, и домашнюю работу делать, и братишек нянчить. Худенькая была, хрупкая, небольшого росточка, но вдруг такая проявилась в ней сила, такая энергия, такая заточенность на жизнь! Чтобы знать уроки, ей было достаточно просто слушать учителей. Мачеха к ней подобрела, отец не пытался воспитывать, а если пытался, Ульяна давала ему отпор. И он слушался жену, даже робел перед ней, словно его подменили. Наверное, ему по жизни нужна была именно такая – горластая, волевая женщина, а не деликатная тихая мать Дины.

В школьном аттестате оказались у Дины две четвёрки. Одна по физкультуре, другая по русскому языку. Поставили Дине четвёрку за выпускное сочинение. Учительница, не глядя в глаза, пояснила, что где-то в тексте Дина поставила лишнюю запятую и недостаточно глубоко раскрыла образы коммунистов в ро-

мане «Поднятая целина». Вступить за неё, проверить, оспорить было некому. Надежда, что Дина поступит в медицинский институт без экзаменов, мелькнула и пропала.

Дина уезжала в большой старинный областной город, где учились и познакомились её родители. Вещи уже были собраны, Ульяна упаковала даже зимнее пальто, валенки, пуховой платок, как будто отрезала Дине возвращение домой. Отец, за ужином, хорошо набравшись, вдруг стукнул кулаком по столу и выразил свою обеспокоенность судьбой дочери: «Ты, девка, себя соблюдай, смотри мне, в подоле не принеси! Знаем мы этих медиков!» Ульяна прикрикнула на мужа: «Не болтай!» Дина замерла. Оскорбление лишило её дара речи, ведь ни с кем не встречалась, всерьёз не влюблялась, не обращала особого внимания на ухаживания сверстников. Она встала и молча вышла из-за стола. Она знала, даже если не поступит в институт – сюда она уже не вернётся.

* * *

Приезжих абитуриентов разместили в общежитии, и Дина, увидев на доске объявлений постоянно увеличивающееся число претендентов на одно место, заробела и почти не выходила из комнаты – только в столовую и на консультации, всё время штудировала предметы экзаменационной программы. Сдавать нужно было четыре экзамена: сочинение, физику, химию и немецкий язык. Городские девушки были модно одеты, остры на язычок, раскованы, многие были знакомы друг с другом. Дина же стеснялась, робела, опасалась показаться неуклюжей и деревенской. Возможно, она и производила такое впечатление. Это уж потом её оценили и полюбили – за искренность, дружелюбие, за мгновенную готовность прийти на помощь.

За сочинение Дина получила пятёрку, физику тоже сдала на отлично, хотя чувствовала, что экзаменатор придирается, задаёт каверзные вопросы и не всегда по программе, но она выказывала острую сообразительность, быструю реакцию, и физик сдался. По химии получила четвёрку, которую поставила ей преподаватель, неопределённого возраста женщина, некрасивая и унылая. Хотя Дина на все вопросы билета ответила и задачу решила. Но не повезло. Во время её ответа в аудиторию зашёл кто-то из мужчин-преподавателей и, послушав ответы Дины, улыбаясь, сказал экзаменаторше: «Ставь-ставь пятёрку девочке, смотри, какая симпатичная, глазастая – нам здесь такие нужны!» Химичка как-то криво улыбнулась уголком рта, посмотрела экзаменационный лист. Две пятёрки! А вот, симпатичная, глазастая, получи – «хорошо»! Ходили слухи, что проходной балл будет не меньше 19. Дина, конечно, расстроилась из-за четвёрки, но надеялась, что экзамен по немецкому языку поправит дело. Учительница немецкого хвалила Дину, считала лучшей ученицей в классе, ставила всем в пример.

Через два дня он и состоялся, этот последний экзамен. Дина накануне долго не могла забыться сном, утром проснулась поздно, заметалась, испугалась, что опоздает и прибежала к нужной аудитории, когда в коридоре осталось несколько человек из её группы. Они явно были чем-то встревожены. Оказывается, большинство ребят выходили с экзамена с четвёрками, были и тройки. Дину тут же просветили, что принимает очень строгий дядечка, который говорит с каждым только по-немецки. Дина затревожилась. Когда взяла билет и прочитала вопросы, ей сначала показалось, что она ничего не помнит. Потом взяла себя в руки,

подумала. Грамматику она знает, текст для перевода тоже не очень сложный. С волнением слушала, как отвечали другие. Экзаменатор, светловолосый, приятной внешности взрослый мужчина задавал вопросы, но Дина словно не узнавала язык. Он говорил быстро, и совсем не так произносил слова, как её школьная учительница. Дина даже не всё понимала. Паника перехватила горло, ей хотелось выбежать из аудитории и не возвращаться. Долго, придираясь к себе, возилась с переводом. Пошла отвечать последней, и колени её подгибались.

Преподаватель слушал внимательно, не перебивая, задавал вопросы, и она напрягалась, чтобы понять его. Но она отчаянно боролась, отвечала, хотя голос предательски вздрагивал. Наконец, он замолчал, посмотрел экзаменационный лист, спросил, в какой школе училась. Выслушал ответ, и по выражению его лица она поняла, что он чем-то недоволен. Всё было кончено. Сейчас он влепит ей тройку, и она пойдёт искать медучилище. Слёзы отчаяния туманили глаза. «Только не заплакать! – думала она, – только бы удержаться и не заплакать!» Он поставил отметку, расписался. Дрожащей рукой она взяла листок и, не взглянув в него, быстро вышла из аудитории. В коридоре уже никого не было, она на слабеющих ногах подошла к окну, посмотрела в листок. В соответствующей графе было крупно выведено: «отлично!». И какая-то затейливая роспись. Она поступила! На лечебный факультет! Она будет врачом!

Дине дали место в общежитии, и, предварительно договорившись с комендантшей, её вдруг пригласила жить вместе девушка-старшекурсница в комнате на двоих.

* * *

Первого сентября первокурсников отправили в колхоз «на картошку», и своё место в комнате Дина заняла только в конце месяца. Свою новую старшую подругу Риту, Дина сразу стала обожать. Рита знала всё и всех, посвящала Дину во все тонкости институтской жизни и учёбы. Комнатка у них была крошечная, на четвёртом этаже общежития, бывший хозяйственный чуланчик с узким оконцем под потолком. Но это была единственная в общежитии комната на двоих, в основном жили вместе по шесть, а то и по восемь человек.

Дня через три к вечеру в комнату постучали. Войдите! – закричала Рита. Дверь открылась, и Дина про себя тихо ахнула. На пороге стоял актёр Роберт Тейлор, в которого влюбились сразу и Дина, и её однокурсницы. Только сегодня Дина с девчонками в третий раз ходила смотреть недавно вышедший на экраны фильм «Мост Ватерлоо». Такой же темноволосый, с усиками, красавец. Только не в военной, а в чёрной шинели с золотыми вензелями вместо погон – студент горного факультета соседнего технического вуза.

– Лёша, Дина, познакомьтесь! Лёша, это Дина, моя новая соседка. Дина, это Лёша, мой знакомый... нет, друг! – улыбнулась она, уточняя.

Дина стояла в смятении, сама не осознавая, что её так смутило, не смея подать руку этому улыбающемуся красавцу. Он сам подал ей руку:

– Давай свою лапку, Дина!

И она вложила свою заолодевшую руку в его горячую сухую ладонь. И тут же отдрнула, словно обожглась. Рита засмеялась:

– Не удивляйся, Лёша, Дина у нас соответствует своему имени, немножко дикарка.

Дина с замиранием сердца ждала занятий по немецкому языку, со смущением готовилась встретить своего спасителя, но пришла молодая эффектная женщина, и Дина успокоилась. Он пришёл на лекцию по латыни, представился:

– Я, Станислав Львович Ивашкевич, буду учить вас замечательному языку – латыни, в пределах вашей профессии. Не пренебрегайте. Латынь – профессиональный язык врачей. К тому же она дисциплинирует ум.

Дина, как всегда, сидела в аудитории в первом ряду, он увидел её, узнал, на лице мелькнула мгновенная улыбка, так с улыбкой он и начал лекцию. Дина не просто слушала – она внимала, старательно записывая все его слова. И с тех пор, войдя в аудиторию, он, прежде всего, находил её глазами, улыбался, здоровался, глядя на неё, и казалось, что он здоровается только с ней. Однокурсники это заметили и над Диной немножко подшучивали. Дина спросила о нём у Риты. Та отозвалась:

– Ну, это человек особенный! Заведующий кафедрой, окончил институт иностранных языков. Говорили, что на фронте, сначала был разведчиком, потом переводчиком в каком-то большом штабе. Изучил самостоятельно латынь, и преподаёт её в нашем институте. Красавец, умница, джентльмен! Бабы по нему сохнут! А вот, поди ж ты, два года назад его бросила жена, уехала из города с каким-то мужичишкой, который ногтя его не стоил. Теперь он холостяк, хотя, конечно, далеко не монах. Но со студентками – ни-ни. Никогда! Так что если он тебе нравится – забудь!

Дина протестующе замахала руками, куда там – нравится! Сама про себя понимала – этому человеку она обязана поступлением в институт. И так хотелось доказать ему, что пятёрку он ей поставил не зря.

Лёша часто приходил к ним в комнату, и они с Ритой уходили в кино, на вечеринки. Рита посвятила Дину в свои планы:

– Лёша тоже на последнем курсе, мы поженимся, как только получим дипломы.

Дина не сразу поняла, что влюблена. Просто вдруг от какой-то мелочи, от улыбки, от шутки этого Лёши вдруг становилось так хорошо! Иногда они брали Дину с собой в кино, на институтский вечер. Радость вскипала в ней, словно она выпила глоток вина. Иногда она приходила с занятий, а комната была заперта изнутри. «Целуются!» – думала она с болью и, не смея постучать, сидела в коридоре или шла к девчонкам в соседнюю комнату. Все понимали, почему Дина приходит к ним, а однажды соседка ей сказала:

– Теперь понимаешь, почему Ритка хотела с тобой поселиться? Она проделывает этот фокус не с тобой первой. Ей комната нужна для свиданий и такая дурочка, как ты. Не ты первая попалась. Да и он у неё не первый...

Но Дина не находила в себе зла и раздражения. Что ж, раз у них такая любовь, она потерпит. Хотя было очень больно! Она впервые так неожиданно влюбилась, и больше у неё никогда не будет другой любви... Но это не так важно. Главное, чтобы Рита и Лёша не догадались. Она ведь не нарочно, так получилось... Но они догадались. Алексею льстила влюблённость этой девчушки, а Рита, когда бывала в дурном настроении, начинала делиться с Диной их общими с Алексеем планами на будущую жизнь. После чего приходила в хорошее расположение духа – приятно властвовать над чужой душой.

Первую, зимнюю сессию Дина сдала отлично. Это оказалось для неё не таким уж и трудным, само собой разумеющимся делом. И радостно ей было

сдавать латынь Ивашкевичу. Она отвечала на вопросы чётко, точно, радостно, улыбалась, и он радовался за неё, словно они давали понять друг другу, что он не ошибся, поставив ей не вполне заслуженную пятёрку на вступительных экзаменах.

* * *

На зимние каникулы Дина поехала домой. Её встретили радостно, братишки не отходили ни на шаг, с восторгом приняли подарки, немудрёные яркие игрушки, конфеты. Отцу Дина привезла несколько пачек «Беломора» – большой в селе дефицит, Ульяне – две пары тонких фильдеперсовых чулок – большая в те времена редкость и женская радость. Дина за ними в очереди стояла – нельзя же приехать с пустыми руками.

Вернулась с каникул Дина с деревенскими подарками – растроганная Ульяна зажарила гуся, напекла пирогов в дорогу, положила кусок сала, банку солёных рыжиков. Рита приехала со своими гостинцами, и они решили устроить пир горой. Пока накрывали на стол, пришёл Лёша, Увидев домашние яства, заулыбался, сбегал в магазин, принёс бутылку вина. Дина вино чуть пригубила. Рита и Лёша выпили бутылку до дна, хвалили угощение. Лёша на Дину поглядывал ласково, глаза блестели. У неё замирало сердце.

И всё пошло по-прежнему. Дина истово училась, до позднего вечера занималась в читальне, приходила поздно, часто ощущая в комнате запах папирос, которые курил Лёша. Не вдаваясь в разговоры, ложилась спать, ощущая неожиданное, прежде неизведанное томление души и тела. Вела переговоры с девчонками из перенаселённых комнат, не хочет ли кто с ней поменяться. Желающих не нашлось. Надо было ждать следующей осени.

Майской ночью у Риты случился приступ острого аппендицита. Диагноз Рита тут же сама себе и поставила. Дина сбегала на вахту, вызвала скорую, поехала с Ритой больницу. В приёмном покое вызвали дежурного хирурга, и Риту на каталке повезли в операционную. Она жалко кивала Дине, простонала: «Лёшке скажи!». Операция длилась долго, врач вышел уставший, озабоченный, бросил кинувшейся к нему Дине: «Успели... всё должно быть нормально!»

Лёша пришёл в воскресенье, в новой модной вельветовой куртке на молнии, из отворотов выглядывает белая рубашка с галстуком. Он выглядел чистым, ясным, отглаженным, с улыбкой открыл дверь, но, застав Дину одну, озадаченно спросил:

– А где Ритка? Мы же договорились сегодня в кино, я и билеты взял на пять часов, на семь уже не досталось...

Дина коротко рассказала о случившемся, добавила:

– Я к ней сейчас собираюсь в больницу, вот собрала, что она просила.

– Можно, я с тобой пойду?

– Пойдём! – обрадовалась Дина, – побыть рядом с Лёшей было очень приятно.

Рита встретила их в коридоре, ей уже разрешили ходить. Они присели на стулья, но разговор как-то не клеился. Лёша явно не знал, что сказать, Рита с Диной разговаривали о каких-то пустяках. Наконец, больных позвали на обед, они встали, Рита, прощаясь, на правах невесты клюнула Лёшу в щёку быстрым поцелуем, а он смущённо выдавил из себя:

– Ну... ты, это...давай, поправляйся!..

Выйдя из больницы, Лёша сказал:

– Пойдём мимо кинотеатра, я билеты продам, жалко только в очереди стоял целый час.

– А что сегодня за фильм?

– Новый какой-то, «Возраст любви» называется. Такая красotka на афише нарисована!

– Я с удовольствием посмотрела бы, – сказала Дина, – я тебе деньги за билет отдам! Если ты не пойдёшь, один билет я продам кому-нибудь.

– Да пойдём, посмотрим! Ритке только не говори!..

– Почему?! – удивилась Дина.

– Она меня ко всем ревнует, а к тебе особенно, говорит, парни вокруг тебя хороводом ходят! А ты их меняешь, как перчатки.

– Не может быть, чтобы она такое говорила. Ты шутишь, наверное?!..

– А что тут удивительного, вон, ты какая красивая!

Дина залилась краской, стало жарко, должно быть, майское солнышко уже пригревало. Они шли по весенней улице, не торопясь, молодые, красивые, прохожие на них оборачивались, улыбались. В те времена перед вечерними сеансами в фойе кинотеатра играл небольшой оркестрик, солисты пели популярные песни и арии из оперетт. Они пришли задолго до начала сеанса, но уже работал буфет, рассаживались по местам музыканты.

– Пить хочется, – сказала Дина.

– Сядь вон за тот последний столик, а я пойду, посмотрю в буфете какое-нибудь сидро.

Скоро он вернулся с бутылкой и двумя стаканами, доложил:

– Ситро не было, вот только какой-то напиток «Медок».

Он разлил содержимое по стаканам. Дина наклонилась – действительно пахло мёдом. Пить было приятно, вкус какой-то особенный. Лёша попробовал, прочитал этикетку, засмеялся:

– Да он хмельной, 9 градусов!

Оркестр, наконец, настроился, конферансье объявил вальс из кинофильма «Светлый путь». Дина хлебнула напиток, голова вдруг закружилась, и душа её понеслась вслед за коварно прекрасным вальсом, за счастьем, которое непременно будет, да что там – уже есть, вот оно рядом, смотрит на неё ласковыми, смеющимися глазами. Ах, какой сегодня замечательный день, пятнадцатое мая! Она будет помнить этот день всю свою жизнь! Скоро Лёша с Ритой получат дипломы, пожениются и вместе уедут. Лёше уже дали направление куда-то в Заполярье. И она никогда больше его не увидит... Хмель ударил Дине в голову, она впервые посмотрела Лёше прямо в глаза:

– Вы с Ритой скоро уедете, я больше тебя не увижу! Но когда услышу этот вальс, буду вспоминать и этот день, и тебя тоже!..

– Да, сегодня какой-то хороший день, – сказал он, – я тоже буду его вспоминать. И тебя!..

– Договорились! – счастливо засмеялась Дина.

В тёмном зале кинотеатра, он вдруг взял её руку, крепко, до боли сжал ладонь, и тут же болью, страхом и восторгом сжалась её душа. Она попыталась было освободить руку, но он силой удержал её.

Когда они вышли из кинотеатра, ещё вовсю сияло солнце – Май, Весна, Свет!

Шли медленно, говорили о пустяках, о всяких смешных случаях студенческой жизни, хохотали. Дине казалось – так хорошо, так счастливо ещё не было никогда в жизни.

– Мне надо в магазин зайти, – сказала она.

– Пойдём, я тоже посмотрю, что там есть...

На выходе из магазина, Лёша подхватил авоську:

– Давай я тебя провожу!

Он довёл её до комнаты и на пороге спросил:

– Чаем напоишь?

Она поколебалась, но отказать было как-то неловко. А если честно, и не очень хотелось. Счастье продолжалось, крепло, набирало силу. Уже в комнате оба почувствовали, что проголодались. Дина сбегала на кухню, заварила свежий чай, сделала бутерброды с маслом и колбасой, оказывается, оба зверски проголодались. Они сидели напротив друг друга на кроватях, с аппетитом ели, пили чай, улыбались. Когда с едой было покончено, Дина с чашками вышла на кухню – вымыть посуду. Понимала, что Лёше пора уходить, и жаль было расставаться, и почему-то хотелось расстаться, чтобы в памяти, не торопясь, с чувством, снова пройти весь сегодняшний, такой знаменательный, такой счастливый день! Скоро вернётся Рита, и всё станет по-прежнему. Но этот день она запомнит навсегда. Вернувшись в комнату, она увидела, что он расставил на столике шахматы.

– Извини, Дина, мне так уходить не хочется! Рита говорила, что ты хорошо играешь в шахматы. Сыграем партию? Если выиграешь ты – делай со мной, что хочешь, а если я выиграю, то я тебя поцелую. Идёт?

У Дины был третий разряд по шахматам, она решила, что может рискнуть и с удовольствием отвесит ему пару щелчков по лбу, чтоб не задавался.

– Что ж, давай сыграем! Ты заработаешь щелчки по лбу.

Она не учла своего волнения, сумятицы в мыслях, своей переполненности происходящим. И, залившись краской, вскоре признала своё поражение. Лёша смотрел на неё, улыбаясь, потянулся к ней. Она тихо попросила:

– Не надо, Лёша! Ведь ты пошутил?

– Нет, я не пошутил. Я у тебя выиграл, и я хочу тебя поцеловать!

– Но я не хочу, Лёша! Я ещё ни с кем не целовалась!

– Да, ладно!.. – не поверил он. Ну, значит, надо когда-то начинать! Почему бы не со мной? Тогда уж ты точно меня не забудешь, как и говорила сегодня, когда играли вальс.

Она попыталась было выбежать из комнаты, но он догнал её возле двери, одной рукой обнял, второй задвинул задвижку. Потом осторожно стал гладить волосы, плечи, успокаивая, словно породистую нервную лошадку.

– Ну же, Дина, не бойся! Что плохого, если мы поцелуемся?

В самом деле, подумала она, что тут такого?! И почувствовала его губы, и его руки, и его тело в прикосновении. Он не отпускал её и целовал ещё и ещё, шею, грудь. Что-то с ней случилось, она не поняла что. И руки его! Что он делает?! Она любила его! Она так безнадежно его любила! Так долго копилась в ней неслышимая, невидимая, непонятная ей самой сила желания. Нет, её не опалило пламенем, она сама была словно пламя, солнечный протуберанец, и уже не противилась,

хотя твердила: «Нет, нет! Не надо, не надо!» Но тело её безмолвно кричало: «Да! Да! Надо!» Не обращая внимания на слова, он слышал только зов её тела.

Очнувшись, он молча сел, отвернулся, потом сказал:

– Почему не предупредила, что ты... что у тебя никого не было?

Она промолчала, не в силах вымолвить ни слова. Он привёл себя в порядок, достал из нагрудного кармана узенькую расчёску, причёсался, подул на расчёску, снова положил её в карман:

– Ну...я пошёл? Ты... это... Ритке не говори...ладно?

Она молчала. Не осознавала до конца, что случилось, торопливо прикрылась одеялом. Он вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Она вдруг заснула тяжким глубоким сном. Проснулась перед рассветом и... осознала! Ужас, охватил её, девочку с деревенскими, патриархальными представлениями о жизни. Что с ней случилось, как она могла так поступить?! Что теперь делать?! Как жить?! Всплывшее в памяти сладко-красивое, прежде такое любимое Лёшино лицо вдруг показалось неприятным. Что же он ей сказал на прощанье: «Ритке не говори!» И всё – большего она не заслуживает! Да ведь он трус! Неприкрытая правда вдруг открылась ей – она проиграла себя в шахматы! Она была себе ненавистна. И ненавистным стал ей прежде такой любимый Лёша. Поняла – он привык получать это здесь, в этой комнате, затем и пришёл к Рите. Но Риты не было, и подвернулась оболганная подружкой Дина. Отвращение к себе, к нему, к Рите, ко всему на свете переполняло её. Она вскочила, побежала в душевую, включила воду и долго стояла под хлещущими холодными струями в тщетной надежде смыть с себя весь прошлый, омерзительный день. Она стояла и плакала, призывая внутри себя дорогое и безвозвратно потерянное: «Мама! Мамочка!.. Почему тебя нет! Что мне теперь делать, мамочка?!..»

На занятиях она отвлеклась, и ей стало легче. Что же делать, надо было жить дальше! Она уже никогда не выйдет замуж, ведь надо будет признаваться мужу в этом ужасе. Душа томила. Но жизнь брала своё, семестр подходил к концу, надо было сдавать зачёты, потом экзамены. И она с головой нырнула в занятия.

Выписалась из больницы Рита, затевала разговоры про Лёшу, с которым они скоро поженятся. Дина от разговоров уклонялась. Лёша избегал приходить к ним в комнату. Однажды возле общежития он встретил Дину:

– Дина! Нам надо поговорить!

– И что ты хочешь мне сказать?

– Дина... это... я виноват, конечно... но и ты виновата... Я... ты же знаешь, я... не могу на тебе жениться!.. Ритка меня не отпустит! Даже если ты пойдёшь жаловаться в комитет комсомола!

Дина внимательно всмотрелась в красивое лицо Роберта Тейлора, и её вдруг осенило: «А ведь он глуповат!..» Вселух сказала с яростью:

– Пошёл вон! И не попадайся мне на глаза!

Повернувшись, и горький смех душил её сквозь слёзы.

В учёбу окунулась с удвоенным рвением, готовилась, как уже привыкла, в читальном зале. Подружившись с библиотекаршей, брала учебники на ночь, в общежитие. Занималась в кухне, на подоконнике в коридоре. В комнату приходила поздно, ложилась спать. С Ритой почти не разговаривала. Похудела телом, и душа её вытянулись в ниточку. Зачёты сдавала легко, словно орехи щёлкала, один за другим. Начались экзамены. Два экзамена она сдала отлично. В середине июня по-

няля – что-то с ней не так. И поняла что. Она была беременна. Всё было кончено. Если раньше можно было промолчать, даже отодвинуть в памяти случившееся, то сейчас о её позоре узнают все. Что скажет отец! Что скажет мачеха! Что скажут в селе, её одноклассники, учителя? Принесла в подоле – вот что они скажут! И куда она денется с ребёнком? Ни жилья, ни денег, позорище на весь институт! А ещё собирались выдвинуть её на сталинскую стипендию! С трудом обретенное шаткое душевное равновесие окончательно покинуло её. Она не могла есть, она не могла спать – всё было кончено! Она даже не могла плакать – душа стонала почти физической болью, но так немилосердно далеко были слёзы! Однажды бессонной ночью ей вдруг пришла в голову мысль, что хорошо бы скоропостижно умереть. И никто ничего не узнает. Сразу стало легче. Но она здорова, нет у неё никакой неизлечимой болезни! И вдруг, молнией обожгла мысль – ведь она может умереть по своей воле. И сразу пришло облегчение. Да-да, это выход! Но тело будут вскрывать и, наверняка, узнают причину. Надо обставить всё так, чтобы имитировать несчастный случай. А лучше всего, чтобы её не нашли. Да, надо подумать! Она пыталась найти выход из своего совершенно безвыходного, как ей казалось, положения. Но его не было. Третий экзамен она сдала на тройку. Преподаватель, который её хорошо знал, удивился, студентка только что блестяще сдала зачёт! И поставил ей тройку за прошлые заслуги. Группа была в недоумении – что случилось с Диной?! Кто-то пытался с ней поговорить. Дина ходила чёрная, молчаливая, словно потеряла близкого человека и уклонялась от расспросов. Последним экзаменом была латынь. Что ж, она пойдёт на экзамен и увидит в последний раз этого замечательного человека... Жаль, что его помощь не пошла ей впрок. А потом в колхоз – и там она что-нибудь придумает! Отчаяние душило её. И одиночество. Она была совершенно одна на земле. И ни к кому не могла обратиться за советом и помощью.

* * *

Станислав Львович Ивашкевич, заведующий кафедрой иностранных языков, девочку эту, Дину Нечаеву, помнил с приёмных экзаменов. Поразило его в девчужке мужество, с каким она боролась до конца, не рассчитывая на снисхождение. Он всё про неё понял тогда – и то, что не виновата она в своём отставании в немецком – так её учили в сельской школе, и что девчонка, чистая душа, даже не пытается при такой-то приятной внешности пококетничать с мужчиной-преподавателем, и тем расположить его к себе. А на её месте так непременно сделали бы девять из десяти девушек. Цену себе не знает... Наверное, будет хорошим добросовестным врачом. И он поставил ей отличную оценку, открывая дорогу в будущее.

Человеку нравятся люди, которым он сделал добро. Ему было приятно встречать её в коридорах института, видеть её в читальном зале, прилежно склонённую над книгой. Даже загадывал, в каких-то своих достаточно сложных моментах жизни: если встретит сегодня эту девчужку – всё будет хорошо! На занятиях она сидела в первом ряду, и когда он открывал дверь в аудиторию, где занимался курс, встречался с её чуть смущённой, радостной улыбкой. Она помнила, чем ему обязана. И это была их, маленькая для него, но огромная для неё, общая тайна.

Однажды он увидел её в фойе кинотеатра. Дина была с подружкой-старшекурсницей и, видимо, с её же ухажёром. Он помнил всех, кто у него учился, возможно, сказывалась его тренированная память разведчика. Эта

девушка-подруга не была ему симпатична – хитрая, хваткая, не слишком искренняя. Он недоумевал, почему они, такие разные, даже по возрасту, рядом? Молодой человек с ними – красавец писанный в горной форме... И вдруг он понял с неожиданной для себя печалью и тревогой, что Дина Нечаева в этого парня влюблена! Невозможно было в этом ошибиться, видя выражение её лица, её радость оттого, что юноша рядом, её беззащитность перед своим чувством. Он взглянул на парня – хорош собой, да. Пристрастно посмотрел, внимательно – парень-то в общем неплохой, да. Но... пусто-пусто. Середнячок. Не такой мужчина должен быть возле тебя, девочка... Впрочем, ему-то какое дело! Он задумался и почти забыл, что рядом с ним его последняя пассия, дама приятная во всех отношениях – красивая, умная, взрослая, серьёзно нацеленная довести их отношения до загса. А что? С ней и поговорить можно, и в постели хороша... Может, жениться? – подумал он без энтузиазма. И сам себе определил, что торопиться некуда. Видно будет. Он уже один раз женился, второй раз не хочется наступать на одни и те же грабли.

И вот они снова одни в аудитории. Как и год назад Дина отвечает последней, сидит перед ним, и он вдруг увидел, что она в отчаянии, на грани непоправимого, страшного, что и словом-то невозможно обозначить... Почему?! Он пристально взгляделся – бледное лицо, скулы торчат, тёмные круги под глазами. Не спит, должно быть... Почему такая взрослая тоска у юной девушки? И внутренним озарением, догадался вдруг, почему... Ах, ты, боже мой, дурашка какая! Неожиданно по остро резанувшей душевной боли, даже ревности, понял, что с той самой первой встречи он был влюблён в эту девочку, не смея себе признаться в этом. Восемнадцать лет разницы! Кстати, исполнилось ли ей восемнадцать? Посмотрел зачётку. Предыдущие экзамены, две пятёрки, тройка... Останется без стипендии! Этот его экзамен последний. Молча, не выслушивая ответа на билет, поставил ей в зачётку «отлично».

– Что с вами происходит, Дина? – тихо спросил, – вы плохо себя чувствуете?

– Я жить не хочу... – почти прошептала она и посмотрела ему прямо в лицо своими огромными серо-зелёными глазами. Посмотрела так, словно он последний человек на земле, которого она видит. Он замер, вдруг почувствовав, что его собственная судьба затаила дыхание и ждёт, потому что зависит сейчас от этой, вдруг сделавшейся некрасивой, погасшей девочки. Словно молния ударила – он принял мгновенное решение. Но как посмотрит на это девочка... Как сказать ей?

В аудиторию заглянула уборщица, словно бы случайно звякнула ведром, знак подала, пора, мол, заканчивать.

– Дина, надо поговорить, давайте поужинаем вместе, – предложил он и замер, согласится ли она.

– Да, – кивнула она, – да...

И он понял – она согласилась, потому что ей всё равно, куда и с кем идти, лишь бы не оставаться наедине с собой. Он решил привести её к себе домой. Можно было бы и в ресторан, да там откровенно не поговоришь.

По дороге они зашли в гастроном, и он быстро купил всё самое вкусное, что попадалось на глаза. Погрузив свёртки в портфель, кивнул безучастно стоявшей в сторонке Дине:

– Пойдёмте, Дина!

Шли медленно – он видел, что у неё нет сил, хотел взять её под руку, но словно оробел – это он-то, перед девчушкой! – потом всё-таки решился, взял её безвольную руку, прижал к себе локоть и уверенно повёл. Встретились знакомые, с любопытством оглядели его спутницу, окликнули, он сделал вид, что не услышал, спиной чувствуя их недоумённые взгляды. В коридоре никого не было, и в свою комнату в коммуналке ему удалось провести Дину мимо соседских глаз.

Он накрыл стол, заметив, как судорожно сглотнула она голодную слюну. Даже сердце защемило, понял – это не она, это прорастающий в ней ребёнок требует еды. Чтобы её не смущать, сказал:

– Ешьте, Дина, не стесняйтесь! – и отошёл к окну.

Еда сделала своё дело – девушка немного успокоилась, напряжённые мышцы лица и тела расслабились.

– Дина, – сказал он, – скажите мне, что с вами случилось? Может быть, я смогу помочь вам?

Она залилась краской, молча опустила голову. И он замолчал, в смятении думал, как ему построить вопрос правильно. И вдруг спросил прямо:

– Дина, вы ждёте ребёнка?

Она безмолвно кивнула головой.

– Отец ребёнка отказывается жениться?

– Он и не знает...

– Почему вы не скажете ему?

– Никогда! Это одна я виновата! Я его ненавижу! И себя тоже!

– Как родители к этому отнесутся? Они помогут вам?

Взгляд её заметался в волнении.

– Они от меня откажутся, выгонят из дома.

– Даже мама?

– Мама нет. У меня мачеха. Мне никто не может помочь. У меня один выход – умереть...

Она заплакала горько, не как ребёнок, как взрослый человек, сухим рыданием, без слёз, как плачут от безысходности, от большого горя. Он вдруг решился, словно бросился в пропасть, воскликнул:

– Дина! Выходите за меня замуж!

Она резко подняла голову, посмотрела на него с изумлением, со смущением, снова залилась краской.

– послушайте меня, Дина! Я открою вам свою личную тайну. И у меня к вам серьёзное предложение. Если вы не согласитесь, обещайте, что этот разговор останется между нами.

– Обещаю, конечно!

– Семь лет назад я женился. Мы с женой очень хотели ребёнка, но никак не получалось. Жена ходила по врачам, ездила в санаторий. Говорили, всё у неё нормально, ждите. Ждали. Потом она стала просить меня обследоваться. При первой же беседе врач спросил меня, не болел ли я в детстве свинкой. Болел, и очень тяжело. И как следствие этой болезни – детей у меня не может быть никогда. Жене я честно всё рассказал, и вскоре по её инициативе мы разошлись. Она встретила другого мужчину, они вместе уехали из города. Через год я узнал от общих знакомых, что она родила ребёнка. Вот так, Диночка. Я очень люблю детей

и страдаю, что у меня их никогда не будет. Я могу стать отцом вашего ребёнка. Мы регистрируемся. Даю вам слово, что я не буду вас домогаться. Я дам ему мою фамилию и мою любовь. Вы мне нравитесь, но быть ли нам настоящими мужем и женой, решать будете вы. Время покажет.

Дина молчала, не поднимая головы. Молчал и он. Потом она сказала:

– Я не знаю, мне надо подумать...

– Подумайте, Дина, до завтра. Послезавтра ваш курс уезжает в колхоз на месяц. А ребёнку это может повредить. Кстати, какой у вас срок?

– С пятнадцатого мая... – она по-детски шевелила губами, подсчитывая срок.

– Это точно? Вы были у врача?

– Нет, у врача я не была... это случилось пятнадцатого мая...

Он догадался – это и было-то у неё один раз! Бедная, глупенькая девочка! Он поможет ей, что бы она ни решила, даже если она не согласится стать его женой хотя бы фиктивно. Аборты запрещены, но он найдёт врача, даст денег. Пусть так, но он ей поможет. Она как-то неловко ёрзала на стуле, он догадался и спросил, неожиданно для себя перейдя на ты:

– Хочешь в туалет?

Она вспыхнула и кивнула головой. Какой-же он, оказывается, болван! Сколько же она терпела! Они вышли из комнаты, он подвёл её к двери туалета. Звякнула задвижка, а он стоял, ждал, улыбаясь, слушал, как за дверью долго-долго, немислимо долго журчал весёлый ручеёк. Она вышла, смущённая, с опущенной головой, он повёл её в ванную комнату, открыл кран, – и вот удача! – котельная ещё работала, шла горячая вода.

– Жди, – сказал, – я сейчас. Принёс из комнаты мыло, полотенце, свою чистую старенькую рубашку. – Прими душ! Надень мою рубашку! Он вышел на общую кухню. Соседка, баба Зина, как все её называли, вопросительно на него посмотрела:

– Это моя родственница, – сказал он и, помедлив, добавил, – будущая!

Она вошла в комнату в его рубашке, которая была ей до колен, тоненькая, глазастая, смущённая. Он сменил бельё на кровати, себе постелил на диване.

– Ложись, Дина, спи спокойно. Утро вечера мудренее! – и вышел из комнаты.

Заглянул в ванную. Всё было аккуратно прибрано, пол подтёрт. На верёвочке возле стенки стеснительно повешены простенькие трусики – успела простирнуть. А лифчик она ещё не носит, догадался он, вспомнив, как двумя крепкими яблочками выпирают из-под кофточки её маленькие грудки. Где-то он встречал в литературе, древние греки считали, что идеальная женская грудь должна помещаться в среднюю мужскую ладонь. И его словно обдали кипятком, как будто он был неопытным юношей, мечтающим о первой женщине.

Когда он вошёл в комнату, свет уже был погашен. Он тихо разделся и лёг, стараясь не очень скрипеть старыми пружинами дивана. Призрачный свет фар изредка проезжавших машин скользил по лицу Дины. Глаза её были закрыты, но неизвестно, спала ли она. Спать! – приказал он себе, пресекая нервное возбуждение, как делал это на фронте, когда надо было непременно отдохнуть.

Он проснулся, как и привык, в 6 утра. Дина ещё спала, отвернувшись лицом к стене. Он неторопливо привёл себя в порядок, побрился в ванной, вскипятил на кухне чайник, заварил чай, приготовил яичницу с колбасой – холостяцкий за-

втрак на двоих. Когда вернулся в комнату, его гостья, уже одетая и причёсанная, рассматривала книги на книжных стеллажах, читала названия. Он расставил чашки, тарелки, нарезал хлеб.

После завтрака она собралась было унести посуду в кухню, чтобы вымыть её. Он не позволил ей этого, сделал всё сам. Вернувшись в комнату, спросил внешне спокойно, но с бьющимся сердцем:

– Что ты мне скажешь, Дина, – да или нет?

– Да! – прошелестел в комнате её отчаянный полушёпот. Она не знала, что повторяет судьбу матери, спасаясь замужеством с почти незнакомым человеком. Он спросил с замиранием сердца:

– Тебе уже исполнилось 18 лет?

– Да, в апреле.

– Паспорт с собой или в общежитии?

– В общежитии.

– Тогда быстро едем за паспортом, потом в ЗАГС. Нам ещё нужно получить освобождение от колхоза.

В унылой комнатке скучная безрадостная женщина молча взяла паспорта, выдала анкеты для заполнения, задала Дине вопрос о будущей фамилии, и он с волнением услышал о её желании сменить фамилию. Женщина выписала свидетельство о браке, взяла 30 рублей за оформление документов, обозначив бледными губами улыбку, пожелала им счастливой семейной жизни.

Выйдя на улицу, он остановил легковушку, и они помчались в поликлинику, где работала гинекологом жена его приятеля. Подоспели к началу приёма. К сожалению, врач знала о причине его развода. Но благодаря длительным дружеским отношениям, он надеялся на её помощь и молчание. Он зашёл в кабинет первым и закрыл за собой дверь. Его знакомая недоумённо, молча смотрела на него.

– Соня! – сказал он, глядя ей прямо в глаза, – моя девушка забеременела. Это мой ребёнок. Да-да! Не удивляйся, бывают же врачебные ошибки! Я рад и счастлив. Сейчас мы зарегистрировались, но их курс посылают в колхоз, а я не хочу, чтобы она ехала. Посмотри, что можно сделать. Пожалуйста!

Она несколько мгновений молчала, потом сказала:

– Пусть зайдёт!

Он вышел, кивнул Дине: «Заходи!»

Дрожа мелкой дрожью, Дина открыла дверь в кабинет. И он понял, что будущий врач Дина Сергеевна Ивашкевич ещё ни разу у гинеколога не была и предстоящая процедура её невероятно смущает.

Он вышел на улицу и ждал Дину, ощущая успокоение и надежду. У него будет семья – жена и ребёнок. И он, наконец, обретёт желанный статус настоящего мужчины, осознающего свою за них ответственность.

Станислав понимал, что нельзя отпускать от себя Дину в таком неустойчивом душевном состоянии. Он не хотел давать ей возможность задумываться. Депрессия душила Дину почти полтора месяца, и её хватка только сейчас чуть ослабела. Неизвестно, что ещё девчонка надумает. Пусть сразу будет под его присмотром, а там уж как-то всё образуется. Справка от врача, что Дина ждёт ребёнка, и что по состоянию здоровья ей противопоказано ехать на полевые работы была предъявлена в деканат. Там сначала сильно удивились, но свидетельство о браке было

налицо. Секретарша декана посплетничала с женщинами, мол, ну и молодёжь пошла! Вот тебе и пигалица – такого мужика на себе женила!! Ну, что ж, дело житейское.

В группе Дины это известие произвело эффект чрезвычайный. Она первой на своём курсе вышла замуж. И так рано! И так неожиданно, скрытная какая! Вспомнили, как Ивашкевич на лекциях смотрел на Дину и не очень удивлялись. Студенты догадались о его чувствах раньше его самого, раньше Дины. Не могли только припомнить, чтобы видели их вместе. Кто-то из ребят, сильно Дине симпатизирующих, закручинился, но в основном всё прошло спокойно.

Кто больше всего изумился – так это Рита, когда Дина пришла в комнату за своими вещами.

– Ты!.. Динка, ты?! Вышла замуж за Ивашкевича! Ничего не понимаю! Ты бы видела, какие мадамы его обхаживали! Нет...Ну, как же это у тебя получилось? Что ж ты молчала! Тоже мне, подруга называется! Молчала, как каменная, а оказывается, она роман крутила. Так вот почему ты так поздно приходила! Вот Лёшка удивится! А у нас с ним что-то не очень ладится...

Дина пожалала плечами. Этот человек для неё не существовал, сама удивлялась, а куда же пропала её любовь? Что за морок на неё напал? С огромным облегчением она покидала эту комнату навсегда.

* * *

Станислав знал, что между ним и Диной лес дремучий из её робости, разнице в возрасте, и его надо перейти. Как докричаться, как найти друг друга? Ведь она так молода, и он, старший, за неё отвечает. Он сделает для неё всё, что в его силах, и даже сверх того. Как же давно он никого не любил! А, может быть, так, как сейчас, и не любил никогда?

Дина написала родителям коротенькое письмо, сообщив, что вышла замуж за преподавателя. И он вложил в конверт листочек с уважительными извинениями, что не приехал предварительно лично познакомиться, туманно объясняя это некими серьёзными административными препятствиями. Но непременно, если они не возражают, они с Диной приедут к ним через месяц. Ответная телеграмма пришла через неделю, в ней было поздравление с законным браком и просьба сообщить день приезда. Подписана была телеграмма коротко: «Родители». Дина представила себе, как бушевал подвыпивший отец, как увещевала его Ульяна. И телеграмму, конечно же, давала она, не преминув похвастаться соседкам, что Дина отхватила себе состоятельного жениха, преподавателя!

Это было для них волнующее, но нелёгкое время. Он просил её называть его на «ты» и по имени, чтобы даже у соседей не было никаких сомнений.

– Станислав? – робко уточнила Дина.

– Дома меня называли «Стась»

– Хорошо, – покорно согласилась она, и с тех пор, обращаясь к нему, вообще всячески избегала произносить его имя. И как-то ей это удавалось. Станислав не торопил события, предвкушая радость, когда она всё-таки захочет обратиться к нему по имени.

Дине стало легче. Но иногда депрессивное состояние возвращалось – она была виновата, виновата, виновата! Станислав чувствовал это и однажды у него вырвалось:

– Да уже прости ты себя, Дина, не мучайся! Не ты первая, не ты последняя. Не думай о прошлом. Думай о будущем, о нашем ребёнке, не навреди ему своим отчаянием. Всё прошло, Дина, всё плохое прошло, милая! Ты не одна. Я никому не дам тебя в обиду!

Он старался отвлечь её, разбудить её интерес к собственной внешности, к нарядам и тем повысить её самооценку, свести на нет чувство вины. Он уговорил её обрезать косички. Известный в городе дамский мастер сделал ей стрижку по последней моде. Волосы её были мягкими, шелковистыми, чуть волнистыми, и старый мастер посоветовал завивку не делать, а в заключение сказал:

– Волосы у вас, девушка, мягкие, хороший, значит, характер!

Станислав давал частные уроки сыну директора главного городского университета, и у него была возможность покупать дефицитные вещи, а дефицитным было практически всё. С огромным удовольствием он покупал Дине красивое бельё, туфли, только что входившие в обиход прозрачные капроновые чулки, красивые отрезки на платье. Рекомендованная знакомыми портниха обшивала Дину, и скоро она стала выглядеть очень элегантно. Станислав даже не ожидал такого эффекта. Его юная жена была очаровательна!

Постепенно Дина успокаивалась. Она не ощущала физически своего состояния – ни тошноты, ни каких либо особенных вкусовых пристрастий. Дважды им спасённая, испытывая огромную благодарность, она стеснялась сама себе признаться в том, что он ей нравился с того самого, памятного обоим, дня приёмного экзамена. Она просто не посмела тогда влюбиться, даже в мыслях не допуская рядом с собой этого взрослого человека. Сейчас, ощущая рядом старшего, неизменно внимательного к ней мужчину, она отчаянно робела, недоумевая, как она, такая простенькая, глупенькая, могла ему понравиться. А он, понимая, как ей трудно, уходил из дома – по своим делам. На обратном пути заходил за покупками, давая ей время отдохнуть от него и просто освоиться в квартире. Возвращаясь, неизменно заставлял чисто прибранную комнату, вкусный обед или ужин. Он чувствовал её наивность, чистоту и не представлял себе, как же с ней случилась эта история с беременностью. Знал, что никогда её об этом не спросит, разве что она сама когда-нибудь захочет ему всё рассказать, предполагая, что герой – именно тот красавчик, которого он видел в кинотеатре. Они вместе ходили в кино, на концерты, в городской музей, картинную галерею, гуляли в парке. Он так много ей рассказывал, а она впитывала эти новые знания с радостью, с благодарностью, с гордостью за него – он всё знает! Она была очень восприимчива. Он чувствовал её потенциал и хотел воспитать из неё особенную женщину, свою жену.

Очутившиеся вместе так быстро, так необычно, мужчина и женщина, они чувствовали, что их влечёт друг к другу, оба понимали, что неизбежное должно случиться. Встречные взгляды, вначале мгновенные, затем всё более продолжительные, нечаянные в тесной комнате лёгкие касания, шутки, смех – всё это было прелюдией любви, ритуальным танцем приближения. И этого у Дины прежде не было никогда. Сам воздух в комнате словно сгущался, волновал, затруднял дыхание. И, наконец, однажды, нечаянно столкнувшись, они слегка обнялись и замерли. Следующее объятие стало намеренным. Станислав был выше её ростом, и ему пришлось немного наклониться, а ей приподняться на носочках – они обнялись осторожно, нежно и стояли, затаив дыхание, чувствуя друг друга; он легко коснулся трепетавшими губами её щеки. Оробев, они разомкнули объятие. Дина

восхищалась Станиславом, но отчаянно его стеснялась. А он, взрослый мужчина, опасался испугать её, оттолкнуть, чувствовал – торопиться нельзя. Каждая ночь стала для них мукой. Он не решался сделать первый шаг, а уж она тем более.

Однажды Дине приснился страшный сон – её настигал Некто, безликий и ужасный, и надо было как можно скорее бежать от него, а он пытался догнать. Но ноги почему-то не могли оторваться от земли, а ужас всё приближался, всё накатывал. Она закричала обречённо, отчаянно, не в силах проснуться, призывая на помощь неведомо кого. Станислав проснулся от её стона-крика, бросился к ней, спасая от ночного кошмара, прижал к себе, позвал:

– Дина, Диночка! Не бойся, я с тобой!

Она не вполне проснулась, не осознала реальности, только почувствовала, что кто-то большой сильный, добрый, подхватил её на руки, они взлетели высоко-высоко, и ужас остался где-то далеко внизу, оставив ей счастье полёта. Она неосознанно прижалась к спасителю, ровно задышала – уснула крепко и спокойно. Станислав обнял её, окутал собой. Сонная, она лежала в его объятиях, и, глубокая до сердечной боли, нежность гасила его мужское желание. Он, зрелый мужчина, прошедший войну, ценитель женщин, был беззащитен перед этой девочкой, которую полюбил. Она пока не догадывается, что получила над ним безграничную власть. И как она ею распорядится, такова будет и его жизнь. Взволнованный и счастливый, он долго не мог сомкнуть глаз.

Утром Дина проснулась первой и осознала, что спала в его объятиях. Вспомнила сон, всё поняла. Долго смотрела на его красивое лицо. Сонный, он выглядел моложе, беззащитней. Душа её была исполнена благодарности, доверия к этому человеку, покоя. Это её судьба, это её муж... С этого момента всё стало проще, легче, пришло время прикосновений, новизны ощущений, трепетных волнений. Он деликатно, осторожно, терпеливо вёл её по дороге любви и радости.

В разгар медового августа, накупив подарков, счастливыми молодожёнами, поехали они в родное село Дины. Она волновалась, как отец, Ульяна, братишки встретят Станислава. Отец был старше её мужа всего на семь лет. Встретившись, они посмотрели друг другу в глаза, пожали руки. Разговорившись, выяснили, что оба воевали на одном фронте, вспомнили фамилии своих командиров, посыпались названия городов, боевых операций. У обоих то светились, то туманились глаза. Война не оставляла своих солдат.

На следующий день пригласили гостей – родню, друзей, соседей. В открытые окна дома заглядывали мальчишки, девчонки и взрослые односельчане, всем интересно было посмотреть, что за жениха выбрала себе агронома дочка. Это никого не удивляло и не смущало – так было принято в селе с давних времён. Дина в светлом платье, красивая, счастливая, сидела рядом со Станиславом. Гости выпили за их счастье и по стопочке, и по второй, и по третьей, заговорили, загомонили, закричали «горько!». Дина со Станиславом целовались у всех на виду, бережно и нежно. Отец вынес сверкающий вишнёвой отделкой трофейный аккордеон, но играть толком не умел, часто сбивался. Станислав попросил у тестя инструмент, прошёлся по клавишам и полилось: «С берёз неслышен, невесом, слетает жёлтый лист...» У каждого вдруг защемило, заломило, заныло сердце – какую войну вынесли, какую страсть пережили! Десять лет прошло, а всё забыть её не в силах – запели все, слились, объединились в песне. И потом ещё песня, и ещё, и ещё.

Жарко стало, вышли гости на улицу, и тут уж присоединились все, кто стоял возле дома. Ульяна вынесла на улицу выпивку и закуску. Клубный гармонист, Стёпа, перехватил аккордеон, доверительно, вкрадчиво выдал первые аккорды танго «Серебряная гитара». Душа замерла, так остро всем хотелось счастья, и, казалось, оно совсем близко, вот-вот случится с каждым. Станислав церемонно повернулся к Дине, улыбнулся: «Разрешите?» Она положила руку ему на плечо, он обнял её за талию. Так нежно, так страстно звучал аккордеон! Дине было приятно его объятие в танце, так ладно у них получалось, как будто они не впервые, а давным-давно танцевали вместе, почувствовала остро – она не одна на свете, рядом с ней навсегда родной, любящий человек. Чуть хлебнувшая Ульяниной смородиновой наливки, счастливая, растроганная, она, сама того не ожидая, вдруг приподнялась на носочки и впервые шепнула ему на ухо: «Я люблю тебя!»

Братишки-близнецы не отходили от Дины и Станислава, сопровождали их и на речку, и в лес «по грибы, по ягоды». В лесу она ориентировалась мгновенно, как зверёк, чуяла верное направление. И тут уж она восхищала Станислава своим умением найти ягодную поляну, россыпь крепеньких грибочков, словно родной лес, радуясь её возвращению, посылал ей свои дары прямо в руки.

Замечательные выдались эти две недели их общей жизни. Дни стояли ясные, тёплые. Спали они на сеновале, и всю дальнейшую жизнь запах свежего сена напоминал им о тех счастливых днях.

Ульяне зять тоже приглянулся, была она его ровесницей и поглядывала тёща на зятя не вполне родственным взглядом. Зорко присматриваясь к их отношениям, видела незащищённость, открытость Дины, и, однажды сказала, по-бабьи жалея её и наставляя:

– Рано ты, Динка, прикончила свою девичью жизнь. Что ж так поторопилась-то? Залетела, что ль? Погуляла бы ещё, поплясала, голову парням поморочила! Рано, рано... Жизнь, она долгая – и с хорошим мужем наживёшься, и с плохим наплачешься... Мужика, конечно, ты отхватила – сто сот стоит! Теперь уж держись за него, только уж очень ты ему в глаза заглядываешь. Всю-то пазуху мужу не открывай!

Они вдруг обнялись и заплакали, чувствуя истонное, вековое своё женское родство и солидарность.

У Дины не было причин таиться от мужа. Вся душа её была для него открыта. И это было такое счастье! У неё был замечательный муж, и он же был её лучшим другом, которому можно рассказать всё-всё-всё! И она щебетала, щебетала, говорила и толковые, умные вещи, и несла очаровательную полудетскую чушь, чем смешила и восхищала Станислава.

* * *

Станислав давно хлопотал о выделении отдельной квартиры в строящемся институтском доме для преподавателей, подавал заявление во все нужные инстанции. Теперь же, женившись, с беременной женой ему полагалась квартира большей площади. Как кандидат наук он имел право на дополнительную площадь в квартире, отдельную комнату для занятий. Перед Новым годом они получили в новом доме трёхкомнатную квартиру на третьем этаже.

Дружно и счастливо вили они своё гнездо. Муж трепетно ждал ребёнка, любил, проснувшись утром, положить Дине голову на живот и слушать, как там

зреет-растёт дитя, пинается ножками, коленками и локоточками, словно делает утреннюю зарядку. Дина как-то спросила: «Кого ты хочешь – девочку или мальчика?» И он отвечал честно, что будет счастлив в любом случае. Дочку назвали Вероникой. Имя выбирал Станислав, сказал, по- гречески означает: «несущая победу», а имя определяет судьбу. Очень был доволен, что родилась девочка, сказал: «Ну их, этих пацанов, грубияны, неслухи...главное, в армии дочке не служить...». Родилась она пятнадцатого февраля, ровно через девять месяцев с того страшного дня, который Дина запретила себе вспоминать. Она ещё успела сдать зимнюю сессию, опять-таки, отлично. Муж увещевал её – не рвись, Дина, пожалей себя – не обязательно быть отличницей. Но такая уж она была, как её назвал Станислав – «перфекционистка». Дина потихоньку залезла в словарь, нашла слово: «Перфекционизм – стремление к совершенству». Вздохнула – до совершенства ей ещё очень далеко! Да и бывает ли совершенство?

Вспоминала, как однажды, после окончания института пристала к ней пожилая цыганка, худая, жилистая, с пронзительным, повелительным каким-то взглядом тёмных глаз:

– Дай ручку, красавица, погадаю, узнаю, подаст ли тебе кто в старости стакан воды!

Смешно Дине показалось и про старость, и про стакан воды. Но цыганка всё тащила за ней, всё что-то приговаривала. Чтобы отвязаться, Дина остановилась, раскрыла ладонь, «позолотила ручку», как положено. Та взглянула:

– Э-э-э, красавица! Работать будешь, рабо-о-та-а-ть!.. До последнего своего часа! Дай-ка ещё червончик. Про любовь скажу!

– Про любовь я сама всё знаю! – засмеялась Дина, сунула ей трёшку и, вырвавшись, почти побежала прочь.

– Поберегись! Великая будет тебе радость и великая мука!– кричала ей вслед цыганка!

После рождения дочери Станислав убедил её взять на год академический отпуск, хотя Дина по молодости и неопытности собиралась отдать дочку в ясли и продолжать учёбу. Он увещевал жену, что нельзя матери отлучаться от такой крохи, отдавать её в чужие руки. Трясся над малышкой, больше чем она. Дина послушалась, была счастлива, спокойна, муж опять во всём оказался прав. Девчонка росла крепенькой, на материнском молоке набирала вес, развивалась нормально, и отец в ней души не чаял. Каждую свободную минутку проводил с дочерью, ходил с ней гулять, вставал к ребёнку ночью, носил на руках, если она плакала – давал Дине отдохнуть. Забот с дочкой было много, обоим хватало.

Через год Дина возобновила учёбу на втором курсе. Взяли няню, ту самую соседку по коммунальной квартире – одинокую бабу Зину. Та согласилась похозяйничать, понянчиться с девочкой и так привязалась к ребёнку, к Дине со Станиславом, что была, как родная, и стала совсем своим человеком в доме. Пока Вероничка была маленькой, летние месяцы они проводили в родном селе Дины, где им были рады, и с Ульяной у неё наладились хорошие родственные отношения, и отец потеплел, подобрел, зять ему по душе пришёлся.

Институт Дина окончила с красным дипломом, а вот продолжать учиться в аспирантуре не захотела, поступила на работу в городскую больницу, в терапевтическое отделение. И жизнь завертелась, закружилась, пошла, поехала, полетела!

В отпуск они ездили теперь уже вместе с подросшей дочкой по туристическим путёвкам в разные концы страны. Зимой в каникулы дочери ездили все вместе в Москву, ходили с ней по музеям, по театрам. Муж называл это: «расширять мир, отодвигать горизонт!» Им было о чём поговорить и чему порадоваться.

Однажды Станислав в конце рабочего дня зашёл за ней в больницу, и увидел в приёмном покое несколько человек. Он молча сел на стул. Одна из ожидавших женщин спросила его:

– Вы тоже к Дине Сергеевне?

– Да, – ответил он, улыбаясь, – я тоже к Дине Сергеевне.

Оказывается, это был четверг, её приёмный день, когда Дина разговаривала с родственниками своих больных. Сама завела такую традицию, чтобы её по возможности не беспокоили в другие дни.

– Хороший доктор, душевный, – сказала та же женщина. Не смотрите, что молодая, а такая умница, такой доктор замечательный. Я сама у неё лежала с воспалением лёгких, да и сердце барахлило, так ведь ни уколы, ни таблетки не назначит без объяснения. Каждому расскажет, как лекарство называется, от чего эта таблетка, чем именно она помогает. Говорит, вы не просто так их пейте, а со знанием и надеждой, тогда она вам быстрее поможет. Бывает, что и травы какие-то посоветует заваривать. Утром в палату зайдёт, улыбается, как солнышко. Увидишь её, и словно сразу легче становится. Да она и про сердце всё понимает, и про давление... Тут же назначит всякое другое обследование, не только по своей части... У неё больные быстрее всех выздоравливают!

Вдруг все повернули головы – по длинному коридору, постукивая каблучками, шла к ним доктор Дина Сергеевна Ивашкевич. Станислав словно со стороны увидел красивую, спокойную, уверенную в себе молодую женщину в белом халате и в шапочке. Если бы он увидел её сейчас впервые – сразу бы и влюбился. Он попытался смотреть на неё отстранённо, как чужой. Какое в этой женщине спокойное достоинство, какая уверенность, какая внутренняя сила! И вдруг понял, что за эти годы Дина стала не только хорошим врачом, но и личностью. Осознал впервые, что она уже не смотрит на него снизу вверх, как было вначале их отношений – она встала с ним вровень, а, может, в чём-то и превзошла его. Интуиция у неё необыкновенная, она не просто разбирается в людях, она чувствует их, при том, что большой требовательности к другим у неё нет. Она легко, быстро прощает, словно она выше, мудрее, знает что-то особенное, чего другие не знают. Он никогда не замечал в ней зависти, ей было всегда довольно того, что у неё есть, она не сплетничала и никого не осуждала. Наряды он давно ей не выбирал, она сама лучше него в этом разбиралась. Она не то, чтобы бежала за модой, она её применяла к себе, у неё выработался свой особенный стиль, и её внешний облик был в гармонии с её внутренним содержанием. На улице на неё оглядывались мужчины и женщины. Он сам помог ей стать такой. Она много читала, литературные новинки не проходили мимо, заполнялась и заполнялась полка со сборниками любимых поэтов. Они не пропускали премьеры в местном театре, она читала и собирала рецензии на столичные спектакли, а потом в отпуске они старались их посмотреть. Она выписывала медицинские журналы, которые читала буквально с карандашом в руках. К положенным курсам повышения квалификации относилась серьёзно, возвращалась, полная идей, планов. Успевала так много, жила так ярко, с таким

интересом к жизни, с такой отдачей! Да... его трепетная девочка Дина нашла себя и своё место в жизни.

Дина увидела его, улыбнулась, слегка кивнула головой, подожди, мол. Он ждал, смотрел, как она разговаривает с людьми, что-то объясняет, что-то пишет на листочках. Видел, с каким вниманием и уважением её слушают люди.

Ушел последний посетитель, Дина подошла, сказала: «Подожди минутку, я переоденусь». Снова прошла по коридору, в отделение, каблучками – тук-тук вернулась в своём элегантном светло-бежевом, пушистом пальто, в милой розовой шляпке, шарфик яркий цветной, что-то в его рисунке в лад, что-то в спор с бежевым и с розовым, но всё к месту, всё сочетается. Сердце его облилось сладкой болью – эта женщина – его жена! Какой он счастливый! Он уцелел в этой страшной войне, он узнал, что такое любовь – не каждому это дано. У него жена и дочь! Почему вдруг тревога, сомнения? Он понимал, что Дина чувствует не так, как он. Да, она ему благодарна. Да, ей с ним хорошо. Пока. Но как почти всегда в каждой паре, кто-то любит, кто-то позволяет себя любить. Она позволяла. Неожиданно для себя с тоской, со страхом подумал, вдруг она полюбит кого-то другого! Она ещё так молода! И уйдёт от него, заберёт Вероничку и уйдёт. А он просто сдохнет, ведь его жизнь не будет иметь смысла. Перед этим его чувством к Дине обесценились все прошлые его увлечения и связи, всё смыло словно волной следы на песке – чисто, ровно, гладко – пиши всё заново. Есть и была только Дина, его любимая, и никого больше... Как хорошо и как страшно любить её, быть рядом с ней! Соответствовать...

Они вышли из больницы. Утром землю припорошило первым снежком, потом он растаял, а вот к вечеру чуть подморозило. Было немножко скользко, особенно Дине на каблучках. Она взяла его под руку. Как хорошо чувствовать её нужду в нём, быть ей опорой. Навстречу им бежал молодой парень, красивый, темноволосый, яркий, в распахнутом пальто виднелся белый халат. Увидев Дину, притормозил, с любопытством посмотрел на Станислава. Весело крикнул: «Привет-привет, Дин-сергеевна!» И это его небрежное, шутовское «имя-отчество» выдавало их дружеские отношения, взаимную приязнь. Дина помахала ему рукой. Пояснила, мол, опять Коле пришлось забирать дочку из садика, просить посидеть с ней соседку, жена не успевает, а он сегодня дежурит, и слегка затуманилась чужими проблемами. Станиславу удалось мгновенно задушить свою ревность. Его Дина нравится всем, как друг, как человек, даже, как женщина, с этим ему надо смириться, с этим жить. И надеяться. Он любит её такой, какая она есть. Дине – двадцать восемь лет, ему – сорок шесть, Вероничке – девять. Замечательная у них семья!

Но, видимо, со своим ладом и благополучием они судьбе надоели. А, может, и окружающим. У каждого какие-то свои проблемы, а у Ивашкевичей – тишь да гладь. Как-то её коллега, сын которой учился с Вероничкой в одном классе, сказала: «Что-то ваша дочь, Дина Сергеевна, не похожа ни на вас, ни на мужа! Может, в роддоме перепутали?! Впрочем, на вас она немножко похожа!» Дина даже сразу не отреагировала, не обратила внимания, просто плечами пожала. Нельзя сказать, что она всё забыла, она просто научилась не вспоминать прошлое. Она и сама искренне считала мужа отцом дочки. Да он им и был на самом деле. И даже ревновала дочку – та боготворила отца. С матерью могла капризничать, спорить, отцовское слово было непререкаемо. Сколько времени он ей уделял! Растил её с любовью и вниманием. Может, случайно оговорилась коллега? Но этот

вопрос время от времени слышала то от одного человек, то от другого, в разных вариациях, в которых главным было основное: муж Дины – не отец девочки. Станиславу никто ничего не говорил, видимо как-то опасались. Скорее всего, это пошло от кого-то из близких друзей или их жён, посвящённых в прошлые его невзгоды. Кто-то, возможно, проговорился или намеренно открыл чужую тайну. Черты лица дочки напоминали материнские, те же серо-зеленоватые глаза, та же открытая сияющая улыбка. В девять лет она уже была выше всех девочек в классе. Так ведь и Станислав был высоким человеком. У неё были жесты Станислава, его манера слушать, чуть наклонив голову, его интонации. Было забавно смотреть, как он, уже одетый, на выходе возле двери, слегка подпрыгивал, не звенят ли в карманах ключи или монеты. Это была привычка разведчика, уходящего в тыл врага. Вероничка, уходя утром в детский сад, а потом и в школу, подпрыгивала возле двери вместе с отцом. И все втроем каждый раз смеялись, начиная новый радостный день. Волосы у девочки были темнее, чем у родителей, что ж и это не редкость, кто-то в роду был темноволосый. Было очевидно, что росла и ширилась сплетня. Дина была вынуждена рассказать мужу. Станислав сначала пришёл в бешенство! Таким Дине ещё не приходилось его видеть. А потом она увидела его страх, его боль.

– Что если кто-то скажет об этом Вероничке? – почти застонал он и почти мгновенно решительно, – надо уезжать отсюда!

Дина, ужаснувшись, промолчала. И Станислав замолчал. Больше они об этом не говорили. Однако месяца через два он сказал:

– После окончания учебного года мы переезжаем! Мне предлагают место заведующего кафедрой иностранных языков в только что открывающемся пединституте, далеко отсюда, в другом городе. Чем дальше, тем лучше!

– Куда?! – почти закричала Дина, – бросать налаженную жизнь, работу, квартиру?!

– Я не могу позволить, чтобы дочке испортили детство. Тем более скоро начнётся подростковый возраст, а они всё очень остро переживают. Если надо будет, когда она вырастет, мы сами ей скажем!

– Не скажем никогда! – яростно возразила Дина, – ты её отец, и только ты!

Летом они перебрались далеко-далеко, в новый город на берегу моря.

ОН

Алексей Петрович Севастьянов, инженер-строитель, успешный бизнесмен, владелец крупной строительной фирмы, шестидесяти двух лет отроду, а также муж, отец и дед летел по делам своей фирмы в город, волею судьбы, оказавшийся теперь в другом государстве. Он прожил и проработал в этом городе почти двадцать пять лучших лет своей жизни. За эти годы молодой инженер Севастьянов выбился в довольно высокое строительное начальство, готовился его перевод в Москву, в министерство, впереди были очень хорошие перспективы. Но неожиданно умерла мать, и его деловой властный отец вдруг растерялся, осознав, возможно, только теперь, что именно эта тихая спокойная женщина была его главной опорой в жизни. Стали одолевать его болезни, всегда казавшийся моложе своих лет, он резко постарел, ушёл на пенсию, но ехать к сыну наотрез отказался, и Алексей Петрович бросил всё и вернулся в свой родной город, где родился.

учился, женился, окончил институт, и где после четвёртого курса родилась у них с женой единственная дочь.

Оказалось, очень даже вовремя уехал, за год до начала перестройки, успел и в родном городе найти своё место, организовал строительный кооператив, потом фирму. Но только на строительстве не зацикливался, открывал строительные и продуктовые магазины, кафе, ресторан и всякие другие нужные заведения, брал кредит, вкладывал в дело, потом снова брал кредит, чтобы погасить предыдущий, в общем, крутился-вертелся, с неба просто так ничего не падало. Бывало, рисковал всем, врал, выкручивался, актёрствовал, давал взятки, откаты, и жить так ему вначале было интересно, словно это была азартная мальчишеская игра с острыми ощущениями. В родном городе называли его олигархом. Это было лестно, но самому-то ему иногда, особенно в самом начале казалось, что плывёт он на дырявом корабле и мечется от одной пробоины к другой, заделывая их заплатами – то там подтекает, то тут прохудилось, но всё равно, только вперёд – к победе капитализма! Иногда всё на ниточке висело, как было вот в этот недавний дефолт, не приведи господи ещё раз, еле выстоял! И то только потому, что не вкладывал деньги только в одну корзину. А уж работы, заботы было по горло. А как иначе? Сейчас вот вроде бы полегчало, просветлело, и вот-вот начнётся нормальная жизнь. Но азарт вовлекал его в новые проекты, и конца края этому было не видно! Видно, характер у него был такой.

Теперь он летит по делу в город, где построил свой первый дом, где был молод, дерзок, смел, в чём-то по молодости наивен, конечно. Недавно вдруг позвонил ему бывший его подчинённый Сеня Лужин, по прозвищу Моцарт, попросил об одолжении, сделал предложение, от которого невозможно отказаться, и если дело выгорит, заведёт Алексей Петрович у себя ещё симпатичный механический цех, оборудование для которого Сеня и предлагал ему купить весьма недорого. Таким делом ему ещё не приходилось заниматься, почему бы и не попробовать расширить свой бизнес. И даже не для наживы, а ради интереса. Тем более, что недавно за долги отдали ему участок земли со складским помещением, и в нём вполне можно будет поставить нужные станки, а если дело пойдёт, так и сделать к нему пристройку. Вот так вот у него уже голова была устроена, и в этом была его жизнь, его азарт, его наркотик.

Сеня Лужин, бывший ээк, попал в тюрьму по молодости – с компанией друзей угнали чужую машину, чтобы покататься, сбили человека. Хотя Сеня и не был за рулём, но за компанию оказался вскоре на социалистической стройке века не по собственной воле. Но именно здесь и проявились необыкновенные Сенины таланты. Вначале Сеня был на участке Алексея «шнырём», и с этого зэкковского лексикона даже нет верного слова для перевода – такое ёмкое, смачное слово – «шнырь». Так называли человека, который каким-то удивительным образом мог всё достать, всё устроить и со всеми договориться. Свойственна ему была и своеобразная честность, и даже бескорыстие, словно он сам больше всех радовался, когда в чём-то помог общему делу или человеку. Но и себя не обижал. Ценили его ещё за то, что на него можно было положиться. Со временем Сеню расконвоировали, ходил он по городу сам по себе, окончил в зоне вечернюю среднюю школу, потом поступил в техникум, который открылся в их новом городе, и как-то очень быстро образовался у него диплом техника. Так что к окончанию своего срока, который ему сократили за хорошую работу и примерное поведение,

был он уже в городе уважаемым человеком, который мог достать всё. Женился Сеня на женщине с ребёнком; она приласкала, привадила Сеню ещё в бытность его ээком. Сеня лучшей партии не искал и не ошибся в выборе. Девочку Сеня удочерил, потом родили ещё своих двоих и зажили они вместе хорошо и ладно, добрым людям на радость, недобрым на зависть.

Небольшого росточка, полноватый, лысоватый, улыбчивый, подвижный, он был незаменим в этом социалистическом плановом хозяйстве, ездил за оборудованием в командировки, расширял свои знакомства и связи по всей стране. Казалось, да так было и на самом деле, если нужно как-то связаться с заводом за тридевять земель, то Сеня непременно найдёт туда ходы. И поедет не с пустыми руками, а со специально выписанной премией, повезёт и балычок, и чёрной икорки, знает, как нащупать, узнать нужного человека, и не всегда это самый большой начальник, а тот, который имеет к нему доступ, своего рода серый кардинал. С улыбочкой пригласит человека в ресторан и угостит, и обаяет, и одарит. И получит все положенные подписи и росписи, и отправит в родной город нужное оборудование или материалы. И со всеми поладит – и с крупным начальством, и помельче, и непременно с грузчиками, чтобы грузили драгоценное оборудование в вагон аккуратно и с понятием. И все довольны, и все в друзьях. И сам директор предприятия, узнав его подвиги, познакомившись поближе, изумившись, когда Сеня достал особо дефицитное оборудование, которое директор не мог выбить в министерстве, сказал в восхищении: «Это не человек – это в своём деле Моцарт!» Так с его лёгкой руки Сеню и прозвали – Моцарт.

Была у Сени заветная записная книжка, толстая, пухлая, лохматая, с подклеенными листочками, заполненная адресами и телефонами, даже и с министерскими, с таинственными схемами и пометками. Сеня об этом помалкивал и, хотя многое держал в голове, книжкой очень дорожил. И когда однажды кто-то ради шутки стащил у Сени этот раритет, он так расстроился, что почти заболел, и в своих кругах подняли такую бучу, что книжку тотчас вернули, потому что Сеню берегли и нуждались в нём. После перестройки Сеня тоже не потерялся, держался на плаву возле деловых людей. А вот самому завести своё крупное дело – не получалось, в лучшем случае был с кем-то в доле или занимался чем-то по мелочи. Но жил, не нуждаясь, в удобной, добротной обставленной квартире, ездил на хорошей, но не крутой машине, и вообще – не выставлялся. Детям дал образование и во всём помогал. Жил человек так, как считал нужным.

Алексей Петрович с удовольствием ожидал встречи с Сеней, которого всегда ценил за природный ум, чутьё на людей, незлобивость и своеобразный этот редкий талант, а также с некоторой даже робостью думал, каким он увидит этот особенный для него город, в котором прошла его молодость. За три лётных часа повспоминал он Сеню и свои молодые годы, не забывая по своей мужской привычке поглядывать на женщин. Вон та стюардесса была очень даже ничего себе, да и рядом с ним сидела весьма симпатичная молодая женщина, только всё закрывала лицо платком, чихала и кашляла. Он так давно не болел, что и внимание на это не обратил, жил такой напряжённой жизнью, что ни одна зараза его не брала. И сейчас он этим кашлем и чихом соседки ничуть не обеспокоился.

Сеня подкатил по лётному полю на своей машине к самому самолёту и встретил его у трапа, как большого человека, такой вот у него был контакт с аэропортовским начальством. Обнялись – пятнадцать лет не видались, но ничего, узнать можно.

Сеня ещё полысел и округлился, а Алексей Петрович, наоборот, как-то постройнел, подсох, выглядел породисто, по-английски – сразу можно было понять – не простой человек. Подъехали к зданию аэропорта, Сеня взял его паспорт, куда-то отошёл и вернулся уже со всеми необходимыми печатями.

– Ну, ты силён! – восхитился Алексей.

– На том стоим! – скромно вымолвил Сеня и, улыбаясь, спросил, – куда таперича изволите, барин? В гостиницу али ко мне на явочную квартиру?

Саня почитывал русскую литературу и любил изобразить простачка.

– К тебе, конечно, Сеня, хочется поговорить откровенно про всё и про всех.

Двухкомнатная квартира, «явочная», как назвал её Сеня, оказывается, принадлежала его дочери с зятем, а они вот уже второй год жили за границей. Квартиру не продавали, и Сеня за ней просто присматривал. Обставлена была скромно, но было в ней всё необходимое и достаточное. Алексей не любил шикарных гостиниц, чувствовал себя там, как ни странно, чужеродным и одиноким, да и лишние деньги не любил тратить на все эти, как говорили, «понты», разве что кому-то надо было пустить пыль в глаза, или селили его за счёт чужой фирмы.

Стол уже был накрыт, коньячок армянский и белорусская водочка обещали расслабление, обильная холодная закуска в нарезке, пышный пучок свежей зелени, даже сало с чесночком, которым они когда-то в молодости любили закусывать. Посредине стола красовалась горка красивых, как на картинке, фруктов, в доперестроечные времена немыслимых ни зимой, ни летом. Расстарался Сеня, тоже рад был прежнее своё начальство принять; у них были особые доверительные отношения. Сеней не нужно было командовать, нужно было только поставить задачу.

– Кто это так расстарался, Сеня?!

– Да Катерина, моя хозяйшюк! – зарделся Сеня от удовольствия, – ты будь, как дома, Лексей Петрович, прими душ, погрейся, переоденься в домашнее. А я сейчас позвоню знакомцу, чтоб принесли нам горяченького, шашлычков там, картошечки разварной, пирог с красной рыбой, только что из духовки! Таперича не то, что давеча, – пошутил Сеня, – и уже серьёзно, – работают люди и днём, и ночью – копейку добывают! И правильно делают! Шевелиться надо, а то пропадём!

Когда распаренный, посвежевший Алексей Петрович сел к столу, всё уж было готово. Вспоминали они свою молодость и всех своих друзей, и недругов, и кто где теперь, и кого уж нет совсем, и кто поднялся высоко, и кто сел низко, и как всё это переустройство жизни было пережито, да и пережито ли окончательно? И ещё неизвестно, что кого ждёт впереди. Да... Круто жизнь замесила, ничего не скажешь!

Ночью Алексей проснулся, очень хотелось пить. Присмотрелся – ага, вот ночничок на тумбочке, включил свет. В кухне нашарил в холодильнике сок, налил полкружки, разбавил водой из чайника, выпил залпом, налил ещё. Ну, кажется, он сегодня перебрал! Спать завалился и не слышал, когда это Сеня убрал всё со стола, помыл посуду. Улыбнулся – эх, Сеня-Сеня, цены тебе нет! Время-то два часа ночи, до утра далеко, ещё спать и спать! Он лежал с закрытыми глазами, но заснуть не мог.

Вдруг снова пришло Это, он не знал, как точно это состояние назвать – сожаление о Несбывшемся, уже не обида на отца – понимание его, а, значит, оправдание

и прощение. Печаль, что отец его не понял, не поддержал. Всё давно прошло, и жизнь его заполнена другими важными событиями. А вот, иногда вспоминается! Когда он услышал и осознал в себе этот зов? Отец, человек властный, с сильным, деспотичным характером, был строг к нему, единственному сыну, наверное, опасался, что мать мальчишку избалуется. Командовал в семье, покрикивал на жену, и Алексей в детстве его побаивался, да и не только в детстве.

Осознанно это началось с ним в пятом классе, когда на последний в расписании урок рисования шаркающей походкой вошёл, показалось, очень старенький, в пенсне на резинке, весь какой-то мятый лицом и одеждой человек. Подмышкой он держал потёртый, изношенный портфель без ручки, положил его на стол, тихо сказал:

– Здравствуйте, ребята. Меня зовут Александр Васильевич, я буду вести у вас уроки рисования.

Ребята зашумели, завозились. С этим буйным пятым классом мужской школы не все учителя справлялись. Какое там рисование, кому оно нужно! – с этим твёрдым убеждением мальчишек, которое потихоньку разделяли почти все взрослые, бороться, казалось, невозможно. Однако тихий человек вдруг сказал:

– Не обязательно каждому быть художником, ребята. Но всякий взрослый, образованный человек должен хотя бы немного уметь рисовать. Рисовать – значит уметь видеть не только глазами, а это каждому человеку необходимо для жизни. Смотреть и видеть – это не совсем одно и то же, ребята. Я сейчас вам раздам листочки из альбома, а вы нарисуйте, что хотите и как хотите – дерево, домик, цветок, корабли, самолёты, танки. Можете хоть меня нарисовать. Потом я возьму ваши рисунки с собой, дома поставлю оценки – так мы с вами и познакомимся. Не забудьте рисунки подписать.

Алёша смотрел на белый прямоугольник листа на чёрной парте, на полуоткрытую коробку цветных карандашей и не знал, что ему нарисовать. На листке у Саньки, друга и соседа по парте, самолёт с фашистским крестом уже готовился сбросить бомбу на домик, навстречу ему мчался краснозвёздный истребитель, а он всё не мог решиться и смотрел на учителя. Тот сидел молча, думал о чём-то, смотрел словно бы на класс, но на самом деле куда-то внутрь себя, лицо его было спокойным и грустным. Алёша вдруг взял чёрный карандаш и провёл линию рта, с печально опущенными уголками губ. Потом как-то сами собой появилось пенсне, кустистые брови, большой, острый, чуть загнутый нос, резкие носогубные складки. Лёгкий пушок на голове с большими залысинами, морщинки у глаз, на лбу, чуть обвисшие щёки, мешки под глазами. Нарисовал и сам удивился – с рисунка задумчиво смотрел на него Александр Васильевич.

Прозвенел звонок, дежурные собрали рисунки, положили на стол. Учитель расстегнул портфель, аккуратно положил туда рисунки, щёлкнул замком, попрощался и вышел. Мальчишки не выскочили из класса, наперегонки, как обычно, а разговорились. Обсудили, кто что нарисовал. Почти все рисовали войну, ведь прошло всего-то четыре года после её окончания.

Александр Васильевич снова пришёл через неделю. Ребята встретили его заинтересованно. Дежурные раздали листочки с рисунками, и на каждом внизу стояла цифра «5» и роспись преподавателя. Мальчишки смеялись, радовались, а Александр Васильевич сказал:

– Ребята, вы посмотрели свои рисунки, все вы молодцы и нарисовали замечательно! А сейчас пусть дежурные снова соберут листочки. Я их сохранию, а в

конец года мы сделаем такой же урок рисунка на вольную тему и сравним ваши работы. Будет понятно, научил ли я вас чему-нибудь.

На Алёшином рисунке не было цифры. В нижнем правом углу листочка было написано наискосок: «Отлично» и стояла роспись.

Алёша увлёкся рисованием. Он нетерпеливо ждал урока, который бывал только один раз в неделю, и Александр Васильевич перед зимними каникулами сказал ему: «Хочешь, Лёша, приходи ко мне на занятия в Дом пионеров. Я веду там изостудию»... И он пришёл в Дом пионеров. Дома к его увлечению отнеслись по-разному: отец неопределённо хмыкнул:

– Ну-ну, ходи, развлекайся! Но только, чтобы это не мешало школьной учёбе, при первой же тройке все твои карандаши-краски выброшу!

Мать же гордилась им, радовалась его успехам, заказывала знакомым в Москву хорошие альбомы для рисования, нужные карандаши, краски, кисточки. Лёша был счастлив. Александр Васильевич не только учил ребят рисовать, он много рассказывал о знаменитых художниках, об истории создания картин. Когда ребята в кружке повзрослели, давал им по очереди задание самим найти материал о каком-то художнике, подготовить доклад, рассказывал о разных течениях в искусстве, устраивал выставки детских рисунков. Алёше больше всего удавались портреты, но любил он и пейзажи. Учитель явно уделял ему больше внимания, чем другим, однажды пригласил к себе домой. Лёша был ошеломлён не просто бедностью, но какой-то особенной сиротской пустотой его крошечной комнатки в коммуналке. Летом они уезжали вместе за город на этюды. Однажды он услышал, как отец говорил матери:

– Этот, учитель-то Лёшкин, по рисованию, говорят, художником был в Ленинграде, да ляпнул что-то не то. Отсидел... И обратно его теперь не пускают. Сейчас вот всякие плакаты и лозунги пишет за кусок хлеба. Тоже мне, занятие...

Мать расспрашивала Лёшу, как Александр Васильевич живёт, сочувственно качала головой. Порывалась было пригласить его на обед, но отец не позволил, сказал, мол, времена такие, не надо с подобными людьми сейчас знакомство водить, наверняка за таким топтуны ходят, могут донести, и его с должности скинут, завистников у него много! Мама же с тех пор каждый раз, когда они уходили на пленэр, давала ему с собой в двойном размере домашние пирожки и бутерброды – для угощения учителя. Тот не гнушался, с аппетитом ел и хвалил, матери передавал приветы, улыбаясь, говорил ему: «Женщины, Лёша, как цветы! Они украшают жизнь вообще, а мужскую жизнь в особенности». Лёша почему-то смущался.

И не зря смущался. Взросление его оказалось мучительным – подростковые разговоры, стыдные сны, никому не расскажешь, никого не спросишь. Друг Санька был на том же уровне. Об этой стороне жизни никто из взрослых с ними никогда не говорил, словно этого в жизни не было, а советские люди были как ангелы, секс им был не нужен так же, как и общественные туалеты. Наши люди всеми этими грязными постыдными делами не занимались. Отец настоял, чтобы Лёша записался в спортивную школу. Конечно, они пошли вместе с другом. Их приняли, записали в секцию лёгкой атлетики, они участвовали в соревнованиях. Было так радостно по отмашке тренера – стартовых пистолетов ещё не было – мчаться изо всех сил на стометровке. Так интересно было, трезво рассчитывая, экономя силы, бежать несколько кругов по дорожкам стадиона, и когда уже казалось, нет больше

сил, и сейчас упадёшь и не встанешь больше, усилием воли преодолеть мёртвую точку и бежать дальше, чувствуя вернувшуюся собранность своих мышц. После занятий он приходил домой вымотанный, падал в постель, спал без всяких снов, и много позднее понял, что именно так отец пришёл ему на помощь. Учился он легко, но отличником не был, всегда было несколько четвёрок.

Однажды, уже в девятом классе, спросил своего учителя:

– Как вы думаете, я могу стать художником?

Тот долго молчал, потом заговорил:

– Лёша, у тебя очень хорошие способности. Может, даже и талант. Но тут две проблемы – во-первых, поступить в академию художеств, теперь институт имени Репина, очень трудно. Во-вторых, они сами свою рассаду выращивают в подготовительном училище, ну и ещё есть художественные школы, а кто-то и частным образом готовится. Я сам там учился и работал, постараюсь тебя подготовить, да я уже и готовлю тебя, но ведь дело-то ещё и в том – ты сам должен хорошо подумать. Выбор профессии, Лёша – это выбор судьбы. Творческому человеку жить трудно, Лёша. Хорошо живут только придворные художники, да и то всякое бывает. У нас с тобой есть два года, чтобы подумать над этим серьёзно и заниматься.

У него замерло сердце – в Ленинград, в Ленинград! В библиотеке он рассматривал альбомы с видами этого города и полюбил его, и заболел им, а названия, которые он слышал от учителя: «Невский», «Норд», «Мариинка», «на Ваське», «на Пряжке»... волновали его, почти как репродукции картин с обнажёнными женщинами, только по-другому. Александр Васильевич рассказывал ему об академии художеств, где учился сам, о преподавателях, товарищах, о весёлых студенческих проделках и художествах. Но о том, что было с ним после окончания академии, не рассказывал никогда. Это было время, когда самое важное, что ты мог сделать для себя и своей семьи, – помалкивать. Наверное, в своё время учитель нарушил табу, за что и поплатился.

В марте умер Сталин, и учитель повеселел, приободрился, помолодел даже и стал уже поговаривать, что, возможно, поедут они в Ленинград вместе; надежда и радость переполняли его и передавались Лёше. Но летом, душной июльской ночью Александр Васильевич скончался от сердечного приступа. Лёша чувствовал себя осиротевшим, но как-то внутренне повзрослел, желание ехать учиться в Ленинград выросло, окрепло, но он никому об этом не говорил, даже другу Саньке.

В изостудию он больше не ходил, работал сам, помнил все слова, все советы своего учителя, рисовал постоянно. Он делал мгновенные зарисовки: портрет рыночного продавца, дерево, отбрасывающее интересную тень, новорождённый цветок мака, обласканный утренним солнцем, знакомство дворовых собак, драку котов. В нём словно открылось какое-то особое внутреннее зрение. Он не просто видел человека, собаку, причудливый камень, дерево, цветок, он чувствовал с ними странную личную связь, слышал их зов, словно они хотели через него как-то особенно проявиться. Он понимал их настроение и характер, видел краски, оттенки цвета и ещё что-то, чему не было названия. Как будто обычные вещи реального мира имели ещё другую ипостась, которую в какое-то мгновение жизни он мог постигнуть и запечатлеть. И это его состояние вызывало лихорадочное до дрожи желание всё это зарисовать – скорее, скорее, пока ЭТО не ушло, не затёрлось другими впечатлениями жизни. Его альбомы заполнялись рисунками, и это был

его безмолвный разговор с Учителем. Но в жизни поговорить об этом ему было не с кем. На зимних каникулах в десятом классе отец как-то спросил его:

– Ну, что, сынок, смотрю, отметки у тебя неплохие, куда пойдём учиться?

И он с неожиданной для себя радостной доверчивостью сказал отцу:

– Папа, я хочу поступить в Ленинградскую академию художеств, институт имени Репина.

Отец помолчал, затем сказал очень осторожно и неожиданно мягко:

– Лёша, надо хорошо подумать, прежде чем принять такое ответственное решение. Почему бы тебе не стать инженером-строителем, как я?

– Я хочу стать художником!

– Давай этот разговор отложим пока, сын!

Время для разговора настало после выпускного вечера. Отец и слышать не хотел ни о художественном институте, ни о Ленинграде. И если вначале они разговаривали спокойно, то постепенно оба начали кричать, каждый доказывал свою правду.

– Ты пойми! – кричал отец, – художник – это не профессия! Будешь скитаться холодный, голодный, без семьи, как твой распрекрасный учитель! Если ты будешь бездарным инженером, всё равно приткнёшься где-то в отделе, и об этом будут знать несколько человек. А если ты будешь бездарным художником – это будут знать все, кто увидит твою мазню! Даже, если ты вдруг окажешься гениальным, тебя признают только после смерти, будут продавать за миллионы твои картины, но ведь ты об этом уже не узнаешь. Ты этого хочешь?!

– Да! – заорал вдруг сын, – я этого хочу! Я буду жить так, как я хочу! И я всё равно поеду в Ленинград!

– Да и не поступишь ты, только расстроишься, был бы жив твой Александр Васильевич, он бы тебе помог подготовиться, без него ты не поступишь! Я не дам тебе денег на дорогу, я не буду тебе помогать, ты там сдохнешь с голоду!

– Я пешком пойду! Я сам заработаю себе на хлеб! Не сдохну!

– Ты пойми, художники, писатели, поэты – это всё ненадёжные и даже опасные занятия! Надо либо угождать властям, быть их обслуживающим персоналом, либо погибать в неизвестности, как твой учитель, бедолага!

– Зато я буду счастлив, буду заниматься своим делом!

И тут отец проговорился:

– Я всю жизнь скрывал, что мой отец был богомазом, иконы рисовал, значит, ты в него пошёл! Его в нашем городке попросили плакат революционный нарисовать, так он отказался, принципиальный! Про семью свою не подумал! В Сибири сгнил, а я, мальчишка ещё совсем, пошёл в шахту работать, потом землекопом на стройку, на рабфаке учился, строительный институт окончил! Строитель – честная, трудовая, всегда нужная профессия – это одно из самых уважаемых занятий на земле! Я тебе копейки ломаной не дам на твоё художество!

Неизвестно, сколько они ещё бы кричали, обоих трясло от волнения, но вдруг услышали за приоткрытой дверью в соседней комнате странный глухой стук. Выглянули за дверь. На полу в какой-то странной изломанной позе лежала мать.

Целый месяц они с отцом метались между домом и больницей. Он видел, как постарел и осунулся отец, как медленно шла на поправку мать, у которой при обследовании обнаружили целый набор заболеваний – и это не то, и другое не так! – и не решался заговаривать с отцом. Тот заговорил первым:

– Лёша, ты у нас с матерью поздний, можно сказать, вымоленный ребёнок, единственный сын! Мать не переживёт разлуки с тобой, да и мне будет тревожно. Рисуи, сколько хочешь, будь, кем хочешь, но я прошу, окончи сначала строительный факультет у нас в городе, получи хорошую специальность. А потом, если не передумаешь, можешь поступать и в художественную академию. Ты очень молод, у тебя в запасе достаточно времени, чтобы стать тем, кем твоя душа пожелает. Я хочу быть уверен, что кусок хлеба для себя и своих детей ты добудешь всегда.

Алексей сдался не потому, что заботился о будущем куске хлеба, а потому что пожалел родителей. Действительно, он станет, наконец, самостоятельным человеком и сам решит свою судьбу, он будет рисовать, будет стремиться к своей мечте. Да и опоздал он уже на приёмные экзамены. Он ещё не знал, что это будет основной темой его жизни – жалеть своих близких, уступать им. А много позднее прочитал в Библии: «И враги человеку – домашние его». И с болью душевной, с любовью к ним подумал, что это правда.

Конкурс в институт был весьма внушительным. Он поступил, а Санька недобрал один балл, и осенью его взяли в армию. В их группе оказались четыре девушки. Лёша посмотрел – ничего особенного. Эта вот, Аля, пухленькая, с высокой грудью и круглой попкой, очень даже ничего, если на лицо не смотреть – скуластенькая, глазки маленькие, носик курносый, кнопочкой. Ему нравились классически правильные, греческие лица. А так, ничего, хорошие девчонки, годятся в друзья. Так оно поначалу и было.

Неожиданно его назначили старостой группы, хотя были ребята и постарше. Возможно, в деканате прочитали его школьную характеристику. Классный руководитель, преподаватель физики, добросовестно написал каждому выпускнику особенную, индивидуальную характеристику. Лёша прочитал: «Три года был старостой класса, целеустремлённый, ответственный человек с организаторскими способностями, пользуется уважением товарищей». Действительно, его постоянно куда-то выбирали – в нём угадывалась серьёзность не по годам, основательность, ответственность и за товарищей, и за дело. Он был и внешне крупнее ровесников и выглядел старше своих лет. Староста, как однажды пошутил декан, служит приводным ремнём между деканатом и студентами, он должен быть умным, практичным, поворотливым, уметь улаживать и разруливать сложные ситуации студенческой жизни.

Аля поступила в институт со второго захода, была прилежна, упорна, на лекциях сидела всегда в первом ряду, записывала так аккуратно, что преподаватели, начиная лекцию, заглядывали в её тетрадку со словами: «Так, на чём мы остановились?» И экзаменаторы после ответа почти все накидывали ей лишний балл «за прилежание». Но в первую же сессию Аля получила двойку по начертательной геометрии, осталась без стипендии. И тогда девчонки из группы подошли к Алексею как к старосте, и он узнал, что Аля – детдомовская сирота, что всей родни у неё старая полунищая тётка в деревне, что надо бы ей помочь пересдать начерталку после каникул. Ему было странно слышать, что кто-то может не понимать начертательной геометрии – ведь это так просто и даже увлекательно, как пересекается цилиндр с конусом, например. И он видел, он чувствовал этот цилиндр и этот конус, они мгновенно раскладывались уже в уме на все проекции. Ну, что ж делать, бывают же люди, не различающие цвета или запахи. Невероятно! Можно только пожалеть, что кому-то недоступны для восприятия какие-то под-

робности этого мира. Но и досада брала – он так надеялся, что в каникулы сумеет побродить по городу с блокнотом, сходит на места, где они делали с учителем пейзажные зарисовки, и тем помянет его. Но и жалко стало эту девчонку-сироту, которой грозит отчисление из института. Договорились с Алькой, что во второй день каникул встретятся в десять утра в институтском читальном зале. Когда он утром собрался уходить, мать спросила:

– Куда это ты так рано? Каникулы же! Отдохни, поспи, я тебе вкусный завтрак приготовила.

Он рассказал про Алькину двойку и про её сиротство, и про то, что её могут отчислить из института. Конечно, мать тут же всполошилась, пригорюнилась, отозвалась:

– Алёшенька, да занимайтесь у нас! У тебя своя комната, я вам мешать не буду, покормлю вместе с тобой бедную девочку!

Алька, не ломаясь, согласилась, пришла, познакомились с матерью. Начали заниматься. Алексею пришлось начать с самых первых лекций. Девчонка сразу ничего не поняла, только зубрила. Он очень старался, вырезал из бумаги всякие фигуры, показывал плоскости, объяснял проекции. Пространственного воображения, казалось, у неё не было вовсе. Он видел, как она старается. Стесняется его, краснеет до слёз и жалел её, объяснял ещё и ещё раз. Мать покормила их на кухне обедом, Алька поначалу стеснялась, но потом осмелела, ела с таким аппетитом, что, глядя на неё, и у Алёши слюнки текли. А когда пообедали, мать не успела оглянуться, как Алька мгновенно перемыла посуду, вытерла стол:

– Ой, спасибочки, так вкусно, так вкусно, в жизни такого не ела!

У Лёши дрогнуло сердце, и у матери навернулись слёзы, для их семьи обед был самым рядовым. На дорожку мать положила для гостьи в пакет пирожки с капустой; та взяла, не чинясь, с благодарностью. В субботу Алька услышала, что мать собирается делать уборку. Не успел Алёша оглянуться, как она сорвалась с места, отняла у матери тряпку, вихрем пролетела по комнатам, вытерла пыль, вытрясла половики, вымыла полы. И всё в руках у неё горело и пело, и поворачивалось, какая там начерталка – у Альки был совсем другой талант. И когда она снова села рядом с ним за письменный стол, Алёша понял, что чувствует к ней уважение. Одно только его смущало, Алька никогда не смотрела ему в глаза, либо опускала их, либо смотрела в сторону. Но когда он не смотрел на неё, чувствовал на себе её внимательный взгляд.

Экзамен она пересдала на четвёрку, всё-таки его труды не пропали даром, но стипендии её лишили. Ребята в группе решили собирать каждый месяц со стипендии по десятке и отдавать деньги Альке. И она тоже приняла это спокойно и с благодарностью. Зато её выбрали проформгом, и лучшего не было на всём курсе. Ни один человек в группе не остался без её внимания, она знала, кто, в чём нуждается, кто заболел и чем надо помочь, у кого день рождения, как достать дешёвые билеты на концерты приезжих артистов, на институтские вечера. И с матерью Алёши она задружила, уже не спрашивая его, изредка приходила в дом, не к нему, а к матери, по субботам после занятий прибегала помочь с уборкой. Мать обязательно её кормила и не могла ею нахвалиться – денег за помощь Аля не брала, но мать ухитрялась непременно ей подарить что-то нужное, то отрез на юбку, на платье или на кофточку, то что-то из своего гардероба, из чего сама, как она говорила «выросла». И Алька шила себе обновки у них дома, быстро-

быстро строчила ещё на бабушкиной машинке «Зингер». Но вела себя умно, не навязывалась, на праздники не просилась, если приглашали, наоборот, уверяла, что она уже согласилась пойти в другое место. Алёша на это внимания не обращал. Мать говорила:

– Какая хорошая, трудолюбивая девочка! Вот будет у кого-то замечательная жена! Жалко только личиком не вышла! А какая переимчивая! Я только раз показала ей, как правильно стол накрывать – она ни разу не ошиблась!

– Вот попомни моё слово, – сказал, поморщившись, отец, – она Лёшку на себе женит, и засмеялся, – поберегись, сынок!

Алёша плечами пожал. Альку никак не мог к себе приложить и с собой сопоставить. Круглолицая, курносенькая Алька с коротенькими ножками и ручками никак на классическую красоту не тянула, просто была ему верным товарищем. Он сделал ей добро и потому испытывал к ней самые хорошие чувства.

Его мужская жизнь протекала своим чередом. Как-то к ним в дом пришла медсестра из поликлиники, делавшая матери уколы. Была она его старше лет на десять, стало быть, всего-то ей было лет двадцать восемь. Симпатичная была, фигуристая, и он заинтересованно на неё поглядывал. На вопрос матери, замужем ли, ответила со скрытой горечью: «Женихи наши на фронте погибли!» Однажды она пришла уже к вечеру после работы, с тяжёлыми хозяйственными сумками. И когда собралась уходить, мать сказала ему: «Лёша, проводи Тоню домой, помоги ей сумки донести». Она жила на окраине в частном доме – снимала у хозяев комнату с отдельным входом. Когда они дошли, она предложила ему зайти, отдохнуть, чаю выпить. Он и зашёл. Уходил же взволнованным, смущённым, пристыженным, обещая самому себе, что это в первый и последний раз. Но проходило время, неотвратимо и тягостно накапливалось желание, и он шёл к Тоне. Это была его тайна. Друга Саньки не было рядом, а больше он ни с кем не сходил близко. Да и за правило себе взял, об этом как-то обмолвился учитель, Александр Васильевич – о женщинах, бывших у него, никогда ни с кем не говорить. Учился он хорошо и легко, пользовался у ребят и в деканате авторитетом. Он чувствовал, что нравится девушкам в институте. Но влюбиться не мог, возможно, для этого нужно было соединиться физической и душевной тяге к девушке или женщине. Пока не случилось...

Студенческая жизнь затянула его. Если вначале он ещё носил с собой блокнот и часто делал зарисовки, то постепенно желание рисовать пропадало, а чувство личной, особенной, когда-то обрётённой связи с окружающим миром уходило, а если иногда вдруг что-то сверкало, и он пытался это сохранить и донести, то, открывая альбом, вскоре чувствовал себя беспомощным, пустым, холодным. Вспоминал слова учителя: «Работать, Лёша, надо постоянно! Ни на один день нельзя выпрыгивать из этого поезда – он уйдёт без тебя!» И он тосковал, понимая, что отлучён от дела по собственной вине. Ему хорошо удавались дружеские шаржи, это было замечено, и его упростили, затащили, заставили рисовать институтскую стенную газету, которая во многом благодаря его рисункам и подписям институтского юмориста стала иметь успех. В дни выхода газеты у стенда толпились преподаватели и студенты, кто-то смеялся, кто-то обижался, имя его сделалось в институте популярным.

Он уже окончил третий курс, когда однажды, в середине августа, проходя берегом пруда в загородном парке возле развалин бывшего барского дома, вдруг

увидел на скамейке девочку с мольбертом. Он остановился, издали, потихоньку поглядывая на юную художницу. Девчушка, высунув от усердия кончик языка, старательно рисовала пейзаж со старинной заколоченной церковью на другой стороне пруда. Они бывали здесь с учителем, и тот, видя вопросительный взгляд ученика, сказал: «Это, Лёша, левитановская тема. Мы с тобой ещё не готовы, давай пока трогать это не будем». Сейчас Алёша постоял, всмотрелся, и его вдруг пронзило тоскливое одиночество этой сироты-церквушки, оставленной исчезнувшим прошлым миром на милость нынешнему немилосердному веку. Он знал, что там сейчас склад, да и вообще отец говорил о каком-то строительстве в парковой зоне, кажется, планировалось построить детский санаторий. И церковь уж точно снесут.

Он потихоньку подошёл, сел рядом с девочкой, посмотрел на её работу. Она очень старалась, и всё казалось похожим и правильным, но чего-то не хватало. Она взглянула на него доверчиво, с интересом, но тут же смутилась, покраснела. Он понял – сам не любил, когда смотрели его незаконченную работу.

– Попробуй вот здесь дать синеватую тень, а здесь этот серебристый отблеск на облачке от заходящего солнца, а здесь повтор... мягче, это же отражение в воде – посоветовал он. Она, было, потянулась кисточкой к рисунку, но рука у неё задрожала, она протянула кисть ему:

– Я не могу, попробуйте вы...

Он с волнением взял кисточку и вначале бережно, робко, потом всё смелее стал накладывать мазки, торопясь, чтобы ЭТО, которое вдруг нахлынуло неожиданно, не покинуло его. Девочка сидела рядом, не дыша. И когда он остановился и окинул работу взглядом, понял – удаётся. Ещё чуть-чуть и будет почти совсем то, что ему надо. Ещё вот здесь акцент, и ещё вот здесь усилить, а здесь приглушить... Но освещение уже переменялось, что-то исчезло... пожалуй, надо отложить, а то можно испортить то, что удалось.

– Вы художник? – почему-то шёпотом спросила девочка.

– Нет, я студент, – сказал он, – но у меня был хороший учитель.

– Александр Васильевич? – спросила девочка.

– Откуда ты знаешь?!

– А вы приходили к нему в нашу квартиру. Мы жили в соседней комнате, мама немножко помогала ему, супу наливала, бельё подстирывала, а он учил меня рисовать. Я вас не сразу, но вспомнила.

У него вдруг перехватило дыхание, словно старый учитель давал ему знак – не надо падать духом, ничего не пропало, всё впереди! И такая радость снизошла на него, такая благодарность! Он с трудом вспомнил девчушку, которая заглядывала в приоткрытую дверь, а учитель кричал ей:

– Заходи, Катюша, не стесняйся. С молодым человеком тебя познакомлю!

– Я тебя тоже вспомнил, тебя ведь Катей зовут? Сколько тебе сейчас лет?

– Мне тринадцать, я в седьмой класс перешла! В студию хожу, в Дом пионеров.

– Хочешь стать художницей?

– Не знаю ещё... Просто нравится рисовать.

У него сжалось сердце, где-то внутри отозвалось – сестрёнка! Он рос один и всегда завидовал тем мальчишкам, у кого были братья или сёстры.

– А вы завтра придёте? – по-детски бесхитростно спросила она.

– Приду! Возьму свой альбом и приду. Завтра в это же время, хорошо? Принеси свои работы, я посмотрю.

– Ой, как хорошо! А то никому неинтересно, как я рисую!

Они встречались на этой скамейке каждый день. Он посмотрел её рисунки – у девочки были способности... Эх, вот бы сейчас сюда Александра Васильевича! Катя с его подсказками окончила пейзаж с церковью, а он сделал несколько карандашных зарисовок, в том числе и портрет Кати. Ему нравилось бесхитростное выражение её лица, восторженность, наивность и чистота, хорошенькая головка на длинной стройной шейке, её полудетская неловкость, длинные руки с острыми локтями, ноги с тонкими щиколотками и угловатыми коленками. Но вдруг какой-то поворот головы, неожиданно лукавая улыбка, движение плеча, поправляющего спадающую лялочку сарафана, и чуть кокетливое, отрицающее что-то в разговоре движение кисти с длинными тонкими пальцами. Он понимал – это пробивалось наружу её женское естество. Катя переходила из детства в юность. Он видел это и как художник, и как мужчина, но никаких других чувств, кроме приязни и нежности, не испытывал. Он умилялся и любовался ею. Она была младшей сестрёнкой! Он вспоминал потом Катю со странным чувством сожаления; в те времена их семь лет разницы были огромны – не перешагнуть, не перепрыгнуть. И он позднее как-то подумал, что, может быть, тогда в нём пыталась прорасти любовь? Не проросла.

Пролетели две последние недели лета, с первого сентября Катя пошла в школу, а он в институт. В первый же выходной они встретились в парке, шёл дождь, было холодно и сыро. Старшекурсников обычно в колхоз уже не отправляли, но в области случился небывалый урожай картошки, и Лёшин курс в понедельник утром отправляли в село на две недели на уборку. Ясно было, что лето кончилось, и всё переменялось. Лёша повёл девочку в павильон, где они съели по мороженому и расстались, как оказалось, навсегда. Хотя последние его слова, обращённые к ней, были:

– Ты, Катя, рисуй, работай, не ленись. Я вернусь и тебя найду. Я ведь знаю, где ты живёшь.

Он ушёл, а она стояла под морозящим дождём и смотрела ему вслед, не оглянется ли. Нет, не оглянулся...

* * *

Две группы с потока, тридцать пять парней и восемь девушек направили в подшефное их факультету село Лопухово на уборку картофеля уже третий год подряд, и всё ребятам там было знакомо, радовались, что прибыли на две недели, а не на месяц. Разместили студентов в бывшем сельском клубе, в селе уже год, как построили большой Дом культуры с кинозалом. В клубе поставили рядами вполне приличные кровати с панцирными сетками, ватными матрасами, застеленными чистыми простынями. От осенних холодов припасены были грубые колючие солдатские одеяла. А девушек, как и раньше, по двое-трое разобрали по своим домам колхозники. Институтский преподаватель, сопровождавший ребят, вернулся обратно, оставив студентов на попечение Алексея как лучшего старосты курса. Да и две недели не такой уж большой срок – справятся. И всё действительно шло нормально, только через три дня одна девушка, Лена, жившая на квартире с Алькой, заболела жестокой ангиной, и её пришлось на попутке отправить в город.

В тот день работа шла как-то особенно ладно. В этом году колхоз обзавёлся картофелекопалками, и студентам уже не пришлось орудовать лопатами. Трактор неторопливо проходил борозду за бороздой, выворачивая на поверхность земли картофельные россыпи. Ребята с вёдрами, корзинами, мешками, сетками шли за трактором по рядам и собирали картошку. Стояла отличная погода. Алексей распоряжался, кто собирает картошку, кто относит её к машине, и сам, конечно, подключался то к одним, то к другим, смотря по тому, кто отставал или запаздывал. И всё как-то ладилось: машины подъезжали вовремя, трактор не ломался, работа, особенно с утра, спорилась. На обед съездили в село, в столовую. Аля, как у неё повелось ещё с первого курса, работала поварихой в столовой. Она положила ему в тарелку со щами специально припасённый кусок мяса с мозговой косточкой, щедро плеснула сметаны. Ребята, как всегда ухмыльнулись – все знали, что Алька неровно к Лёшке дышит. Все это видели, кроме него. Вернее сказать, он это тоже видел, но коротенькая, блондинистая Аля, – невыразительное, широковатое лицо с маленькими глазками, белесыми ресницами, курносый носиком, – его не привлекала, хотя на её пышную грудь, как и большинство ребят, всё-таки поглядывал.

После обеда работа замедлилась – все устали, уже невозможно было держать утренний темп, но понимали – вот этот кусок поля, которое обработал уехавший трактор, надо доделать сегодня до конца.

Скромное осеннее солнышко спускалось к горизонту – вот-вот лягут, накроют землю сумерки. Машины подъезжали, их кузова заполняли картошкой. Ребята садились в кабину и в кузов сверху, и все по очереди уезжали в село. Наконец, их осталось человек пять, ждали последнюю машину. Она приехала, ребята быстро насыпали полный кузов, но часть картошки осталась. Предвечернее небо нахмурилось, собрался накрапывать дождик. Ребята зябко ёжились, и Алексей распорядился, чтобы все возвращались в село, а за ним прислали трактор с тележкой, в которую он погрузит оставшуюся картошку и приедет в кабине тракториста, всё равно ни в кузове, ни в машине не было лишнего места. Честно говоря, ему стало жалко эту оставшуюся картошку, которую зальёт дождь. И сам он, впоследствии узнав, что дед его по матери был раскулачен и выслан, вспоминая этот судьбоносный момент, думал: «Сказались кулацкие гены – чтоб добро не пропадало!»

Трактора всё не было, темнело, дождик накрапывал, ему стало зябко и одиноко, пожалел уж, что остался. Прикидывал, что через полчаса и трактор подъедет, однако его всё не было. Сломался, наверно. А может, ребята, понадеявшись друг на друга, просто о нём забыли. И он решил идти пешком, не так уж это и далеко, километров семь-восемь. Он шёл, а дождик припускал всё сильнее. Одинокий трактор он увидел на выезде из села, должно быть, мотор заглох, оставили на ночь.

Когда он пришёл в село, было уже темно. Дрожа от холода под морозящим дождём, решал, что делать. Столовая, наверно, уже закрыта, ребята спят, а он мокрый, голодный и холодный, как пёс бездомный, стоит тут, никому не нужный. Это он обо всех заботится, староста, а вот из группы никто и не побеспокоился, что он остался один в поле. Обидно было невероятно! В освещённом окне столовой мелькала чья-то тень. Он обрадовался, открыл дверь – навстречу ему бросилась курносая Алька:

– Лёша! Ну, наконец-то! А я жду-жду! Ребята сказали, вот-вот подъедешь, я уж волноваться начала, хотела бежать к бригадиру, спрашивать, в чём дело, тебя-то нет и нет!

Алексей обессиленно опустился на стул, Алька метала на стол тарелки с едой – картошку с мясом, малосольные огурцы, нарезала куски свежеспечённого хлеба, намазала их сливочным маслом, налила горячего чая, села рядом, подпёрла ладошкой щёку и сидела, любовалась, провожая каждый проглоченный им кусок одобрительным киванием. Но, оказывается, есть ему не очень хотелось, его трясло от холода, мокрая одежда прилипла к телу.

– Да ведь ты так заболеешь! Ты же знаешь, Ленка-то моя уехала домой с ангиной, – она несколько минут помолчала, потом собралась с духом, решила, – сегодня суббота, хозяйка моя баню топила. Пойдём-ка со мной, попаришься в нашей бане, и всё как рукой снимет. Пошли!

И он пошёл за ней, как телёнок на верёвочке, не было сил отказаться, так хотелось снять с себя мокрую одежду, согреться в бане, вымыться горячей водой! Алька и Ленка, девчонки из группы, вот уже третий год жили у одной хозяйки, в половине избы с отдельным входом.

Они прошли в конец огорода, к бане, хранившей ещё влажное тепло, на печке стоял бак с горячей водой. Аля подбросила в печку дров, пламя разгорелось, вскоре стало жарко. Она плеснула холодную воду из ковша на раскалённую каменку, вода зашипела, взметнулась паром.

– Снимай с себя всё, я на тебя не смотрю! – командовала Алька, и он подчинился, признавая за ней сиюминутное право – командовать, как она слушалась его, когда он занимался с ней начерталкой, – вот мыло, майку намывливай и мойся. Сейчас принесу тебе полотенце и простыню. Давай, не стесняйся, я уйду!

От печки шло блаженное тепло. Он мылся, наслаждаясь горячей водой. Ну и Алька! Когда последний раз облился водой, вошла Алька, отвернувшись, смущаясь, протянула полотенце. Он вытерся полотенцем, озадаченно сказал:

– А переодеться-то мне не во что, чистое бельё в рюкзаке, в клубе!

– Я утром сбегая, принесу! – пообещала Алька, а пока вот закутайся в чистую простыню и пошли.

Они пришли на половину, которую занимали девчонки. В комнате стоял стол, две кровати. После выхода из жаркой бани в вечернее ненастье, его опять зазнобило.

– Садись! – скомандовала Алька.

Он снова послушался, сел. Алька полезла в шкафчик, достала початую чекушку водки, налила стопку, поставила перед ним:

– Выпей вот, чтоб не простудиться, ты ведь опять дрожишь! Конфеткой закуси!

Он послушно, одним махом выпил водку – горло обожгло, закашлялся.

– Лёша, куда ж тебе идти, ложись на Ленкину постель, я бельё сменила, всё чистое. Завтра утром сбегая, принесу тебе одежду. Ложись, я пойду в бане приберусь!

Она выскочила из дома, унеслась в темноту. Он выключил свет, сбросил влажную простыню, залез под одеяло, сжался в комочек, пытается согреться, кажется, забылся. Во сне всё шёл и шёл под проливным дождём, и дорога всё никак не кончалась, и согреться не мог. Загремел упавший стул, он очнулся, спросил:

– Аля, ты?

– Я, кто ж ещё! – сказала шёпотом, – громко не говори, у хозяйки всё слышно!

В темноте слышал, как она разделась, легла на соседнюю кровать, умостила, затихла. Он всё ворочался, всё ему было неудобно, всё не мог согреться.

– Дрожишь? – спросила Алька.

– Да, никак не согреюсь!

– Иди ко мне, погрею тебя, – странным каким-то, словно не своим голосом сказала Алька.

И он рухнул, провалился, утонул в тепле перины и живого мягкого женского тела. Прошлое и будущее исчезли, было только ЭТО, здесь и сейчас, и оно было самым важным, самым нужным, смыслом и сегодняшнего дня и, казалось, всей жизни. Хотелось только одного – слиться с этим теплом, влиться в него и остаться навсегда.

Утром он проснулся и в первое мгновение не мог понять, где он. За окном хмурилось осеннее утро. На протянутой верёвке в комнате досыхало его выстиранное бельё, а на спинке стула висела одежда из рюкзака, тёплый свитер, значит, Алька сбегала в клуб, забрала одежду, и ребята поняли, где он. Да... Посмотрел на часы – пора завтракать и ехать на работу. Он чувствовал себя здоровым и бодрым. Но пришло и понимание, что здесь вчера произошло у них с Алькой! Что же теперь будет?!

Он едва успел взбежать на крыльцо столовой – дождь хлынул, как из ведра. Алька стояла на раздаче, не поднимая глаз, кивнула ему. Он не подошёл к общему столу, сел отдельно. В столовую вошёл бригадир, присел к нему за столик:

– Ты не обижайся, Лёша, трактор-то я за тобой послал, он и выехал, да мотор сразу заглох. И тракторист домой пошёл, зараза! Я и не знал, что так получилось. Я уж разгон дал, кому положено. Ваша Алевтина всем тут утром давала прикурить, ну и девка – огонь! Он одобрительно покрутил головой, улыбнулся. Ну, что ж, Лёша, судя по всему сегодня, в такой обложной дождь работать мы не сможем, пусть ребята отдыхают.

Алексей подошёл к товарищам, не глядя на них, объявил:

– Сегодня отдыхаем!

– Лёша! – загудели ребята, – мы же бригадиру сказали про тебя! Пришли после ужина, и спать повалились. Мы только утром от Альки узнали, что ты под дождём пешком шёл.

– Всё... Забыли! – строго сказал он.

Ребята поднялись и вышли, а он нарочно медленно доедал завтрак, выжидая, когда Алька покончит с делами. Та вместе со столовской работницей мыла посуду, Алексей незаметно поглядывал на них. Вот женщина что-то спросила у Альки, она кивнула головой, и та, накинув платок, выбежала в дверь по своим делам. Алька подошла к нему, села за столик, спросила, опять-таки не глядя в глаза:

– Ну, что, отошёл, не заболел?

Он молча посмотрел ей в лицо, увидел тёмные круги под глазами – устала девчонка, баню прибрала, бельё постирала, ни свет, ни заря помчалась в клуб за его одеждой, потом готовила в столовой завтрак – перловую кашу и яичницу. Да ещё и это... он чувствовал себя таким виноватым перед ней.

– Аля, – сказал он, – прости меня. Я не хотел... я не знал, что так выйдет... я обидел тебя...

Она посмотрела на него спокойно, помолчала, потом грустно улыбнулась.

– Не за что мне прощать тебя, Лёша. Это ты меня прости, это я получила то, что хотела. Я ведь влюбилась в тебя с самого первого дня, как только увидела. Мало, Лёша, у меня было радости в жизни, а вот эти три года с первого курса были для меня самыми счастливыми. Я шла на занятия и радовалась, что увижу тебя. Я каникулы ненавидела, потому что расставалась с тобой. Я каждое лето работала, как проклятая, чтобы приодеться, чтоб платьице новое, туфли купить чтоб тебе понравиться. А ты смотрел мимо меня. Знаешь, я с детства мечтала – вот вырасту, замуж выйду, будет у меня дружная семья, муж и дети. А эти три года я мечтала, чтоб ты был моим первым мужчиной, а там будь что будет. Я понимаю, что ты меня не любишь, да я и не пара тебе, вон ты какой умный и красивый, из такой семьи... А вот, видишь, вчера решилась – или сейчас, или никогда. Так что это уж ты меня прости!

Она говорила, и лицо её преобразилось, глаза сияли, щёки разругнулись. Как ни странно, он только теперь обратил внимание, что когда она улыбается, на щеках у неё проступают симпатичные ямочки. Он не знал, что сказать. Её оправдывала любовь, а что он может или должен ей сказать?

– Прости меня, прости, Аля! – бормотал он, – наверное, я должен... , – и не мог произнести вслух, что он теперь ей должен.

Она смотрела на него спокойно, даже чуть снисходительно, как будто знала что-то особенное, ей одной известное. Потом сказала опять, как разрешила:

– Иди, отдыхай. Если хочешь, вечером приходи. Буду ждать... но ты решай сам.

Он выскочил на улицу с облегчением, ему как будто не хватало воздуха. Добравшись до клуба, рухнул на свою кровать и мгновенно заснул беспробудным сном, и его не могли добудиться, чтобы идти на обед. Проснулся он часа в три. Рядом на столике стояла тарелка с тушёной картошкой, котлетой и вкусной луковой подливой, кружка молока, кусок хлеба. Ребята побеспокоились. Он жадно набросился на еду и снова провалился в сон. Окончательно проснулся к ужину.

Аля, как всегда, стояла на раздаче. Снова, не взглянув на него, молча положила пшённую кашу в тарелку, щедро полила маслом, налила из чайника чай в стакан с заранее насыпанным сахаром. Он тоже, не глядя, отошёл, сел за стол к ребятам, молча ел. Уже смеркалось, ветер разогнал облака, дождь утихал. Выйдя из столовой, ребята потянулись в Дом культуры. Сегодня там показывали новое кино. Он тоже пошёл, сидел в тёмном зале, смотрел на экран и ничего не понимал. У него не было других мыслей, кроме одной – он уже знал, что пойдёт туда, в счастливое тёплое гнездо, к Альке, и внутри выговаривалось, стучало: Алька... Алька... Алька!..

Перед рассветом он успел прибежать обратно, нырнув под одеяло, мгновенно заснул. Утро было влажное, но солнечное – ни облачка на ясном небе. Поехали в поле собирать картошку. Вечером бригадир посмотрел на оставшийся кусок поля, сказал:

– Ну, ещё два дня, пожалуй, ребята, закончим и поезжайте домой!

И эти две последние ночи он провёл у Альки. Будь что будет, что уж теперь!..

Когда они вернулись в город, казалось, их с Алькой отношения вошли в прежние берега. И он облегчённо вздохнул – пронесло! Неудобно, конечно, вышло, ну

что ж, так получилось. В конце концов, она сама этого хотела... Алька перестала ходить к ним по субботам помогать матери с уборкой. И Анна Захаровна спрашивала, что это, мол, Аля нас забыла? А он отвечал, что она много занимается, всем тяжело, приходится нагонять пропущенные за две колхозные недели занятия по всем предметам. И это действительно было так, и он был этому рад.

Через месяц, после занятий Алька подошла и сказала:

– Лёша, поговорить надо... между нами...

– Давай, поговорим, – вдруг испугался он.

Они сели на скамеечку в скверике возле института.

– Что ты хочешь мне сказать?

– Лёша, у меня будет ребёнок! – спокойно так сказала, сухо даже.

Ему вдруг стало жарко, бросило в пот, потом словно зазнобило. Он молчал, не знал, что сказать. Потом спросил:

– Тебе деньги нужны для врача?

Она вспыхнула:

– Нет, Лёша, я своего ребёнка убивать не буду. Выращу сама, ты не волнуйся.

Жалко, что тоже будет, как я, сирота, ну, наверное, доля у нас такая. Ты не волнуйся, Лёша, я справлюсь. Я уж посчитала, четвёртый курс я успею окончить, на лето поеду к тётке, там и рожу. Потом, может, тётку привезу, попрошу в профкоме комнату в общежитии, постараюсь институт не бросать.

Видно было, она уже всё продумала. И он не знал, что ей сказать. Ему было только двадцать лет, и он был не готов к такому повороту событий. Она встала со скамейки и пошла, не оглядываясь. А он сидел, не в силах встать на вдруг ставшие ватными ноги, в голове стучало: «вот и всё!».

* * *

Вечером отец обмолвился, что в следующем месяце они начинают работы в загородном парке по закладке фундамента корпуса детского туберкулёзного санатория, и церковь придётся сносить, хотя городской архитектор чуть не со слезами просил её оставить и не хотел подписывать согласование, на что кто-то из городского начальства с нарочитым удивлением спросил: «Вам что важнее, здоровье советских детей или этот обломок проклятого прошлого? Может быть, вы в Бога верите?» И архитектор замолчал. Проект предусматривал строительство главного корпуса очень близко к церквушке, она, разрушенная, портила общий вид, да и зачем она там?

Осень стояла, золотая, щедрая, прекрасная и печальная. В выходной он взял этюдник, проверил картонки, краски, палитру, – давно не открывал, хорошо, что не выбросил, – и поехал в загородный парк. В парке было безлюдно и тихо. Скамейка была пуста, и его кольнуло: «Катя...» Он сел и стал смотреть на церковь. Обрамлённая осенним золотом деревьев, она была совсем другой, чем летом. Печаль... да, печаль умирания, смирение, но и достоинство. Как будто она знает, что её ждёт. В отражении на поверхности воды, чуть дрожащей от лёгкого ветра, он уловил её тихую жалобу, ощутил свой душевный резонанс с настроением пейзажа и лёгкий озноб нетерпения, проговорил про себя: «Теперь я готов, Александр Васильевич!» и стал быстро делать набросок, этюд. Вот так... да, да! И ещё вот как... и ещё вот этот штрих, и ещё вот это не забыть... Он увлёкся, работал не отрываясь, не ощущая времени. Вдруг как-то мгновенно потемнело небо, поднялся

ветер, хлестнул дождь. Ветер трепал ветви деревьев, стены церкви потемнели от дождя. И всё переменялось. Какое там смирение! Она гневалась, она боролась! Он раскрыл предусмотрительно захваченный зонт и рисовал. Писал новый этюд. Он непременно напишет свою картину. Нет, две картины! Его сотрясала нервная дрожь – он должен это написать!

В этот же день мать случайно встретила Альку в магазине. Позднее, когда он поумнел и разобрался в Алькином характере, догадался, что встреча была совсем не случайной. Алька шла к своей цели упорно и целенаправленно. Он даже представлял, как это произошло. Наверняка, Алька обставила дело так, что мать увидела её первой и воскликнула:

– Алечка, здравствуй, что-то ты нас забыла, не приходишь в гости?!

– Ой, здравствуйте, Анна Захаровна, извините, всё думаю заглянуть к вам, да всё дела, то курсовой, то сдача лабораторных, то ещё что-нибудь!

– Ты что-то бледненькая, Алечка! Ты не болеешь ли?

И тут самое время Альке горько заплакать, что получалось у неё всегда просто артистически. Обильные слёзы были у неё близко и всегда наготове. Тут последовало Алькино признание, объяснение, и так далее, и тому подобное, и вся правда выплыла наружу, причём любимый Алёша был не виноват, а она сама виновата и без претензий. Так уж видно у неё на роду написано быть сиротой, и ребёнок будет сирота. И Анна Захаровна тут же оказалась у Альки в кармане.

Когда вечером, счастливый, сосредоточенный, он вернулся домой с этюдами, его встретило тяжёлое молчание родителей, а потом бурное объяснение, слёзы и сетования матери. И было такое ощущение, что родители опять всё решили за него.

– Я не могу себе представить, – плакала мать, – что моя внучка будет жить где-то по чужим людям, недоедать, недопивать, а потом Алька выйдет замуж и чужой мужик будет её воспитывать! А мне и поглядеть на неё будет затруднительно!

Отец сказал:

– Я же тебя предупреждал, что она тебя на себе женит, дурак ты этакий! Впрочем, не ты первый, не ты последний! За свои поступки надо отвечать, сынок. А то мне придётся ответить. Сейчас она пойдёт в комитет комсомола и просто заставит тебя жениться. И слух по городу пойдёт, какой у начальника строительного управления сын распущенный. Ещё и мне достанется по партийной линии!

Когда все притихли, отец увёл его в кабинет и уже без особых эмоций сказал:

– Лёша, я тебя хорошо понимаю, но тут без вариантов, тебе придётся жениться! Можно, конечно, зарегистрировать ребёнка на своё имя и платить алименты. Но у матери сердце разорвётся, да и у тебя будет сомнительное пятно в биографии.

– Папа, – едва вымолвил он, – я же её не люблю!

– А когда лез к ней в постель, любил?! Ты думаешь, люди всегда женятся по великой любви? Она же не силком тебя затащила? Она будет хорошей женой – баба должна уметь в доме прибрать, уют навести и щи сварить. Она всё это умеет, ты знаешь. А уж если придёт великая любовь, ну тогда разведёшься и женишься по любви... что, конечно, очень непросто.

В институтской столовой сыграли студенческую свадьбу. Ребята понимали – Лёшка покрывает грех, влюблённая в него Алька сумела «залететь». Поглядывающие на него девчонки, конечно, посетовали и позлословили. Алька в белом, сшитом в ателье по журналу мод платье, так светилась счастьем, что казалась

почти красивой. В комнату Алексея поставили купленную в комиссионке широкую удобную деревянную кровать, трёхстворчатый шкаф для одежды с зеркалом, постелили коврик перед кроватью, поставили зеркальное трюмо с тумбочкой. Алька радовалась, но неглупая была, шепнула ему:

– Лёша, институт окончим, я на ноги встану – отпущу тебя, если захочешь!..

Казалось ему, что всё пока было в его жизни временным, всё – первая прикидка. Профессия, женитьба – всё словно понарошку, а главное, настоящее нужное и желанное, сбудется позднее, когда-нибудь, потом. А сейчас это просто черновик судьбы.

К собственному удивлению, жить ему стало много спокойней, он учился отлично, занимался в студенческом научном обществе, помогал Альке, и она с его помощью тоже вполне успешно тащила груз студенческих проблем. В постели Алька была безотказной и щедрой, голова у неё никогда не болела, с матерью они дружили и выступали единым фронтом – тишь и благодать воцарились в семье. Как-то в начале следующего лета, они шли с женой по центральной улице, и Алька была уже с огромным животом, отёкшая и кургузая, как вдруг он почувствовал чей-то взгляд. Повернул голову – на них с изумлением, даже чуть приоткрыв рот, смотрела Катя. Она повзрослела, чуть округлилась, но была всё такой же, как говорила мать, «тонкой-звонкой» – прехорошенькая получится из неё девушка, подумал он, кивнул Кате и отвернулся.

Летнюю сессию Аля, конечно, с его помощью благополучно успела сдать до родов. В конце июня родилась девочка, дочка, чему Анна Захаровна была несказанно рада, души в ней не чаяла, сама словно помолодела, возиться с ребёнком готова была неустанно, но здоровье не позволяло, и в помощь ей взяли няню. Аля настояла, чтобы девочку назвали Анной, и в честь Анны Захаровны, и в память умершей от голода и болезни Алькиной матери, которую тоже звали Анной.

* * *

И последний год учёбы прошёл-пролетел. У него был выбор – остаться в аспирантуре, заниматься наукой, защитить диссертацию и так далее, или же взять направление в строительную организацию, которую возглавлял отец. Алька и мать любому варианту были бы рады. Но вдруг уже на распределении он решил уехать в новый строящийся город и начать там всё сначала без отцовского повода, без материнских охов и ахов, захотелось узнать, стоит ли он сам чего-нибудь, в конце-то концов? Когда Алька, было, заупрямилась, стала возражать, расписывать ему перспективы жизни и карьеры в родном городе, он спокойно предложил ей: «Оставайся!» И Алька молча стала собирать вещи.

Он с удовольствием вспоминал начало своей работы в этом городе, где его не защищало и не мешало ему имя и должность отца, где только от него самого зависели его успехи или неудачи. А какой он был сильный и здоровый! Когда сдавали высотный дом в 11 этажей, на спор сбегал вниз быстрее, чем приёмная комиссия спускалась на лифте. Он нравился женщинам, и они ему нравились, целенаправленно к романам не стремился, но и не отказывался от случая. Один раз, правда, случилось сильное увлечение, и дама сердца намекала на соединение судьбы, и он, было, об этом подумывал. Но надо было срочно сдавать городской торговый центр, работы было невпроворот, и дама как-то отодвинулась в сторону – не время пока, вот закончим стройку! И он, озабоченный, несколько дней даже

не вспоминал о ней. А вспомнив, усмехнулся, подумал: «Первым делом, первым делом самолёты, ну а девушки, а девушки потом!..»

Когда торговый центр сдали-подписали, пришёл он домой усталый, измотанный, и Алька бегала, подавая ему в ванную полотенце и чистое бельё, а когда вышел, ждал его вкусный ужин и опять таки стопочка с водкой, понимала Алька, что надо мужу расслабиться, да и вообще много чего понимала, его жена. Он подозревал, что Алька знает про даму сердца, но молчит, выжидает. Потом дочка попросила помочь с задачей, и он с удовольствием чуть-чуть подсказал и вывел её на правильное решение, и она в восторге обняла его и поцеловала в щёку! Что можно желать лучшего, ещё неизвестно, какова будет жизнь с этой действительно особенной, нервной и требовательной красавицей. Дама поняла ситуацию правильно, в сердцах, обидевшись, даже уехала из города – умница была и гордячка! А вот, поди ж ты, прав, оказывается, Александр Сергеевич: «Привычка свыше нам дана: замена счастию она». Постепенно за эти годы вырос он с должности мастера до начальника строительного управления, уж приглашали его в Москву, в министерство.

Теперь же обосновался он в родном городе, бизнесмен и «олигарх». У него солидная фирма, магазины, гостиница, кафе и ресторан, и в совладельцах числятся жена и дочь с зятем. Алька после института работала сметчицей в техотделе, а когда уж он организовал кооператив, она окончила бухгалтерские курсы и была его правой рукой. Хватка у неё была... лиса и волк в одном стакане. И хитрость, и жёсткость, и воля, и энергия. Пожалуй, без неё ему труднее было бы со всем справляться. У жены откуда-то были свои особенные сведения обо всех происходящих в городе событиях, она определяла размер и форму откатов, точно знала о переменах и планах городской власти, заводила дружбу с кем надо, а с кем не надо – от тех тихо и незаметно отстранялась. Но самые главные, важные переговоры с большими людьми вёл он – Алька этого не могла, не тянула, не хватало основы, базы, масштаба личности, той подводной части айсберга, которая заложена в генах, растёт и накапливается с детства в течение всей жизни. Харизма, одним словом – или есть, или нет. У Альки появилась страсть к приобретениям. Поняла, что просто деньги – это бумажки, а недвижимость, – вот она! – только растёт в цене. Полюбила власть, лесть и поклонение: «Ах, Алевтина Яковлевна, вы удивительная женщина!» Но главное, что в ней вдруг проявилось – жадность, желание держать своих работников и служащих в чёрном теле, платить, как можно меньше, выгадать на их зарплате. К нему шли с просьбами, с жалобами, и тогда он возмущался, упрекая её, говорил:

– Алька, людям же жить надо, семью кормить! Что ж ты и премии зажимаешь, и зарплату задерживаешь!

– Она отвечала: «А что тут такого, как со мной, так и я!»

– Как это с тобой?!

– А так! В школу мы, детдомовские, ходили, как нищенки, во всём одинаковом, как из больницы, а девчонки из дома приносили вот с такими бантами, приносили в школу всякие бутерброды, одна белый хлеб с маслом и с колбасой жрала на перемене, на виду у всех! Интересно, кто она сейчас, посмотреть бы!.. И я никому ничем не обязана, только себе. Я сама свою судьбу рассчитала и устроила. Вот пусть каждый о себе и заботится, как умеет! Кому не нравится, пусть уходит и найдёт, где лучше!

Всю жизнь не могла простить глупой девчонке хлеб с маслом. И он подивился мудрости пословицы: «Из грязи в князи». Эта же повадка проявилась и у дочери. Дочь была похожа на мать, но ростом повыше, фигуркой несколько поизящнее, и носик не такой курносый и глазки покрупнее, но не красавица! И он, бывало, сожалел, что дочь не слишком хороша, будет ли она нравиться молодым ребятам? Это ведь для девушки очень важно. Однако она была умна, начитана, с сильным характером, с отменным вкусом. И если не была красивой, то, пожалуй, имела то, что не менее важно, чем красота – свой стиль в одежде, причёске в манере держаться. О ней так и говорили: «Стильная девушка!» С золотой медалью школу окончила, с красным дипломом – институт. И гордая была, сдержанная – мало кого к себе допускала, дочь большого начальника. И он подозревал, что это мать ей внушила: «Кто ты и кто они?!» Замуж вышла за первого красавца на курсе, покладистого, добродушного малого, который во всём слушался жену.

Алексей же старался сплотить людей, чтобы они работой своей дорожили, давал ссуды из специально заведённого фонда, постепенно обеспечивал своих людей социальными гарантиями, и условия работы на его предприятиях были лучшими в городе, друзья-предприниматели на него обижались, бывало, иногда на посиделках в бане это и высказывали. Алька же ворчала, что они на этом много теряют. Что-то теряли, да, но что-то и приобретали. Доброе имя, стабильный коллектив тоже чего-то стоят! Он лежал и долго вспоминал свою жизнь, потом снова задремал.

* * *

Утром Сеня позвонил, сказал, что сейчас заедет, и, наскоро перекусив, они поехали на бывший механический завод, где на складе томились в бездействии уникальные, но уже обречённые на переплавку станки. Они ходили по холодному складу, из-под ворот чувствительно поддувало, он продрог, замёрзли ноги. Часть оборудования была сложена под открытым небом, они и там что-то смотрели, выбирали, и горько было видеть брошенные, никому не нужные, но ещё пригодные для работы механизмы. Они с Сеней отобрали станки, насосы, задвижки, жадность и жалость его одолевали – вот это возьму, и это, и вот это пригодится! Поехали к владельцам, договаривались, торговались, наконец, ударили по рукам, и отличное оборудование досталось Алексею почти по цене металлолома. В этом городе оно никому не пригодилось. Весь день у него першило в горле, он покашливал, а в конце дня его уже ломало – болели суставы и мышцы. Сеня забеспокоился, забежал в аптеку, набрал каких то капель, полосканий, таблеток, что-то он принял на ночь, пропотел. Утром словно бы полегчало, они с Сеней поехали договариваться об отправке, погрузке. И кто думает, что таким-сяким бизнесменам деньги легко достаются, глубоко ошибаются – «не потопаяешь – не полопаяешь», так же, как и в любом другом деле. С отправкой и погрузкой надо было повременить с неделю, Сеня, видя такое его состояние, брал всё на себя и надеялся отправить «Лексей Петровича» домой ближайшим рейсом. Но когда они приехали в квартиру и померяли температуру, а она оказалась под сорок, сил никаких у Алексея уже не было – он повалился на кровать и встать не мог – ноги его не держали.

Сеня помчался в больницу к своей доброй знакомой, которую почитал за лучшего в городе врача, Дине Сергеевне Ивашкевич. Но он не только не нашёл Дину Сергеевну, он едва нашёл отделение в котором она работала, в больнице был

ремонт, больные лежали в коридорах, а доктор Ивашкевич, оказывается, ушла в отпуск. И Сеня помчался к ней на квартиру. Она в своё время помогла его дочери, и с тех пор благодарный Сеня тоже не оставлял её своим покровительством, в перестроенной кутерьме помогал с продуктами, когда заболел её муж, доставал, выцарапывал нужные лекарства и лучшего специалиста по массажу. Дина, как большинство знакомых звала его просто Сеней, а он её только по имени – отчеству.

ОНИ

Семья Дины собиралась ужинать, когда Сеня, запыхавшись, почти ворвался в квартиру. Волнуясь, сбивчиво объяснил кто, что и как. Дина, наскоро хлебнув чаю, схватила «тревожную» сумку, в которой фонендоскоп, жаропонижающие, шприцы, ампулы сердечных лекарств, спирт, стерильные бинты и салфетки. Никогда не знаешь, что может пригодиться. Даже сахар – на случай гипогликемии, если больной диабетик.

В квартире было темно. Спит, наверное, подумал Сеня, зажжёт свет, позвал негромко: «Лексей Петрович!» Но никто на их приход не откликнулся. Из тёмной комнаты доносились какие-то невнятные звуки. Едва раздевшись, Дина бросилась в спальню, включила свет. По диагонали кровати, в странной позе, запрокинув голову, лежал мужчина и то ли стонал, то ли пытался что-то сказать! Глаза полуоткрыты, но понятно было, что он ничего не видит. Дина взглянула на тумбочку, пластинки с жаропонижающими лекарствами – были изрядно опустошены. Температуру снижал, балда этакая! Пульс слабый, еле прощупывается, сосуды расширились, давление упало, руки-ноги ледяные, потел – лежит буквально в луже. Коллапс! Похлопала по щекам, резко щёлкнула кончик носа. Закричала:

– Сеня, нашатырный спирт есть?

– Сейчас! Должен быть, весной окна мыли!

Примчался с бутылкой нашатыря. Дина намочила салфетку, поднесла к его носу, потёрла виски. Мужчина вздрогнул и шире открыл глаза. Непонимающий взгляд ниоткуда.

– Сеня, быстро! Крепкий чай! Полотенца, сухую простыню, одежду, одеяло, грелку к ногам!

И сама бросилась на кухню, – скорее! – включила газ, налила немного воды в чайник – скорее закипит, зажгла горелку, грохнула чайник на плиту! Примчалась в комнату. Сеня уже успел раздеть больного. Вместе с Диной они вытерли его полотенцами, общими усилиями вытащили из-под него влажную простыню, перевернули на подстеленную сухую, почти запеленали в тёплое одеяло, надели шерстяные носки, закутали ноги электрической грелкой. Крепкий сладкий чай вливался в него животворящей силой. Дина прослушала грудную клетку – «дышите-не дышите», услышала влажные хрипы в лёгких, похоже, пневмония начинается. Написала на бумажке названия лекарств: антибиотики, противокашлевые препараты, травы. Отправила Сеню в дежурную аптеку. Когда вернулся, сделала два укола, ещё напоила чаем, в который влила какое-то снадобье, заставила выпить полную чашку. Алексею стало хорошо, уютно, он согрелся и заснул.

Ночью он проснулся и с изумлением огляделся, при свете ночника не сразу смог понять, где он и что с ним. Рядом с кроватью, в большом кресле, свернув-

шпись калачиком, спала женщина. Лицо её показалось знакомым – да, это же докторша, которую привёз Сеня! Он тут же вспомнил всё, и возню вокруг него и чёткие уверенные команды этой настырной особы. А сейчас она спала. Угомонилась, наконец. Он понял, что она осталась с ним, побоялась, значит, оставить одного... Вот она, оказывается, какая – лучший врач в городе, как говорил ему Сеня. Бледненькая, тёмные тени под глазами, устала, или освещение такое, никакой косметики, пушистые пряди волос на лбу, на виске, кисти рук под щекой на подушечке, длинные тонкие пальцы, серая юбка, не прикрывает тонкие щиколотки. Славная какая женщина! Но, наверное, уже хорошо за сорок. Должно быть, она почувствовала взгляд, зашевелилась, меняя позу – он успел закрыть глаза и притвориться спящим. Слышал, как встала, постояла, посмотрела на него, осторожно тронула запястье, пощупала пульс, мягко, невесомо приложила руку к его щеке, ко лбу, определила температуру и, уютно свернувшись калачиком в огромном мягком кресле, словно в гнезде, заснула снова. Он вдруг вспомнил, что так было только в детстве, когда мама не ставила ему градусник, а безошибочно определяла температуру рукой. И он, словно в детстве, почувствовав себя в безопасности, крепко заснул.

Проснувшись утром, он услышал доносящиеся из кухни голоса. Там Сеня разговаривал с его нечаянной сиделкой. Причём больше говорила она, даже диктовала Сене, как понял Алексей, опять посылала в аптеку и наказывала, что именно он должен там купить, заказала куриный бульон.

– Дина Сергеевна, – прошу вас, вы уж его полечите хорошенько, пожалуйста, присмотрите за ним... ну, как за добрым знакомым, как за родным, а?! Хорошо?! Это наш человек, хороший человек! Он же у нас работал, помните Севастьянова, начальника строительного управления? В больнице сейчас нет мест. Да и вообще!.. Я понимаю, что у вас отпуск, но мы вам хорошо заплатим, вы не сомневайтесь.

Сеня назвал приличную сумму, и Алексей мысленно с ним согласился, что индивидуальный уход того стоит. Сеня зря слов и денег на ветер не бросает.

– Хорошо, если может заплатить, я не откажусь, – ответила докторша, – деньги мне нужны. Сами знаете, для чего. Я согласна побыть домашним доктором... даже сиделкой...

И слышно было, что она улыбнулась.

– А это вам, Дина Сергеевна, от меня подарок. В коробочке сотовый телефон. Будем всегда на связи. Я научу вас, какие кнопки нажимать – это не так сложно. У нас в городе такая связь только начинается. Я сейчас пролечу по аптекам, если вы услышите звонок, вот эту кнопку зелёную нажмите и разговаривайте. А разговор окончится, нажмите вот эту красненькую!

– Да?! – слышно было, как докторша опять улыбнулась, – такого я ещё не видела.

– Сейчас я наберу номер телефона вашей квартиры. Поговорите с мужем.

И Алексей услышал:

– Шурочка! Доброе утро, это я! У вас всё в порядке? Дай трубочку Стасю.

Он поразился, сколько нежности, тревоги, заботы может вмещать всего несколько слов:

– Ста-ась?! Доброе утро, дорогой! Ты как там?.. Ну, молодец – молодец! Я прибегу позднее. Пока не могу! Да-да! Обнимаю! Будь умницей, слушайся Шурочку!

И опять Алексей услышал в её голосе материнские нотки, и опять его словно окутало теплом. Дверь хлопнула – ушёл Сеня.

Он проснулся окончательно, но чувствовал себя слабым и смог пока только сесть на постели. Она вошла в комнату:

– Доброе утро, Алексей Петрович! Сейчас пойдём в туалет и вот вам стеклянная баночка для анализа мочи...

У него кружилась голова, и она помогла ему дойти до туалета. Вскоре в дверь позвонили – пришла женщина со специальной сумкой, взяла на стёклышки кровь на анализ, забрала приготовленную баночку. После её ухода Дина Сергеевна вошла с тазиком, с мыльницей. Влажным тёплым полотенцем вытерла ему лицо, шею, полила на руки. Сухим полотенцем вытерла лицо и руки. Потом вошла с подносом, на котором стояла тарелка с горячей овсянкой и растворяющимся в ней кусочком сливочного масла, яйцо всмятку, чашка с чаем, столовая и чайная ложки, кусочек хлеба, соль, сахарница. Поставила поднос на тумбочку. Есть ему не хотелось, но она, угадав это, сказала:

– Немножко нужно поесть, обязательно. Сейчас Сеня лекарства привезёт, будем лечиться. Вам силы нужны. Помогите и мне, и сами себе, поешьте, пожалуйста.

И опять он вспомнил, что так говорила мама, мол, помоги себе и мне, сынок, покушай... Съел несколько ложек каши и яйцо, запил чаем. Он слышал сочувствие в её голосе, но глаза были строгими. Докторские глаза.

Позвонил Сеня, что-то спрашивал, она отвечала – нет-нет, нельзя ничем заменять, от этого можно оглохнуть. И он притих, оробел, глухим ему быть не хотелось. Сейчас он зависел от этой пигалицы, этой докторши. Ишь ты, какая уверенная, спокойная!

Сеня привёз лекарства, стойку для капельниц. Она сама поставила капельницу, и, казалось, это для неё привычное дело, хотя обычно такие процедуры делают медсёстры.

После обеда он снова заснул, а когда проснулся, её не было. Ушла. Он почувствовал себя бодрее, сам сходил в туалет, походил по квартире и решил помыться в душе, смыть с себя липкий пот болезни. Достал из сумки, приготовил чистое бельё, бодро залез в ванну, включил душ, с наслаждением намылился, стоял под горячими струями воды. И вдруг почувствовал, что руки и ноги стали у него словно ватными. Он выключил воду и понял, что вылезти из ванны ему будет непросто.

Ещё никогда в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным, слабым, ненавидел себя и отчаивался, старый что ли стал, так ведь шестьдесят два года – ещё не вечер! Даже странно! Сейчас... надо отдохнуть, и потом он выберется из ванны. В прихожей щёлкнула дверь.

– Сеня! – позвал он, – Сеня, помоги мне!

Но это был не Сеня. Докторша открыла дверь в ванную, и несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Он, голый, мокрый и дрожащий. И она, строгая и сердитая:

– Кто вам разрешил принимать душ в таком состоянии?!

Вопрос, конечно, не нуждался в ответе. Она сбросила пальто, принесла полотенце, помогла ему вытереться, он и не знал, что мельком взглянув на него определила: «Тестостерону-то... тестостерону! Ходок, наверное!..» Вчера она

об этом не подумала. Помогла вылезти из ванны. И снова капельница, уколы. Они перебрасывались словами только по делу. Вторую ночь она тоже ночевала в квартире, но уже на диване в соседней комнате, несколько раз за ночь подходила к нему, он чувствовал лёгкие прикосновения её руки и, успокоенный, снова засыпал крепким сном.

Так начались эти странные, нелёгкие, и как он потом понял, счастливые дни его жизни. Всё как-то организовалось и вошло в колею. Утром Сеня привозил еду на день, суп, борщ или бульон – в холодильник. Оказывается, она умела делать всё – и капельницы и внутривенные инъекции. Она не гнушалась разогреть, что-то сварить, приготовить, мыла посуду. Но даже интонацией не переходила грани отношений доктор-пациент, была доброжелательна, но... недоступна. Снегурочка...

Утром четвёртого дня температура у него была невысокой, чувствовал он себя лучше. Антибиотики! Куда теперь без них! Дина уже не казалась такой строгой и озабоченной, немножко оттаяла, внимательно выслушивала лёгкие – «дышите-не дышите», потом очень внимательно – сердце, он понял, слегка насторожилась. Позвонила Сене, потом ещё куда-то, вскоре он привёз кардиограф. Сама сняла кардиограмму, озабоченно рассматривала диковинные загогулины, которые выписывало его сердце. Он смотрел на неё снизу и слегка досадовал, выздоравливал, должно быть, – эта женщина не видела в нём мужчину, он был пациентом, не более, а он не привык к равнодушным женским взглядам. Она сняла фонендоскоп, задумчиво смотрела ему в лицо, отмечала – глаза прояснились, одутловатость спадает, вот на верхней губе выскочил герпес, что ж, иммунитет упал... ничего, витамины поколем. Сердце надо поддержать... непременно. Он заметил этот взгляд на его губы и вдруг пошутил:

– Это скоро пройдёт! Ещё нацелуемся...

Она недоумённо посмотрела ему в глаза, смутилась, опустила голову, и он заметил, как лицо её слегка порозовело. Ага, подумал он, не такая уж ты Снегурочка!

После обеда она ушла домой, вечером вернулась, поставила капельницу, снова послушала, померяла температуру, покивала головой своим мыслям, сказала:

– Сегодня я буду ночевать дома, думаю, всё у вас будет нормально. Завтра утром, надеюсь, будет ещё лучше.

Ночью ему снилась лёгкая ласка прикосновения её тёплой руки, он просыпался, досадовал – сон! И уже не было ощущения безопасности, которое было в её присутствии, квартира была чужой – незнакомые запахи, непонятные звуки. Утром он ждал её прихода, побрился, внимательно посмотрел на себя в зеркало, запавшие щёки, тени под глазами – «не фонтан!», – как говорили они в студенчестве. Она пришла, быстро разделась в прихожей, вошла в спальню, улыбаясь, сказала: «Доброе утро! Ночью выпал снег – так красиво!» Согревая, потёрла руки, пощупала пульс, дала термометр. Села рядом на краешек кресла, симпатичная, домашняя, так хорошо улыбается – совсем не хмурая коза-дереза первых дней! Посмотрела на термометр – нормально! Видно было, что она довольна его состоянием. Послушала лёгкие. Он замер, чувствуя тепло её близкого дыхания. Опять послушала и сердце, опять чуть озаботилась.

– Всё хорошо! – сказала она, – идём на поправку!

– Скоро я отсюда выйду? – спросил он.

– Я думаю, через недельку, хорошо бы дней через десять, надо бы сердце подержать. И можно будет выписываться! Если не будете нарушать больничный режим!

И так хорошо, так тепло улыбнулась!

День пошёл по заведённому порядку, она делала процедуры, давала нужные таблетки. Сходила в больницу за лекарством, которого не было в аптеке, зашла по дороге на рынок, накупила яблок-апельсинов, укропа-петрушки, квашеной капусты, в магазине взяла свежий бородинский хлеб и белую хрустящую булку, молоко в пакете. Вернулась оживлённая, нагруженная свёртками, вместе с ними принесла какой-то красивый плоский целлофановый пакет с ручками. Он встретил её в прихожей, перехватил сумки, помог раздеться. Она приготовила суп, сделала пюре, разогрела домашние котлеты, привезённые Сеней, заправила капусту лучком и душистым подсолнечным маслом. Поставила тарелку, чуть поколебавшись, поставила на другом конце стола вторую, решив пообедать вместе с ним, утром выпила только чашечку кофе, а сейчас нагуляла аппетит. Вместе сели обедать на кухне, слегка пошучивали, передавали друг другу хлеб, соль, иногда нечаянно соприкасаясь руками. Аппетит на него напал зверский, он с радостью ощущал вкус и запах еды, смаковал её, попросил добавки. Она положила ещё котлетку, сказала, этого довольно – объедаться тоже нельзя! Посмеялись. Не понимали ещё, мало сказать, взрослые – пожившие, опытные люди, что в реторте замкнутого пространства квартиры, где общаются мужчина и женщина, уже начала свою тихую подспудную работу невидимая алхимия, превращающая эти бытовые незначащие пустяки общения в яркое золото влюблённости.

После обеда она скомандовала:

– Алексей Петрович! Надо соблюдать режим! Тихий час – пожалуйста в постель! Я тут приберу, оставлю вам вечерние лекарства и уйду. А вы уже вышли на выздоровление. Вечером я вам позвоню.

Он послушался, пошёл в спальню, удивился, что она уже успела перестелить постель, взбить подушку. Как близкому человеку... Лёг, прикрылся одеялом, слушал, как на кухне тихо звякают ложки-вилки, постукивают тарелки, льётся вода. Она мыла посуду. Ему было хорошо, и он вскоре заснул, сытый, ухоженный, успокоенный, выздоравливающий.

Она закончила свои хозяйственные дела, вошла в спальню, положила на тумбочку вечерние таблетки, поставила стакан воды, тыльной стороной ладони коснулась щеки, шеи, проверила температуру, проверяя пульс, задержалась пальцами на запястье. Всё идёт хорошо, она вполне может оставить его одного.

Он проснулся, когда в комнате было уже темно, включил ночничок – всего лишь семь часов вечера. В квартире было тихо и как-то сиротливо – её не было. Ну, что поделаешь! Главное, он чувствует себя всё лучше, всё крепче, явно возвращается к нему сила духа и тела. Хорошая докторша!

Щёлкнул замок в двери, в комнату ввалился Сеня, весело закричал:

– Лексей Петрович! Отправил я сегодня станки, отправил! Ну, так повезло, так повезло!

Радостный Сеня стал подробно рассказывать, как сначала ему не повезло, незнакомый человек с недавнего времени этим командует, и он закручинился. Но вдруг он встретил своего давнего знакомца, ему, Сене, обязанного, а он новому начальнику оказался какой-то сват-брат! И Сеня сумел быстренько договориться,

и нанял грузчиков, и заплатил, тоже дешевле, чем рассчитывал, ну полный ажур! Сеня говорил радостно, торопливо, закашлялся, вытащил носовой платок, чихнул несколько раз, высморкался, не преминул заметить, загундосив в платок:

– А ты выглядишь молодцом, Лексей Петрович, я тебе говорил, что это самый лучший у нас доктор, видишь, как быстро тебя на ноги ставит. А я, было, струхнул, честно тебе сказать!

– Спасибо тебе, Сеня, за всё – и за заботу, и за работу. Я постараюсь в долгу не остаться!

– Да, что-ты, Лексей Петрович, что ты! Я ведь для тебя как для родного человека стараюсь, не за благодарность!

Чихнув на прощанье несколько раз, Сеня, наконец, собрался уходить, и Алексей пошёл проводить его в прихожую. Сеня, наконец, ушёл, а он, вдруг заметил в прихожей забытый докторшей красивый пакет. Он взял, повертел его в руках, пакет был не запечатан. Интерес к докторше подогревал его любопытство. Осторожно открыв пакет, он вытащил пачку фотографий, штук пятнадцать разного калибра. Объединяло их только одно – на всех была Дина Сергеевна в разных видах и позах. Вот она в кабинете пишет какие-то бумажки. Вот она, строгая и сосредоточенная, выслушивает больного, вот на каком-то празднике за коллективным столом её лицо в такой улыбке, что встал бы и пошёл за ней на край света. Но вот-вот они, главные, особенные фотографии, и даже сделан большой портрет. Она сидит на берегу моря, на крупном обломке скалы, и накатившаяся на скалу волна за её спиной взметнулась хрустальным фонтаном сверкающих брызг. На ней какой-то зеленовато-голубой сарафан на ляпочках, юбка чуть приоткрывает острые коленки, на босых ступнях крупинки влажного песка. Накатившая волна подмыла стоявшие внизу босоножки, они словно отдыхают, стоят разбросанно и свободно – и без них картина казалась бы неполной. Он смотрел внимательно и отдавал должное мастерству фотографа. Схватил такой момент! Женщина, чуть откинувшись, опиралась на левую руку, сидела так спокойно, естественно, улыбалась доброжелательно и, пожалуй, чуть грустно. Как художник, он сразу увидел прелесть этого снимка, хотя обычно перед объективом люди замирают, и фотография выдаёт их напряжение и некоторую манерность. Но здесь этого не случилось, женщина на портрете была естественна, как кошка или ребёнок, и голубовато-серое море гармонировало с цветом её сарафана и светло-бежевым телом скалы. Фотограф был явно неравнодушен к женщине, должно быть, нащёлкал не меньше десятка снимков и выбрал лучший. Наверное, её любовник, подумал он, и неожиданно сердце царапнуло что-то вроде ревности. А, может, это её муж, «Ста-а-сь!», которому она довольно часто позванивала... ну, в общем, это его не касается. Хотя... если написать акварелью такой портрет, можно точнее открыть спокойную прелесть её женственности. Не первой, но вечной молодости, есть такие редкие женщины. Да, хороша! Вот тут чуть сгустить голубое, а тут высветлить... Нет, эта фотография явно соперничала с живописью и всё нужное передала. И эти влажные песчинки на стопе... Молодец! – решил он по поводу неведомого фотографа. И, вдруг, поколебавшись, отложил такую же фотографию, но уже обычного формата себе в тумбочку. Стащил и спрятал.

Зазвонил мобильник. Голос докторши спросил, как дела, самочувствие, принял ли таблетки, и какая температура. Слышать её было приятно, и он с удовольствием

доложил, что всё в порядке, сейчас выпьет таблетки и будет спать. Спасибо за беспокойство – всё хорошо!

Ночью он проснулся, оттого, что снова болело всё тело и ломало суставы. Термометр показал 38,8. Да... Это с чего же вдруг?! Больше он не заснул, только чуть забывался дремотой. С нетерпением ждал прихода Дины. Да что же это такое, в самом-то деле! Наконец, услышал шелчок замка в двери. И словно сразу стало легче. Она сейчас разберётся что к чему. Он уже безраздельно доверял ей.

Дина разделась в прихожей, улыбаясь, вошла в спальню и, едва взглянув на него, почти закричала:

– Что?! Кто?! Кто здесь был вчера?

– Сеня... – робко ответил он, как нашкодивший школьник.

– Кашлял? Сопливый?!

– Да... – тихо ответил он.

– Убью! – коротко отозвалась она, – он вас заразил, у вас же иммунитет упал, ну что ж он не догадался хотя бы маску надеть. Вы же сейчас как божий одуванчик, на вас дышать нельзя без маски!

Она сердилась на Сеню, и когда тот приехал с кастрюлями, в квартиру его не пустила, и коротко отчитав за халатность, выпроводила из дома. Всё понятно – Сеня принёс ему новый вирус. И всё вспыхнуло, началось снова, капельницы с каким-то другим антибиотиком, уколы, витамины, микстуры, добавила ещё что-то сердечное. Он понял, что она почему-то тревожилась за его сердце, хотя оно его и не беспокоило. Так, чуть-чуть, иногда... Она почти перестала улыбаться, выглядела озабоченной, поила, кормила, заставляла полоскать горло, давала питьё с мёдом, с малиной, какие-то чаи с травами – всё началось сначала, но ему казалось, даже с большей интенсивностью. Температура днём не спала, к вечеру даже повысилась. И она дала жаропонижающее, которого прежде избегала. Он лежал снова мокрый от пота, слабый, беззащитный.

Алексей слышал, как она пропела в телефон своё, обычное: «Ста-а-сь!», и не ушла домой. После всех вечерних процедур погасила верхний свет, оставив ночничок. На ночь уместилась в том же большом, стоявшем рядом кресле. Он лежал без сна, был раздражён, недоволен собой, тем, что оказался таким слабаком, как ребёнок, вертелся с боку на бок. Потом попросил:

– Давайте, Дина Сергеевна, поговорим! Я хочу вас спросить...

– Спрашивайте!

– Извините, я посмотрел фотографии, которые вы вчера забыли в прихожей. Кто вас снимал, ваш муж?

– Нет, это один мой коллега, он увлекается фотографией, можно сказать, почти профессионал, всех нас фотографирует, даже выпускает в больнице фотогазету.

– Когда сделана фотография возле моря?

– Год назад, уезжали на день медротника за город.

– Он в вас влюблён, это заметно!

– Да что вы! Он моложе меня на 20 лет!

– Разница в возрасте любви не помеха.

– Но не в эту сторону. Мужчина может быть старше женщины на 20 лет, тогда это возможно.

Они замолчали. Дина про себя удивилась его пронизательности. Неужели что-то действительно можно понять по фотографии? Это было её постоянное

ощущение без вины виноватой и повод для шуток коллег. Двадцать лет назад к ним в больницу прислали студентов мединститута на практику. И вот одного из них, Юру Плетенца угораздило в неё влюбиться. Он смотрел на неё выразительными тёмными глазами, ни на секунду не отвлекаясь, слушал, о чём она говорит. Каждый год приезжал к ним на практику. А однажды, вернувшись из отпуска, она увидела его в больнице. Он окончил институт с красным дипломом, специализировался как хирург и добился направления в их больницу. Он не объяснялся ей в любви, он просто пытался ей быть полезным. При нечаянных, а иногда и намеренных встречах было заметно, как он был счастлив видеть её, говорить с ней. А однажды на каком-то коллективном застолье, подсел к ней, захмелевший, расхрабренный, и спросил:

– Дина Сергеевна, вы смотрели фильм «Синяя птица»?

– Да, я видела этот фильм!

– А вы помните эпизод, когда Хронос – Время выпускает детей родиться на свет, и там, держась за руки, стоят девочка и мальчик? Хронос взял мальчика, а девочку оставил. Они просили, чтобы он отправил их вместе, мальчик говорил, что когда родится девочка, он будет уже глубоким стариком и скоро умрёт. Это значит, что Хронос разлучает их навсегда. Расставаясь, они обещали помнить друг о друге. И, может быть, обречённые на разлуку, прожили каждый свою жизнь без настоящей любви. Мне кажется иногда, что нас с вами разлучило Время, вас выпустили родиться раньше меня...

И она не нашлась, что ему сказать, кроме банальных слов:

– Успокойтесь, Юра, это всё ваше поэтическое воображение! Вы ещё встретите свою настоящую любовь и будете счастливы!

Юрий обреченно покачал головой и отошёл от неё. Через год он женился на операционной медсестре, родился ребёнок, всё было как будто хорошо и благопристойно. Но впервые в своей жизни Дина так остро чувствовала неприязнь человека – жены этого Юры, которая смотрела на неё ненавидящим взглядом. Сейчас они с женой собрались уезжать, город терял отличного хирурга. Когда она зашла сегодня в больницу, он, увидев её, пришёл попрощаться и принёс на память пакет с её фотографиями. Попрощался, взял её руки в свои, прижал к своему лицу, поцеловал обе. И она поцеловала его в щёку, как ребёнка погладила по голове, – ведь он был на год моложе её дочери! – пожелала всего хорошего на новом месте. Да... чего только не бывает на белом свете!..

Алексей затих, и она встала посмотреть, заснул ли. Но он вдруг открыл глаза:

– Поговорите со мной, Дина Сергеевна, не молчите.

– О чём поговорить, Алексей Петрович?

– Вы с детства хотели стать врачом?

– Может и не с самого детства, но с восьмого класса точно. Когда умерли бабушка и мама. Я подумала тогда, что надо научиться по возможности спасать людей от болезни и преждевременной смерти. Вот это и делаю всю сознательную жизнь.

– А я собирался стать художником и не стал им.

Поддаваясь неясному для себя порыву, он вдруг рассказал ей о церкви. О том, что его в ней крестили, и какая она была, и как смотрелась на другой стороне пруда, отражаясь в воде, и как её разрушали, но до конца разрушить не смогли – так капитально строили в прежние времена. И на этом фундаменте, в остатках

стен построили пищеблок для детского санатория. А у него остались эскизы, он хотел написать картину, но так не написал. Он рассказал ей о своём учителе, который так рано умер.

Дина утешающе отозвалась:

– Зато вы строитель, руководитель, вот теперь у вас своё дело. Не каждому это удаётся.

– Да, я хороший рабочий муравей! Но я не сделал чего-то главного в своей жизни, чего-то особенного, чего кроме меня никто бы сделать не смог.

– Что ж, и я рабочий муравей. Без нас, муравьёв, никак нельзя! И, помолчав, добавила, – а вы бы восстановили эту церковь! Вы с таким чувством о ней говорили. Я где-то читала, что каждый человек приходит на Землю со своим поручением. Может быть, это и есть главное дело вашей жизни, ваше поручение. Иногда мне кажется, что всё в жизни заранее кем-то предопределено и распланировано. Бывают такие невероятные случайности, что иногда в это веришь.

Он замолчал, задумавшись, потом попросил:

– Расскажите что-нибудь, или почитайте вслух, пожалуйста, мне лучше, когда я слышу ваш голос.

– Никаких книг здесь нет. Давайте лучше я вам почитаю стихи, какие помню.

Он не любил стихов и не знал их. Но, вздохнув, согласился:

– Что ж, давайте, послушаю стихи... И подумал иронически: «А у нас на кухне газ. А у вас?»

Она стала читать первое, что пришло в голову, потом, вспоминая, удивлялась, почему именно это сразу пришло ей в голову, должно быть, давно уже подступило к душе. Они с мужем считали Давида Самойлова одним из первых поэтов:

Когда уже надежды нет,

И опостылел белый свет,

И невозможно жить с людьми,

О, господи, подай любви!

Он вдруг насторожился, прислушался. Он такого никогда не слышал. Сердце почему-то сжалось. Это что, стихи?! Дама сердца всё читала когда-то: «Умер вчера сероглазый король...» И он переводил всё на шутку или закрывал ей рот поцелуем. Чего зря время свидания переводить на болтовню... А тут вдруг... про него, вернее, он даже не знал, что про него. А она читала просто, так, как будто она сама это написала, тихо. В детстве учительница требовала: «Читай с выражением!» Он стеснялся, «с выражением» не получалось, и ребята в классе смеялись над ним. Он возненавидел и стихи, и «выражение». Сейчас он слушал, и что-то его задевало, тревожило, сместило, успокаивало, он задрёмывал, и снова слушал, пока, наконец, не заснул спокойно и крепко.

Она почувствовала тишину, замолчала, привстала, задержалась взглядом на лице спящего. За эти дни ей приоткрылась сущность этого делового человека, хитреца, себе на уме, волевого сильного, уверенного в себе, или так долго, так искусно играющего роль волевого и сильного, что он сам в это поверил. Как это он сказал: «Ещё нацелуемся!» Шустрый какой! Но сейчас во сне, в его лице проступило что-то беззащитное, детское, трепетное, тщательно упрятанное, может быть, от самого себя. Или это стихи приоткрыли в нём нечто, проявившееся во сне то неожиданным промельком улыбки, то лёгкой тревожной тенью, сменив-

шейся безмятежным покоем. Что-то ему снилось, то хорошее, то тревожное, о чём он, вероятно, забудет, проснувшись, наденет свою обычную маску, и лицо его снова станет чуть ироничным и холодноватым. Одно она поняла очень точно – этот человек устал. Надорвались от тяжкой долговременной ноши его душа и его тело. Вот поэтому он и заболел так свирепо. И сердце, сердце... если бы не уезжал, она бы взялась за обследование. Но в том большом известном городе, где он живёт, есть и медицинский институт, а, значит, и специализированные клиники и, конечно, опытные кардиологи и соответствующее оборудование. Она убедит его обратиться к ним, напишет для начала свои предположения. Болезнь легче предупредить. Интересно, что у него за жена? Понимает ли она его, друг ли его? Чувствуется, явно не монах, и женщины, конечно, у него были. Непросто всё в каждой жизни... И усмехнулась – да ей-то какое до этого дело! Дней через десять-двенадцать он должен выздороветь, окрепнуть, и она разрешит ему уехать.

Она коснулась ладонью его щеки и шеи, задержала пальцы на запястье руки, проверила пульс – частит. Да, небольшая температура есть. Теперь надо вылезать снова. Ах, Сеня, Сеня! Она почувствовала, что тоже очень устала. Вот тебе и отпуск! Ну, ничего, зато человека вытащит, деньги заработает, поедут летом со Стасем и Шурочкой в санаторий. К лету муж вполне будет к этому готов. Ушла в другую комнату, постелила на диване – он теперь будет спать до утра. И ей нужно вытянуться, разгрузить спину, расслабить мышцы...

Она легла и словно канула в небытие. Проснулась от счастья и волнения – её обнимал мужчина, любимый и желанный. Она ощущала своим телом его тело и приняла его в себя, она его любила, и это было так остро и так счастливо! И это был он, Алексей... Она не видела его лица, но точно знала, что это он. Проснулась. Сердце неистово колотилось. Поняла с облегчением – это сон! Но, с чего это ей приснился такой сон?! Вот уже лет пять, как у них с мужем не было таких отношений, и он вначале стыдился, переживал, пытался искать какие-то стимуляторы. Она запретила ему это, и их отношения не стали хуже. Она не испытывала никакого сожаления – всему своё время. И вдруг такой сладкий, радостный сон! Она не знала, не понимала, что в ней накапливалось желание. И вот, пожалуйста, – откуда не ждали... Впрочем, пустяки это, всё пройдёт и забудется. Но как остры, как реальны были ощущения близости!

Утром она чувствовала некоторое смущение, но справилась с ним, и снова начался день труда и борьбы, как пошутил он, желая ей доброго утра! Вечером он уже чувствовал себя лучше, и больше не было никакой необходимости оставаться здесь на ночь. И она успокоилась, усмехаясь про себя, привидится же такое. Но уже обедать с ним не садилась, разговоры вела нейтральные, хотя чувствовала, ему очень хочется её разговорить именно на личные темы. Береглась. Хотя дома, взглянув на вечернее небо, увидела серпик молодой луны и яркую звёздочку под ним. На тёмно-синем фоне неба это смотрелось, как изящная восточная золотая серёжка. Вывела на балкон мужа и Шурочку – полюбовались. И вдруг захотелось позвонить ему и сказать: «Посмотри на небо!» И потянулась было к телефону – позвонить ему. Но нет! Зачем? Она просто врач.

Она приходила, и днём они разговаривали, по очереди вспоминали какие-то события детства, студенческой юности, он к месту вспоминал нужные анекдоты, афоризмы, лёгкие, весёлые, с тонким смыслом. Забавно! Пожалуй, можно было сказать, что они подружились – её пациент уже понемногу выходил сначала поды-

шать на лоджию, потом с её разрешения из квартиры ненадолго, на полчаса! Он окреп, пошучивал над ней чуть снисходительно, видимо, праздновал свою от неё независимость. Они отделились друг от друга, вот и хорошо, думала она – «мавр сделал своё дело». Вечером, дома, накануне его отъезда, она долго писала медицинские рекомендации для реабилитации после болезни, для укрепления иммунитета. Не забыла написать совет об обращении к кардиологу. Утром пришла, накормила завтраком. Вот и всё... Она выполнила свою задачу. Позвонил Сеня, сказал, что выезжает, сейчас Алексей оденется – и в аэропорт!

* * *

Они вышли в крошечную прихожую. Дорожная сумка с его вещами уже стояла у выхода. Пора было прощаться, что-то, вероятно, надо сказать друг другу. Хотя все наставления о здоровье, лекарствах и режиме жизни она уже сказала и проследила, чтобы все листочки были положены во внутренний карман пиджака. Они стояли молча, ощущая неловкость какой-то недосказанности. В дверь позвонили.

– Это Сеня, – сказал он обречённо и внимательно посмотрел на неё, словно ждал её реакции. Она едва заметно пожала плечами. Он повернулся и открыл дверь. Сеня вбежал, оживлённый, румяный, вместе с ним ворвалась струя холодного воздуха. Увидев, что Алексей Петрович не одет, с досадой заметил:

– Лексей Петрович! Одевайся скорей! Подморозило после вчерашнего! Гололёд – быстро ехать нельзя! Одевайся, выходи! Дин Сергеевна, а вы тут соберитесь, будете уходить, захлопните дверь, а ключи я у вас потом заберу!

Остро взглянул на обоих, подхватил сумку, и ещё раз, промельком охватив, объединив их взглядом, вышел, захлопнул дверь.

Алексей вдруг шагнул к Дине, приобнял её, чуть-чуть, слегка, чему и противиться не нужно – так, благодарное, дружеское объятие. И она подалась к нему – тоже слегка обняла, что ж тут такого, они вместе пережили непростые минуты. Как-то само собой получилось, что лицом уткнулась в его плечо. И неожиданно для себя чуть прикоснулась губами к его рубашке, поцеловала в плечо. Он слегка отстранился, потом осторожно тронул губами её губы, совсем-совсем осторожно, так... лёгкое касание с неизъяснимым чувством нахлынувшей нежности. Почувствовал, что губы её раскрылись, может быть, она хотела что-то сказать, но не успела. Он вошёл в неё поцелуем, крепко обхватил руками, прижался к ней всем телом, и что-то случилось с ней, что-то произошло! Её вдруг бросило в дрожь, в озноб, потом стало горячо, жарко, страшно! Нельзя сказать, что её охватило пламя, она сама словно стала пламенем, огненным смерчем, протуберанцем. Он оторвался от её губ, притянул ладонями её голову и стал целовать её лицо, щёки, глаза, и снова губы, и она не могла, не имела сил этому противиться. В дверь снова позвонили, Дина вырвалась, метнулась в комнату. Сеня стучал в дверь, кричал:

– Лексей Петрович, опаздываем!

– Иду-иду! – отозвался Алексей, заторопился, надевая свитер, куртку, шарф, шапку, тёплые ботинки. Оглянулся невидящим взглядом, словно проверял, не забыл ли чего. Закричал:

– Дина Сергеевна! Там на тумбочке конверт для вас! Спасибо за всё! До свиданья!

Она не отозвалась. Он постоял несколько секунд, потом вышел, захлопнул дверь, пролетел лестницу, выскочил из подъезда. Дверца машины распахнулась ему навстречу:

– Давай скорее, Алексей Петрович!

Он сел в машину – покатали! Ехали сначала молча. Потом Саня спросил с усмешкой:

– Ты что, Алексей Петрович, запал что ли на докторшу?

– Не болтай ерунды – она не в моём вкусе!

– Знаю, что ты полненьких уважаешь! Хотя и она не такая уж худышка – просто кость у неё тонкая. Только я тебе скажу – тут тебе ничего не светит, не одному тебе она глянулась. Она мужа своего не просто любит – служит ему! Да и он её на руках носил. Пока вот insult не случился. Так что ты уж не тревожь нашу Диночку, знаю я тебя, какой ты бываешь, если что-то нацелил – волчара!

– Да ведь я уезжаю, Сеня, неизвестно, загляну ли когда ещё... И я уж не тот. Возраст, сам понимаешь. Она, конечно, много моложе меня...

– Да нет, Алексей Петрович, ей уж шестьдесят точно есть!

– Не может быть! Я думал, ей до пятидесяти! Хорошо выглядит!

– Ну, что ты! Это ещё её жизнь нагнула, а так любо-дорого было глянуть – полюбоваться – глаза светятся, улыбается тебе так, как будто ты для неё родня и давно не видались! Вот из-за этого некоторые и ошибались! А она просто от доброты своей каждому человеку так улыбается, мужчинам и женщинам, старикам и детям.

– Ты сам что ли на неё запал? Такие дифирамбы поёшь!

– Она дочку мою беременную вытащила из беды... запоёшь, пожалуй!

– Я помню, она у нас была какое-то время цеховым врачом. Только я никогда не болел, так, видел мельком! Не то, чтоб классическая красавица, а милота какая-то, обаяние в ней есть, это точно! Ну, что ж, Сеня, спасибо тебе за заботу! С делами договорились, держи меня в курсе!

– Не сомневайся, Алексей Петрович, всё будет в лучшем виде!

В аэропорту уже началась регистрация. Они пожали друг другу руки, похлопали по плечам – до свиданья!

Притихшая Дина, прислонившись к косяку двери, некоторое время стояла на ослабевших, непослушных ногах. Озноб и волнение постепенно уходили, но на то, чтобы собраться и уйти, не было сил. Она села на диван, потом прилегла, закрыла глаза и неожиданно заснула. Очнувшись, испугалась, что долго спала, посмотрела на часы – прошло всего полчаса, они только доехали до аэропорта. В памяти снова и снова прокручивалась сцена в прихожей – вот наваждение! Она как с ума сошла! Что ж это такое с ней произошло! То же самое, что было более сорока лет назад с Лёшей! Невероятно! Алексей Петрович тоже Лёша! Вдруг вспомнила, как приложила губами к рубашке на плече и в ужасе вскочила с кровати! Там мог остаться след от губной помады! Заявится к жене, – здарсьте, пожалуйста! – в губной помаде! Надо предупредить его! Фу, какая глупость случилась! Она нашарила в сумочке мобильник, нажала вызов.

– Да, Дина Сергеевна?! – и услышала, почувствовала, как взметнулась его радость.

– Простите меня, пожалуйста, – она залилась краской, хорошо, что никто не видит, – опасаясь, что у вас на плече остался след... губной помады. Пострадаете ни за что!

– Я сейчас посмотрю и позвоню вам.

Минут через десять раздался звонок:

– Не волнуйтесь! Всё в порядке!

Они замолчали оба, каждый надеялся, что телефон отключит другой. И вдруг он сказал дрогнувшим голосом, словно у него перехватило горло:

– Я люблю вас!

Дина растерянно молчала. Он глухо продолжал:

– Я позвоню вам... я ещё приеду!

Она испугалась и резко отключила телефон. Какие слова он говорит?! Зачем?!

Она стала собираться, растерянно, рассеянно, что-то забывала, что-то роняла.

Наконец, собралась. Увидела на тумбочке пухлый конверт с деньгами, не глядя, сунула в сумочку. Это она отдаст Шурочке. Та вела всё их хозяйство.

* * *

Пассажиры сидели в зале ожидания. По радио объявили, что вылет задерживается на час. Причину не объявили. На улице было сумрачно, неудобно. Алексей был собой недоволен. С чего это вдруг он сказал: «Я люблю вас!»? Если быть честным перед самим собой, он никогда никого не любил, по крайней мере, так, как об этом пишут в книгах. Он считал, что всё эти писатели врут, а наивные люди им верят. Но неожиданно неизъяснимое глубинное чувство его было отлито в словах, определено, словно поставлена печать. Влюбился он что ли? Не может быть! Загорелся вдруг! Эта Дина была из редких, как он считал, настоящих женщин, вспыхивающих мгновенно, жарко, зажигающих мужчину. Они противоположны весьма многим, природно физически и душевно холодным женщинам, которые даже гордятся этим, как собственной добродетелью, должно быть, это идёт ещё от постулатов христианства, от внушения греховности физической любви. «Ой, да мне этого не надо... фу!» Но цепко держат своих мужей – шаг в сторону – побег! И как выстрел – заявление в партком. Потому что так испокон веков устроена жизнь – женщине нужно надёжное гнездо для детей-птенов, надо иметь рядом с собой мужчину, тем более, если муж успешен в делах, ведь это удобно, престижно и выгодно. Любви особой не испытывая и не зная даже, что такое любовь душевная и плотская вместе, они инстинктивно подменяют её чувством собственности, не менее сильным и действенным, чем любовная страсть, пожалуй, даже более крепким и долговременным.

Его томило странное беспокойство, которое хотелось унять. Он прошёл в буфет, взял коньяка, розетку с лимоном, сел за столик у окна, за которым было зябко и сумрачно, сделал первый обжигающий глоток, как первый шаг возвращения в свой привычный мир, где всё было ясно, чётко, распределено по полочкам – работа, дом, семья: дочь, зять, внук, внучка, жена... Ну и, конечно, эта чертовка, Анжелка... И никаких сомнений в том, что чего-то в его жизни не хватает. Просто он непривычно сильно заболел, ослабел телом и духом. Вот доберётся до дома, займётся делами, забудет про эту чёртову болезнь, а вместе с ней и про эту смутившую его Дину Сергеевну как некое приложение к болезни.

Объявили посадку. Всё как обычно – неторопливый ручеёк пассажиров на трапе, дежурно улыбающиеся стюардессы, особенный запах самолётного салона, остро ощущаемый после наружного морозца, ага, вот его место; куртку, сумку наверх – сколько таких взлётов-посадок было в его жизни! Пристегнули ремни, взлетели.

Полненькая хорошенькая стюардесса, напомнившая ему Анжелку, везла тележку с напитками, тугим бедром задела его руку на подлокотнике. Ну, точно, как у Анжелки – бедро, словно надутая резиновая камера. Как там Анжелка? Ждёт ли, скучала ли? Партнёру своему звонил – дела! Альеке звонил – у неё много забот: получить заказанную мебель для коттеджа, расставлять её не разрешил, это он сделает сам. А Анжелка? Что он мог ей сказать, о чём с ней говорить? Да и не для разговоров он её держал...

ОНА

Вернувшись домой, Дина почувствовала себя спокойней. За ужином разговаривали о семейных делах, в которых муж уже принимал равноправное участие, возвращался к полноценной жизни. И Дина с Шурочкой, радостно улыбаясь, переглядывались. После ужина Дина вдруг снова почувствовала невероятную, с ног сшибающую усталость, едва раздевшись, рухнула в постель, заснула, а проснувшись, увидела, что в комнате светло – позднее утро, и она проспала часов десять, не меньше. Вышла из спальни. Шурочка и Станислав на кухне завтракали, негромко переговариваясь, чтобы её не разбудить. Она подошла, приобняла Шурочку, нагнувшись, поцеловала в щёку Станислава: сиди-сиди! Шурочка, улыбаясь, налила ей кофе, подвинула только что испечённые сырники. Положила на них ложку сметаны, спросила:

– Улетел, что ли твой подопечный?

– Улетел! – сказала она, улыбаясь, – слава Богу, всё с ним в порядке!

– Денег-то он тебе положил в полтора раза больше, чем обещал!

– Да?! Я и не посмотрела! Ну, что ж, и я с ним занималась больше, чем рассчитывала. Он же потом повторно заразился от Сени! Деньги никогда не лишние! Я эту последнюю неделю больше никуда не пойду, отдохну, выплуюсь до донышка.

Почувствовав внимательный взгляд мужа, Дина встала, обняла его сзади за плечи, прижалась щекой к щеке, чувствуя тепло и запах родного человека.

– Ну, что ты! – ласково сказала, – всё у нас хорошо, всё замечательно! Скоро ты совсем поправишься, будешь давать детям уроки! Можешь в школу пойти преподавать, там сейчас учителей не хватает, все на рынке стоят. После завтрака мы оденемся и гулять с тобой пойдём, погода такая хорошая!

– Да! – обрадовался он, – пойдём вместе погуляем! Как раньше...

– Ну, вот и славно! Пойду одеваться! Шурочка, помоги Стасю одеться, потом и сама отдохни!

Дина вошла в спальню, села за туалетный столик, внимательно посмотрела на себя в зеркало. Ей шестьдесят два года! До сих пор она комфортно чувствовала себя в своём возрасте, ничего нигде не болит и замечательно, и этого хватит! Воз своей жизни везла и не задумывалась, сколько ей лет. Внимательно и подробно рассматривала своё отражение в зеркале. Он сказал ей: «Я люблю вас!...» – что тут можно любить?! Вот гусиные лапки возле глаз. Вот слегка обозначаются носогубные складки, вот морщинки на лбу. Не так уж это заметно, но всё-таки... Правда, овал лица ещё чёткий. М-да... не двадцать пять... Она впервые с начала болезни мужа открыла баночку с дневным кремом, побрызгала лицо водой из пульверизатора, нанесла крем, потом чуть-чуть тональный, потом припудри-

лась, сосредоточилась, подкрасила ресницы. Так... теперь поправить брови. Что тут можно любить?! Губы можно чуть подкрасить, хотя как раз губы-то у неё от природы до сих пор яркие, сочные, Шурочка как-то сказала: «Как у девушки!»! Теперь причесаться – ой, стричься пора! Седые волоски на висках появились, она и не замечала! Посмотрела на себя, грустно улыбнулась своему отражению. Ну, какая есть, такая есть! Настроение было замечательным! Что-то случилось! Она знала что. Как он целовал её – до сих пор она чувствует его поцелуй, его объятие. И слова: «Я люблю вас!» А она чуть не сошла с ума! Хорошо, что он уехал. Что вообще-то случилось? Ничего особенного! Она же не изменяла мужу.

А что такое измена? Видеть сны, которые человек не контролирует, измена? Объятие и поцелуй, который её взволновал, измена? Они прожили с мужем долгую жизнь. И все эти годы она была уверена в себе и в муже, свободна, независима, спокойна. Она говорила себе: «Я люблю его!» И мужу говорила: «Я люблю тебя!» Но сердце её не давало при этом сбой, билось также ровно. Она могла перечислить все его замечательные качества, достойные любви и уважения. Её устоявшееся чувство к мужу не стало меньше, не изменилось совершенно. Это был родной человек, он был ей впору, нигде не жало и не давило. А сейчас, во время болезни, он не только её муж, он её ребёнок, которого она спасает. И всякую опасность отведёт и врага порвёт... А что она может сказать об этом человеке, Алексее Петровиче? Она вообще толком ничего о нём не знает. Тогда что её так взволновало в этом чужом человеке? Отголосок юности, накопившееся вещество страсти, о котором она даже не подозревала? Бывает ли это у каждого? Было ли это у Станислава? Они более сорока лет вместе, и она верила ему безоговорочно, и её никогда ни к кому серьёзно не тянуло. Хватило один раз так сильно обжечься. А, может быть, и с ним что-то было?

Она вдруг вспомнила, как лет десять назад, весной, у них появились новые соседи по даче. У Станислава было больше свободного времени, и он чаще её уезжал на дачу. Сказал как-то:

– У нас новые соседи – шофёр-дальнобойщик с женой и двумя детьми. Недавно в наш город приехали, своей квартиры нет. На даче в домике и живут, топят печку углём, покупают питьевую воду, – помолчал, улыбнулся своим мыслям, – хозяйка такая острая, забавная бабёнка!

В очередные выходные Дина тоже выбралась на дачу. Походила, посмотрела. И вдруг почувствовала чей-то взгляд – из-за низкого заборчика на неё с интересом смотрела милостивая, полная, румяная женщина, в ярком цветастом сарафане, пышная грудь её, не помещаясь в тесный лиф сарафана, вылезала наружу, как тесто из квашни. Встретив взгляд Дины, она затрещала, и в голосе её звучало изумление. И в лице была некая растерянность, словно она не ожидала увидеть жену соседа именно такой.

– Здравствуйте! Ой, ну надо же, какая молодая, красивая жена у Станислава Львовича! А я – Клава, ваша новая соседка!

И замолотила языком так доверительно, весело, находчиво, складно – и про себя, какая она хорошая хозяйка, и про сына, которого вытащила из компании дружков-наркоманов – сейчас, как шёлковый! И про дочку, которая умница, в институт будет поступать в этом году! И про мужа, который ездит по этим сумасшедшим опасным дорогам, и про милицию, которая останавливает и обирает

водителей, и про всяких проверяльщиков, которым сколько ни дай – всё мало. И как её вчера хотели обдурить, когда она продавала рассаду на рынке, да не на ту напали! Клава частила словами, расцветивая речь весёлым матерком, который почему-то нисколько не коробил Дину, и ядрёные, но легко произносимые словечки, казались эмоциональными акцентами, своеобразными знаками препинания устной речи, вспышками фейерверка, острыми колкими искорками бенгальского огня на её личном, Клавином, празднике жизни.

Убедившись, что Дина улыбается, что она произвела на неё нужное впечатление, Клава спохватилась – борщ же пора заправлять! И побежала в дом. А когда они уже к вечеру уезжали, Клава снова вышла из дома, что-то опять трещала, что-то советовала, приговаривая, мол, что надо будет – спрашивайте по-соседски, попросту. Станислав, улыбаясь, смотрел на Клаву, и Дина вдруг поняла – да она ему нравится, эта Клава! Как женщина – нравится! И Клава хочет ему нравиться, и понимает, что преуспела в этом, вероятно, думала, что у соседа старая, надоевшая жена-ровесница, а она-то Клава – вон какая!

В машине Дина, улыбнувшись, спросила:

– Я смотрю, приглянулась тебе соседка?!

– Напомнила она мне одну женщину, та, моложе, правда, была, но такая же...

Так же трещала, несла всякую чушь, так же матерок вставляла, а слушать её, смотреть на неё было приятно. Официанткой в офицерской столовой работала, большим успехом пользовалась!

И он улыбнулся своим воспоминаниям, своей молодости, этой девахе-официантке, у которой, Дина не сомневалась, он уж точно имел успех!

Дина больше его ни о чём не спрашивала, спрятала чувствительно кольнувшую ревность – она ведь тогда под стол пешком ходила. А он прошёл войну, был женат, и женщины у него были... Она знала, что муж любит её, ни на кого её не променяет, но мужская сущность, возможно, неожиданно для него самого, напомнила о себе. Человек, вероятно, сам себя до конца не знает, в каждом есть эта непознанная, как обратная сторона луны, тёмная часть человеческой сущности, над которой властвует плоть.

Дина не знала, что Станислав догадался о её влюблённости раньше её самой. Убеждённый атеист, побывавший недавно на грани жизни и смерти, он почувствовал свою обречённость живого существа. Он жалел всех, и в первую очередь свою Дину, зная, что и она в своё время тоже испытает и боль, и страх, и безысходность последнего одиночества, и в этом его внутреннем состоянии просто не было места такому мелкому, суетному чувству, как ревность. Жизнь была так коротка, так прекрасна! Мудрый, любящий, отступивший от бездны человек, он воспринимал свою теперешнюю жизнь как довесок, как неожиданный подарок судьбы. Дина, жена, от этой роковой черты его оттащила и держит, и будет держать, сколько хватит её сил. Она ещё была в гуще жизни, он же был отодвинут в сторонку, но его пока отпустили – ладно уж, поживи ещё! Станислав понимал, что уйдёт раньше, но жена будет с ним до конца, а кто же будет рядом с ней, когда придёт и её время? Он любил её любовью большей, чем своекорыстная мужская любовь, любил как брат, как отец, как самый близкий, родной человек, понимал, что Дина была на грани депрессии, что это в большой степени из-за его болезни и думал, усмехаясь: «Пусть девочка немножко порадуется!»

Через неделю Дина вышла на работу. Коллеги встретили её хорошо, соскучились, наверное. С ней советовались и по работе, и по жизни, ей поверяли секреты, Заведующий отделением шутливо сказал ей:

– Дина, ты случайно не влюбилась?! Глаза блестят, улыбка прежняя, настроение хорошее, мчишься на своих каблучках, как козочка. Давай, Дина, колись!

– Конечно, влюбилась! – засмеялась она.

– В кого же? Ну, скажи, что в меня!

– Не в кого, а во что! В жизнь! Всегда была влюблена в жизнь, а вот как Стась заболел, я об этом забыла. А теперь вспомнила. Отдохнула, конечно. И вспомнила, что жизнь сама по себе замечательная штука!

Действительно, она влюбилась и не знала, что теперь с этим делать? А делать ничего было не нужно. Нужно было просто этому радоваться. Жизнь её снова обрела утраченную, было, остроту ощущений. Утром она просыпалась в хорошем расположении духа, улыбаясь, вспоминала: «Я люблю вас!» Пусть это ничего не значащие слова, произнесённые под настроение, но какой они дают ей заряд! Он сказал, что позвонит, придет – вряд ли. Да и зачем, что они скажут друг другу при встрече, ерунда, конечно. Но... как хорошо вспоминать это мгновение: «Я люблю вас!» Немного понежившись под одеялом, она заставляла себя встать, делала зарядку. Тело поначалу противилось, ленилось. Но уже через неделю всё пришло в норму. После зарядки принимала контрастный душ. Какое это блаженство хлестнуть ледяной струёй воды по разгорячённому телу, и, повизгивая от удовольствия, чувствовать, как каждая клеточка твоего тела тоже трепещет и радуется. Потом каша, которую уже сварила Шурочка, овсянка или гречка, и чашка кофе! Ах, как он пахнет, этот кофе! А потом лёгкий макияж на лицо, совсем чуть-чуть; затем, смотря по погоде, куртка или дублёнка, шапка, сапоги – и на улицу, пешком до больницы не так далеко, двадцать минут быстрым шагом. Зайти в отделение, налево-направо улыбаясь, – здравствуйте, здравствуйте!

Потом надеть свой сверкающий белизной халат и пролететь в свои палаты с улыбкой: «Доброе утро!» И понять с первого взгляда, мгновенно, кто как себя чувствует, выслушать лёгкие, пощупать пульс, просто подержать за руку – больные хотят внимания и сочувствия. Ещё нужно пошутить, сказать слова одобрения. Лица больных, как подсолнухи к солнцу, тянутся к ней, улыбаясь. Она для них сейчас так много значит. Потом они вылечатся, уйдут и забудут о ней, потому что хочется скорее забыть свою болезнь, свою телесную и душевную слабость. И это нормально, это хорошо, пусть больше не болеют. Но вспомнят, если опять станет плохо им или их близким. А вот такая есть докторша, как её?.. Да, кажется, Дина... Дина Сергеевна и фамилия такая вроде польская... Это, конечно, Дина фантазирует. Потом в ординаторской пересмотреть назначения – кому-то продолжать принимать лекарство, кому-то добавить, кому-то назначить что-то новое. Коллега обратилась с просьбой проконсультировать отца. Дина действительно была хорошим диагностом, к ней обращались за консультацией коллеги, друзья. Особенно, когда назначенное другим врачом лечение не помогало, и болезнь была запущена.

Она и сама не понимала, как это у неё получается. Конечно, она многое видела сразу – шаркающую походку, отёки, бледное анемичное лицо, дрожание рук. Видно было и гипотериоз, и сердечную недостаточность. Всё это нужно было совместить, рассматривать не по отдельности, а сразу, сложить вместе: возраст,

пол, цвет лица, походку, манеру разговаривать, белки глаз, кардиограмму, печень, лёгкие, почки, давление, мочевой пузырь. Многое подсказывали анализы, нужно только уметь их сопоставить в совокупности. Она листала пачки бумажек с назначениями, видела ошибки лечащих врачей, их небрежность, торопливость, нежелание задуматься, но никогда об этом не говорила в присутствии больного. Она молча смотрела на человека и словно впадала в транс, где действовали уже её опыт, знания, и необъяснимая ею самой интуиция – вдохновение! Как будто она стояла в тёмном незнакомом лесу, и надо было найти дорогу, чтобы выйти из леса на светлую опушку, и она не знала как, и стояла, выбирая направление. И вдруг – вот оно! Сюда и только сюда! И если бы её просили объяснить пошагово, логическую цепочку её рассуждений – она бы не смогла этого объяснить. Это всегда была вспышка, озарение! Бывало, что она давала заключение не сразу, продолжала думать об этом человеке дома, но всегда находила нужный путь лечения, либо посылала пациента к другому специалисту, задавая вопрос о своих подозрениях, и очень часто по её выводам хирурги либо откладывали операцию, либо срочно клали на операционный стол. Нравилось это кому-то или не нравилось, но к ней приходилось обращаться.

После работы Дина пошла домой дальней дорогой по набережной. Зимнее море отливало тусклым свинцовым блеском. Какая радость – ещё раз увидеть закат! Солнце опускалось всё ниже – постояло огненным диском на горизонте, потом стало медленно погружаться в море – всё ниже и ниже, вот уже стоит алой юртой, вот уже огненная горбушка, вот уже уголёк на горизонте – всё! – нет больше солнца! На ещё подсвеченном его лучами небе тянутся ровные полосы тёмных, расчёсанных ветром облачных прядей – каждое в тугих колечках, и всё это похоже на пышную, аккуратно завитую и уложенную бороду древнего ассирийского царя с фотографии сохранившегося барельефа, который она видела ещё в школьном учебнике истории. Дина улыбнулась – вот ведь жила каждый день, ходила на работу, за покупками, отчаивалась, цеплялась за надежду, радовалась, сердилась, улыбалась, плакала... Но как давно, оказывается, она не видела этого просторного неба! С чего это она вдруг «воздела очи горе», как бывало, говорила дочкина няня, баба Зина?

ОН

Самолёт опоздал на два часа, но Алька встречала его в аэропорту, приехала с водителем на машине. Улыбаясь, чмокнула в щёку привычным семейным поцелуем, посетовала, мол, побледнел, похудел, ну, ничего, откормим, поправишься. Попеняла, что не разрешил ей приехать, исполнить долг – поухаживать за больным мужем. Щебетала, рассказывала новости, вот, мол, и без тебя справлялись почти три недели. Дома всё в порядке, коттедж закончили, но она бумаг не подписывала, ждала его, пусть сам как специалист всё окончательно посмотрит, хотя он и так следил за строительством. Конечно, делали свои люди, на совесть, но всё равно – доверяй, но проверяй. Заказанная им мебель уже пришла, но как он и велел, она её не только не расставляла, даже не распаковывала. Костя, внук, весь в спорте, здоровый, как лось, учится так себе, но пока ещё слушает старших. А вот внучка, Люська, от рук отбилась, никто ей не авторитет, уроки не учит, то висит на телефоне, всё звонят ей какие-то мальчишки, неловко просят баском:

«Люсю позовите!», то из компьютера не вытащишь, стали тройки проскакивать, прилежания нет, бегают с подружками куда-то да малюет свои картинки. Но усидчивости нет – раз-раз и готово! Вот такая вот, любимица твоя!

Он улыбнулся – Люська, действительно, его любимица.

Приехали домой, пришли дочь с зятем, внуки, благо жили в квартире на одной площадке. Алька хотела было эти две квартиры соединить в одну, но дочь, Анюта, воспротивилась, ревниво охраняя свою территорию, где только она была хозяйкой. А то дорогая мамочка, дай ей только волю, под одеяло к ней с мужем залезет и начнёт распоряжаться. Не раз уж мамочку приходилось осаживать – сама разберусь! Сели вместе ужинать, и ему стало так хорошо, так тепло – семья! Соскучился, наверное. Но долго за столом не сидел, почувствовав слабость, ушёл в свой домашний кабинет, где уже года два он спал на раскладном очень удобном диване, и где уже было постелено. Он действительно устал с дороги и быстро заснул.

Утром поехал в контору, как он упорно называл своё административное помещение. У всех были офисы, у него, по старой памяти, контора. Встретили его улыбками, хотелось верить, что искренними. Окружали его люди проверенные в разных сложных ситуациях, так что это тоже всё было частью его бытия. Потянулись к нему с бумагами, с докладами, с разговорами. Хоть и рулят неплохо и дочка с зятем, и Алька держит руку на пульсе, но каждый знает свою часть дела, он же объединяет всё, политику фирмы вырабатывает и корректирует только он.

Он окунулся в дела, и время понеслось вскачь. Напомнить об обеде и перерыве зашла секретарь, Галина Петровна, его правая рука, жена его школьного друга, Саньки, который, вернувшись из армии, окончил механический техникум, женился, обзавёлся детьми. Всё было достаточно благополучно, пока не началась перестройка. Санька остался без работы, растерялся, начал пить. И если бы не вернувшийся в город школьный друг Лёшка, пропал бы, наверное. Договорившись со знакомым врачом, он заставил Саньку пролечиться от алкоголизма, взял его на работу и теперь планировал сделать начальником нового цеха, оборудованного теми станками, которые отправил ему Сеня. Присмотревшись к Санькиной жене-учительнице, взял её к себе секретаршей, упорно называл помощницей, кем она и на самом деле была. Галина Петровна преподавала в школе математику, окончив специальные курсы, освоила компьютер, была умна, достаточно образована, обладала великолепной памятью, была дисциплинирована и предана своему шефу. Одевалась в соответствии с возрастом – строго и со вкусом. В солидной фирме – солидный секретарь, но не синий чулок. Он старался окружать себя верными людьми, и пока ему в этом везло.

Надо бы позвонить Анжелке, заждалась, наверное, а, впрочем, это неизвестно, может, рада была, что уехал старый любовник, молодого завела. А, может, ждёт; деньги, что он ей даёт, наверняка, все размотала. Но горечи от этого он не чувствовал. Ерунда всё это! Звонить всё как-то было некогда, потом, потом... окрепнуть надо после болезни.

Анжелку он увидел впервые года два назад, когда случайно зашёл к своему начальнику по кадрам. Фирма набирала людей в своё новое кафе. Молодая девушка, румяная, сочная, аппетитная, ну, просто ягода-малина – глаз не отвести, претендовала на должность буфетчицы. Девчонка приехала в большой город из посёлка, и видно было, как ей хотелось эту работу получить. Перекинувшись словами с кадровиком, он задержался, засмотревшись на девушку – казалось, ткни в неё

пальцем и алый сок из неё брызнет. На работу её взяли, кафе открыли, он несколько раз заходил туда и, встречая её зовущий взгляд, каждый раз почти смущался. Всё было понятно, и однажды он не устоял, предложил ей встретиться. Встретились. Он купил однокомнатную квартиру, её отремонтировали, обставили, и он поселил туда эту ягоду-малину. Чем-то она напоминала ему молодую Альку, красивее той, конечно, была, и сейчас он уже не был таким наивным, не обольщался, что Анжелка его любит. Со временем задумывался, а действительно ли любила его Алька, или просто наметила себе цель жизни – семья и достаток, стремилась её достичь, искренне считая любовью это своё острое чувство гнездованья.

Вечером Алька подступила к нему:

– Лёша, я две картины купила в новый дом. Ты велел мне ничего не покупать, но я думаю тебе должно понравиться, не зря же ты меня по музеям водил!

– Какие картины? – спросил он

– Знаешь, небольшие... одна такая продолговатая, а другая почти квадратная... пойдём, покажу.

Она вошли в спальню, где лицом к стене стояли картины. Она повернула одну, продолговатую. Берёзовая роща... бесприоритетный сюжет. И какой же русский не любит берёзовую рощу!

– На набережной купила?

– Да. Как ты догадался? Мне, Лёша, эта картина напомнила наш березняк за деревней... Грибов там было! За полчаса полное лукошко! Может, не все и померли благодаря подберёзовикам – и варили, и жарили, и на зиму сушили...

Художник, конечно, писал по фотографии, теперь многие так делают, не заморачиваются с эскизами, но видно, что старался. Всё на месте, всё как положено в солнечный летний день в берёзовой роще. Упоминание же о её военном детстве, о детдоме, о голоде его укрощало моментально. Не признаваясь в этом никому, он чувствовал себя без вины виноватым за своё спокойное сытое детство. Они жили с матерью в городе, до которого не дошла война, отец был значительным строительным начальником на Урале, посылал им с матерью свой офицерский аттестат и передавал продуктовые посылки. Похоже, всё-таки хитрая Алька распознала эту его слабость и при случае ею пользовалась.

– Ну, что ж, если она тебе так нравится, повесь её у себя в спальне. Будешь утром просыпаться и смотреть на неё. Показывай вторую, почти квадратную, – усмехнулся он.

– Она взяла картину и жестом фокусника перевернула её. Он обомлел – на него смотрела девушка с жемчужной серёжкой с картины Вермеера. Это был мастерски исполненный китайский пост известной картины. Даже не надо и подделывать, всё очень тонко – один в один, но не заметно на полотне временных трещинок – фотошоп поработал. Только и смог вымолвить:

– Ты с ума что ли сошла, Алевтина Яковлевна?!

– Да почему же, почему, Лёша?! Я же запомнила, тогда, в Голландии, ты так на неё в этом музее любовался! То подходил, то отходил и улыбался. Я удивилась, ничего особенного, лицо самое обыкновенное. Ты даже на этих голых Венер никогда так не смотрел. Я хотела тебе приятное сделать!

Действительно, он помнил, эта работа поразила его, прежде всего тем, что девушка с картины до боли напомнила ему ту девочку из парка, Катю. Она так же

с интересом и доверием посмотрела на него, когда он подошёл, так же по-детски и рот был чуть полуоткрыт. Серёжки, конечно, у Кати не было, но черты лица похожи, и та же юность, невинность, чистота. Понятно было, что художник любовался её сияющим лицом, так празднично на голове сочетание синего тюрбана с жёлтой полосой ткани, так бережно выписаны мягкие складки на тюрбане. И эта жемчужина в ушке... Он смотрел на этот китайский пост и представлял себе, как из-под станка выходят десятки, сотни, тысячи этих девушек с серёжкой. Скоро пожалуй, исчезнет смысл работы художников. Останутся только дизайнеры. Он видел, у Альки, как всегда при необходимости, навернулись слёзы, дала понять, что она огорчена, обижена даже, и в который уж раз его охватило чувство жалости и вины перед ней, ведь старалась же его порадовать!

– Аля! Спасибо тебе, ты хотела сделать мне приятное, я верю. Спасибо, правда! Я её повешу у себя в кабинете. Но, Аля, ведь это даже не подделка, это как репродукция из «Огонька»! Ну, по крайней мере, честно...

– Да ты посмотри, как похожа, ну точь в точь! В музее была какая-то туманная, а эта, посмотри – сияет! И даже если подделка, ну объясни мне, если другой художник написал такую же картину, ну тютелька в тютельку повторил, так что рядом поставишь и не различишь, почему она не ценится так же дорого, хоть убей меня, я не понимаю. Объясни, почему?!!

– А ты представь, что кто-то самым старательным образом переписал «Войну и мир» Толстого. Долго переписывал, старательно, корпел год или два, чтобы все слова переписать. И понёс рукопись в издательство. Как ты думаешь, он может считаться автором?

– Ну, это же совсем другое дело!

– Да то же самое! Художник мысли свои, настроение хотел выразить, краски, оттенки подбирал, трепетал, отчаивался и радовался, душу вложил, а кто-то пытается именно душу его украсть!

– Ну, я не знаю... – засомневалась Алька.

Да, пожалуй, её было легче убить, чем объяснить. Они ездили вместе сначала в Москву и Ленинград, ходили и в Третьяковку, и в Эрмитаж. Он старался ей что-то объяснить, заинтересовать. И не смог. Эта по-своему неглупая, сильная, хитрая, жизнестойкая женщина абсолютно не воспринимала живопись, ей было скучно. Заинтересовывали иногда сюжетные картины как иллюстрации к его рассказу или к лекции экскурсовода. Но никогда не трогали. Её, по большому счёту, ничего не трогало кроме её собственной жизни. Возможно, это свойственно любому человеку, но кто-то вводит в свою жизнь полмира, который ему интересен, а кто-то чувствует себя комфортно в самых минимальных, либо узкоспециальных пределах. Он как-то обратил внимание, что жена никогда не подавала нищим. Говорила, мол, придуриваются, обманывают они все! Работать надо, а не милостынно просить! Несколько лет назад они ездили в Париж, потом проехали в Гаагу – посмотреть «голландцев». Она ходила за ним по Лувру, потому что боялась потеряться, канючила, что устала, просилась присесть. На следующий день отказалась идти с ним и пошла по ближайшим магазинам. Очень нравилось ей слово и дело – «шопинг».

Он ходил по залам один и радовался этому. Ему не мешали толпы туристов. Он был наедине с работами художников, о которых только слышал, даже репродукций видеть не доводилось. Он смотрел с интересом, иногда оставался спокоен, равно-

душен даже, но некоторые работы, не обязательно знаменитые, «засмотренные», а вдруг портрет, или пейзаж малоизвестного для него художника вызывали у него тоскливое внутреннее беспокойство, что-то сродни ревности. Он понимал, как это сделано, и что чувствовал художник, словно получал адресованное лишь ему тайное послание. В знаменитых картинных галереях он не просто смотрел, он вникал в жанровые сценки, рассматривал мужчин и женщин, живших когда-то на земле, ощущал вкус прежней жизни, её плоть и дух, рассматривал одежду, руки, лица. Вокруг него словно кружился хоровод прошлого – скудные завтраки и пиры, богачи и бедняки, красавицы и старухи, костюмы, ткани, оружие, музыкальные инструменты – сочная живая прошлая жизнь, которую не опишешь словами. Библейские сюжеты и сценки обыденной жизни, цветы, фрукты, корзины, мебель, свечи, птицы в клетках – всё это подтверждало достоверность прошлого бытия, представало свидетельством Времени. Вот тогда он впервые почувствовал, что у него есть сердце – так оно билось, сбивалось и замирало. Он посидел на стуле, отдохнул – прошло. И ещё прорезалось странное чувство вины, словно он кому-то что-то обещал и не выполнил обещания. У него никогда не хватало сил жить, как хочется, он всегда жил, как надо. И эти «хочется» и «надо» у него совпадали нечасто.

Вскоре после возвращения из Парижа в квартире зазвонил телефон. «Аллё-ё-у! – как всегда отвечала Алька важно, с примурлыкиванием, как сытая кошка. Она научилась так отвечать, когда поселилась в их родительской квартире. Видимо, сам факт, что вот она, Алька Бабакина, девчонка из деревни, сирота и детдомовка, поднялась так высоко, что живёт в квартире, в которой есть телефон, приводил её в состояние невыразимой эйфории. И он, и его родители это понимали и не могли сдерживать улыбки от этого её торжественного возгласа. Но привычка закрепилась, и она всегда так отвечала, хотя и телефон уже был ей не в новинку, и он уже не улыбался – это давно его раздражало. Звонила подруга, расспрашивала о поездке. Алька с упоением рассказывала о магазинах, о кафе, об артистах и посетителях Мулен Руж, о флаконах духов, которые привезла, в том числе и для подруги в подарок. Эта подруга была, как считала Алька, много ниже её по статусу, во всяком случае, в Париже ещё не была и вряд ли скоро там будет. И Алька разговаривала с ней снисходительно. Не в силах слушать этот трёп, он вышел и вернулся, наверное, через полчаса, захватив конец разговора. Видимо собеседница спросила, была ли Алька в Лувре, и как он ей показался. На что Алька ответила с гордостью: «Наш Эрмитаж покруче Лувра будет, а вообще-то я там чуть без ног не осталась, так устала, так устала! Представляешь, они там столько понарисовали, а ты ходи, смотри... Ужас!»

Тогда он только развеселился, а сейчас подумал, что миллионы людей живут, и кто-то не чувствует музыки, кто-то поэзии, живописи, или же каждому это дано в разной степени, и ничего особенного, живут, и вполне достойные люди. У каждого свой порог восприятия, свои таланты и предпочтения! Но зачем так случилось, что рядом с ним всю жизнь именно такой человек!? Как говорила когда-то бабушка: «Что тут поделаешь – швейная машинка не танцует...» Сам виноват! Он вот не чувствует поэзии, в тяжкую ночь возврата болезни докторша читала стихи, а он даже ничего не запомнил. Приехал, закутился с делами. Казалось, не вспоминал свою болезнь, а вместе с ней и эту женщину. Но мягко так толкнулось в сердце: «Дина!..» И вдруг откуда-то вспомнилось строчка, зазвучала

чала, ударила: «Я разменял на медные монеты золотые слитки младости моей». И голос её вспомнил... Это ещё что за стихи такие, кто это написал? Надо спросить у секретаря, Галины Петровны, Гали. Он порылся в дорожном портфеле, нашёл в боковом отделении конверт с фотографией, вытащил. Вот она, сидит на камне, на берегу моря, не позирует, просто так сидит, отдыхает, эта, ни на кого не похожая, прелестная женщина! Следующий свой деловой день он начал с неофициального вопроса секретарю:

– Галя, ты знаешь такие стихи: «Я разменял на медные монеты золотые слитки младости моей»? Вроде бы ты любительница стихов.

– Не знаю, Лёша! Слова-то какие – мороз по коже... Но я посмотрю в интернете...

– Посмотри, Галя, пожалуйста, в свободную минутку. А сейчас найди мне наш договор с этим быткомбинатом...

Началась круговерть трудового дня. В конце дня Галина Петровна подала ему листочек с распечатанным стихотворением. Автор – испанский поэт Антонио Мачадо, сборник «Мирские песни». Вон, оказывается, какая ты, Дина Сергеевна! Он прочитал стихи с волнением, выделив и перечитав несколько раз первую и последнюю строфу:

Теперь я нищ. Вчера я был поэтом.

Напрасно я ропщу в тиши ночей,

я разменял на медные монеты

золотые слитки младости моей...

Это было про него, это он разменял по глупости золото своей молодости, которая: «Как лёгкий призрак, по судьбе моей она прошла». Дина-Дина-Дина! Если бы у него была такая жена! Но другой такой нет. Если бы Дина была рядом с ним... Ни о ком прежде он так не думал. У него тогда вырвалось: «Я люблю вас!» Он испугался этих слов, пытался стереть в памяти дни, проведённые с ней. Не стирается, не забывается. Что там она ещё читала?.. Ему казалось, что стихи, эти произнесённые ею слова, какой-то мостик к ней, ключик, разгадка – что она за человек! А как он её целовал, как она вдруг отозвалась! Видно, сама не ожидала, он понял, что испугалась. Ах, Дина! Какое редкое, красивое имя – Дина! Ночью он проснулся и вспомнил вдруг, и сердце сжалось: «О, Господи, подай любви!» Да, она это читала самым первым...

В перерыве Галина Петровна, улыбаясь, подала распечатку, спросила:

– Где ты слышал эти стихи?

– Я очень плохо себя чувствовал, Галя, и женщина-врач, которая лечила меня, однажды читала мне на ночь стихи вместо колыбельной. Я думал, что забыл, оказывается, что-то помню. Как будто всё про меня. А ведь я стихов не любил и не знал их.

– Лёша, мне нравится эта женщина... Вспоминай ещё. А эти стихи я помню, их написал наш замечательный поэт, Давид Самойлов.

– Кто это?

– Да помнишь, наверное, хотя бы его знаменитые строчки: «Война гуляет по России, а мы такие молодые...»

– Вот как... Это я слышал!..

Когда она вышла, он стал читать. Четыре строфы. И первая, которая даже тогда, в его состоянии поразила, запала в душу. Он много чего знал про людей,

и про себя. Изверился. Устал. И работа его ему опостылела, и разочаровался во многом, и не находил ни в чём настоящей радости. Внутри пустота. Живёт он по инерции, всё чего-то расширяет свой бизнес, словно это его биологическая потребность. А душевная? Ведь это он тоже готов молить:

Когда уже надежды нет,
И опостылел белый свет,
И невозможно жить с людьми,
О Господи, подай любви!

Он вспоминал ещё, и Гале эти строчки были иногда знакомы, чему она радовалась, распечатывала, приносила ему, и бывшие на слуху имена – Гумилёв, Бродский, Цветаева приблизились, наполнились особым смыслом. Он тоже так чувствовал, но сказали об этом они. Соглашался: «Прекрасно в нас влюблённое вино», улыбался: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря...» Это уж точно! И с Цветаевой согласился: «Не надо людям с людьми на земле бороться». Оказывается, он не так уж безнадежен, и прочитанные Диной строки не оставили его равнодушным. Галя приносила ему сборники стихов с закладками, листки с распечатками, он складывал их в ящик стола. Читать было некогда, конец года, проблема на проблему налезает. Потом, когда-нибудь, непременно. Главное – открылось что-то. Он словно приблизился к ней, к этой женщине, к Дине...

Казалось, этот рубеж не придёт никогда – двухтысячный год! Это ещё так далеко! А вот уже он наступает через несколько дней! 31 декабря он извёлся – позвонить ли ей, поздравить с Новым годом? Позвонить – не позвонить? Чего уж тут особенного? Позвонить, поздравить, спросить, как здоровье, как дела. Она спросит, как его здоровье. И что? Потом всё то же самое... зачем? Всё прошло. А что не прошло – пройдёт со временем. Надо только потерпеть. Подождать... Он никак не мог разобраться, почему Дина не уходит из памяти. Что в ней такого особенного? Нет, он не будет звонить. Но к вечеру всё-таки позвонил. Там, далеко-далеко прозвучали немилосердно долгие гудки. Наконец, взяли трубку. И она сказала мягко, доброжелательно, как всегда, и чувствовалась её милая улыбка, с которой она произнесла эти слова: «Да?...Слушаю вас...» Он молчал, не в силах вымолвить ни слова. Она повторила: «Я вас слушаю, говорите...» Он молчал. «Вы, наверное, ошиблись номером? Это бывает, наберите ещё раз...» Помолчала, послушала тишину, потом сказала: «С Новым годом!» и положила трубку. Подумать только, он, взрослый мужчина, не смог вымолвить ни слова! Он не знал, что она догадалась – звонит именно он. Дина ждала этого звонка и некоторое время стояла возле умолкнувшего телефона на ослабевших ногах, с бьющимся сердцем и смешанным чувством радости, вины и печали... Уговаривала себя: «Нет, это не он, просто кто-то ошибся...»

* * *

Вечер был свободен, но идти домой не хотелось. Алексей зашёл в ближайшее кафе, заказал коньяк. Сел за дальний столик. Сейчас передохнёт, выпьет и домой. У него выпадали редкие минуты одиночества, когда он мог подумать о Дине, и это время он стал ценить как некое виртуальное свидание с ней. Вспоминал с волнением, как она заходила, раздуряившаяся с морозца, ладненькая такая, в

короткой дублёночке, в брючках, меховая шапочка на голове. И в такие минуты он позволял себе даже помечтать о будущей встрече. Когда она успела так прорасти в нём?!.. Острое внутреннее томление требовало выхода, какого-то действия, яркого, особенного, радостного, казалось, в его жизни вот-вот случится что-то важное и нужное. С досадой вдруг увидел, что к его столику подходит знакомый деловой человек, года четыре как возникший в жизни города, но имевший здесь теперь, казалось, необъяснимую власть. Николай Павлович Дьяконов... Работал раньше вроде бы на каком-то небольшом местном механическом заводе начальником производства. Головастый, говорили, мужик, но упорно не вступал в партию, потому высоко и не поднялся. Куда-то с началом перестройки пропал, потом вернулся в родной город, и на чём взлетел так высоко, Алексею было непонятно. Ходили слухи, что он в учредителях самого крупного банка, и химкомбинат вроде бы ему принадлежит, и с областной властью ладит, и с кем повыше. Его побаивались и считались с ним.

– Можно посидеть с вами за компанию, Алексей Петрович?

Такому человеку не откажешь, как бы себе дороже не вышло, надо быть настороже.

– Конечно, Николай Павлович, присаживайтесь!

Лет Дьяконову было тоже около шестидесяти. Он был уже слегка навеселе, но заказал ещё хорошей водки, холодную закуску. Официант отошёл, и Дьяконов вдруг спросил:

– Как дела-то Алексей Петрович? Как настроение?

– Ничего, живём, работаем помаленьку. И настроение вроде бы нормальное, – сказал правду о том, что сверху. А то, что в глубине – никому не скажешь.

– А я устал! Надоело мне всё! Ничего не хочу, всё у меня есть, а словно ничего нету. И жить уже неинтересно...

Алексей удивился, что собеседник высказался так откровенно, захмелел, должно быть. Смотрел на него, крепкого, умного мужика, ровесника, удачливого человека, хозяина по природе своей, вспомнил слухи, что ещё в молодости он разошёлся с женой, она увлеклась другим мужчиной и уехала от него с дочерью. Больше уж семьёй он не обзаводился, хотя говорили, что есть у него от какой-то женщины сын, учится в Англии. Вдруг неожиданно для себя, коньяк, что ли ему в голову ударил, сказал:

– Влюбиться вам надо, Николай Павлович! Влюбиться в хорошую женщину! И жизнь покажется вам гораздо интересней!

– О чём вы говорите, Алексей Петрович!.. В хорошую женщину! Да где они, эти хорошие женщины?! Позвоню, вызову, пришла красотка, разделась... туда-сюда...быстро-быстро... оделась, заплатил – пошла вон! А вы говорите, влюбиться. В кого?!

– Ну, тогда нужно найти такое дело, чтоб пела душа!

– Смеётесь вы что ли?! Какая душа?! Нет у меня никакой души! Вот тут что-то тяжело, – постучал он по груди.

– Сердце что ли пошаливает?

– Да проверялся, всё, говорят, в порядке!

– Ну, тогда точно, душа и болит!

– Вот когда напьюсь, вроде легчает. Брошу я всё к чёртовой матери, уйду в глухой лес, буду жить один в избушке, охотиться, собаку свою только и возьму!.. Все вокруг сволочи, всем от меня только деньги и нужны!

Алексея вдруг опять что-то толкнуло, он проговорил тихо, словно про себя:

Когда уже надежды нет,
И опостылел белый свет,
И невозможно жить с людьми,
О Господи, подай любви!

Дьяконов посмотрел на него как-то растерянно, спросил:

– Что такое вы сказали, откуда это?

Алексей вытащил из кармана листочек со стихами, передал его собеседнику. Рисковал, конечно, быть осмеянным, но порыв такой был, захмелел он всё-таки, должно быть. Удивившись, тот взял листок, надел очки, про себя прочитал стихи, помолчал, как-то недоверчиво покачал головой, положил листочек рядом. Не осмеял. И Алексей опять неожиданно для себя сказал то, о чём вроде бы конкретно и не думал, но что исподволь, зрело в нём, отпугивая необычностью замысла, отсутствием сил, средств, но главное – понимания.

– Николай Павлович, дело одно есть, очень даже душевное, мне одному не потянуть.

– Какое ещё дело? – прищурился тот.

– Вы ведь здешний?

– Это точно! Коренной! Дела свои начинал в Москве, но сюда вернулся. Потянуло на родину...

– Помните церковь в загородном парке, в бывшем барском имении? Её собирались снести, да не смогли стены порушить, взрывать было нужно, так и не собрались снести совсем. И в этих стенах, на этом фундаменте построили одноэтажное здание – пищеблок санатория.

– Конечно, помню я эту церковь. Мы там с пацанами всё облазили. Интересно было! И чего эти коммуняки её разрушили, не мешала никому, кухню можно было пристроить и с другого конца санатория, поближе, удобнее было бы. И вдруг вскинулся, умница, с полуслова всё понял, – уж не восстановить ли её хотите?

– Давно подумываю, да силёнок маловато! И хлопот много, разрешение надо получить, кто-то там уже детский санаторий собрался захватить и под гостиницу приспособить! А церковь стояла, в пруду отражалась – красота! Да и пруд зарос, скукожился, одни лягушки там. Надо бы почистить, расширить, рыбок запустить, лодочную станцию устроить. Да и детский санаторий отремонтировать надо, всё в порядок привести!

Он сам не понял, почему заговорил именно с этим человеком, должно быть, выпил лишнего, да, наверное, давняя история с церковью занозой сидела в нём почти всю жизнь. Николай Павлович неожиданно взъерепенился:

– А вот, фиг вам! Ишь ты, приспособить! Худо-бедно всё как-то держался санаторий на плаву, я и сам им деньги переводил, а теперь, видишь, кому-то место понадобилось! Там моя дочь когда-то лечилась. Обошлось...

– Коммуняки что ли её вылечили?

Собеседник взглянул на него остро, трезво, захохотал, неожиданно перешёл на ты, и Алексей принял это как знак особого личного расположения собеседника:

– Поддел ты меня, Алексей Петрович, ну, поддел! – и хмельно закручинился, – много было глупостей у той власти, не понимали, что пора уже свою дурь менять на здравый смысл. А, может, и понимали, да не сумели развернуться потихоньку,

помаленьку, чтоб страну не опрокинуть, махину этакую! Ведь, опрокинули! Может, кому-то и нужно было страну завалить, и на том руки погреть! Никак теперь с головы на ноги не встанем! Всё порушено – и плохое, и хорошее! Россия! – одно слово, – гуляй, Вася! А, давай-ка Алексей Петрович, созвонимся завтра к вечеру, я узнаю, у кого это руки к детскому санаторию тянутся! А можно ли церковь-то восстановить как раньше? Ведь какая красота была, хоть уже и развалюхой я её помню! Уж так она там к месту стояла!

– Можно, Николай Павлович! Мне ещё отец рассказывал, что нашлись документы дворянской семьи Комаровских, в том числе чертежи церкви и барского дома и хранятся они в городском архиве. Да и у меня где-то дома есть эскизы этой церкви. Моя мать их сохранила. Я всё хотел картину написать, – и опять неожиданно для себя, – что это такое с ним сегодня творится?! – добавил, – я ведь собирался художником стать, Николай Павлович, да вот не случилось!

Тот внимательно посмотрел ему в лицо:

– Не случилось, говоришь? Сожалеешь, значит. Да... Человек может делать деньги, но деньги не могут сделать человека! Я сегодня ещё кой чего понял про тебя, Алексей Петрович. Слух о тебе идёт, что своих людей в беде не бросаешь и на любую выгоду не клюёшь. Хоть на тебя кое-кто и обижается, мол, заигрываешь с работниками, хорошим хочешь показаться... А художником, может, ещё и станешь, какие наши годы! Эх, затравил ты меня этой церковью! Давай, выпьем!

Он разлил водку, чокнулись, друг другу в глаза поглядели, одним глотком выпили, закусили. Алексей не ожидал, что Николай Павлович Дьяконов, которого он всегда немного опасливо сторонился, вдруг сам пошёл ему навстречу. И разговор случился такой неожиданный. Ну, посмотрим, посмотрим...

Дома он достал с антресолей огромный фибровый отцовский чемодан, с окованными металлом уголками. Теперь уж таких чемоданов больше не делают! Резко щёлкнули, открываясь, никелированные замки. Сверху лежали какие-то тетради, бумаги, фотографии, письма. Но под ними, почти половина чемодана была заполнена его альбомами с рисунками – и первыми, детскими, которых он не помнил, и студийными, школьных лет, и эскизами, когда они с учителем ходили, как он говорил – на пленэр, и блокноты, альбомы, когда он уже без учителя, как одержимый, ходил по улицам и делал бесконечные зарисовки. Сейчас он видел, что это было сделано совсем неплохо! Он пробивался и пробивался... к себе! И не пробился... А где же эти два эскиза с церковью? Он, было, испугался, что их нет, но они лежали в отдельном большом плотном пакете, переложенные белой бумагой. Сердце его колотилось. Мама... мамочка сберегла всё, чувствовала себя виноватой, что так у него сложилась жизнь. Ты не виновата, мама, я сам распорядился своей жизнью – разменял её на медные монеты. Он вынул пакет с эскизами, закрыл и убрал чемодан на место. Развернул бумагу, поставил эскизы на стол.

Душа заволновалась, застонала, заломило сердце. Память вернула его в ту обжигающую воспоминаниями временную точку, когда в растерянности он не знал, как быть с новостью, которую ему сообщила Алька. Хотелось тогда, чтобы всё случившееся обернулось страшным сном, и судьба его могла бы ещё повернуться по-другому. Вспомнилась чистая тихая девочка Катя, которая рисовала эту церковь, в её наивной работе был отсвет детской души. Его эскизы сделаны

месяца на два позднее. На одном из них тёмная туча, закрывшая солнце над проваленным с одного края куполом и свинцово-серым прудом – боль, безысходность, отчаяние обречённой на уничтожение церкви, но в этих ветвях плакучих ив, вздыбленных порывом ветра, чувствуется сопротивление неизбежному. Ведь он тогда уже знал, что церковь скоро снесут, понимал, что и его жизнь пойдёт совсем по-другому, но на что-то ещё надеялся. На чудо, должно быть. На втором же эскизе сквозь поредевшее облако просеялись редкие лучи осеннего солнца осветившие и церковь, и пруд, – как благословение на смирение перед судьбой, и ветви ивы тихо склонились до самой воды. Свою собственную безысходность, смятение, свою боль и своё смирение увидел он в этих эскизах. Да... в каждую свою работу, хочет он этого или не хочет, художник вкладывает себя. И подумал – а ведь из меня могло получиться что-то толковое...

* * *

На следующий день, к вечеру, как и обещал, ему позвонил Николай Павлович, и в голосе его слышалось нескрываемое торжество:

– Алексей Петрович! Мы вовремя успели! Это дело с прихватизацией санатория я притормозил! Давай-ка завтра по горячим следам сходим в городской архив!

Алексей тоже загорелся – непременно надо сначала в архив! И в голове уже прокручивался план, как это всё организовать, как он сам будет курировать строительство, и в воображении уже видел эту сияющую золотыми куполами церковь. Он не был верующим человеком, этому надо учить с детства, а в семье такого убеждённого атеиста, как отец, о религии, о Боге даже заговорить было невозможно. Верующей была бабушка, мать отца, но она не пыталась приобщить внука к религии, не решаясь пойти против воли строгого сына. Но сама жила чисто, по-христиански, без зависти и злословия. На Пасху пекла куличи, святить их в церкви сын ей не разрешал, но с куличами пил чай, улыбаясь, должно быть, они напоминали ему детство. Много позднее, когда бабушки уже не было в живых, Алексей узнал от матери, что та, его, своего годовалого внука, тайно окрестила в этой, расположенной на окраине города, церкви. Тогда она была ещё действующей, но вскоре её закрыли и сделали там какой-то склад. Она призналась в этом своей невестке, и обе молча хранили тайну. Он не мог точно сам себе сказать, почему ему так хотелось восстановить эту церковь, может быть, это было безотчётное желание что-то вернуть, чувство необъяснимого личного долга.

В первой половине дня они встретились с Николаем Павловичем, который вдруг к удивлению и радости Алексея тоже вдохновился предстоящими хлопотами, и поехали в городской архив. Соблюдая субординацию, зашли к заведующей архивом, которой уже позвонили из городского отдела культуры. Строгая чиновница внимательно их выслушала, но, оказалось, что дама приступила к работе совсем недавно, её перевели сюда из гороно. И она была, что называется, «не в курсе и не в теме». Заикнулась было, мол, приходите через неделю, мы посмотрим, подготовим. Но Николай Павлович спросил властно и уверенно, кто может быть в курсе и в теме? Оказывается, бывшая заведующая три месяца как ушла на пенсию, но оба они поняли, что, вероятно, её «ушли», чтобы эту строгую даму и пристроить к делу, которого она не знает. Да, чего там, подумаешь, архив – старые бумажки! Но адрес бывшей заведующей им дали.

Прежняя заведующая встретила их у себя дома доброжелательно, внимательно выслушала и, не заглядывая ни в какие журналы, сказала, что архив Комаровских уже лет десять как передан в областной краеведческий музей. А поможет им старший научный сотрудник Екатерина Степановна Лаврентьева, которая всё знает, всё помнит, удивительная, замечательная женщина, сама как человек – музейная редкость, передавайте ей от меня большой привет, и пусть заходит в гости! С тем и поехали в музей.

Через полчаса директор музея, тоже получивший разъясняющий и указующий звонок из высших инстанций, любезно принял их в своём кабинете и тут же вызвал сотрудницу. Строгая и сдержанная Екатерина Степановна, молодая симпатичная женщина, возрастом, пожалуй, около пятидесяти, встретила их вначале чуть настороженно, но едва они произнесли имя экс-заведующей архивом, глаза её потеплели, а когда они рассказали ей о цели своего прихода, вдруг вспыхнула, залилась румянцем, словно на глазах помолодела, закивала головой:

– Да-да, непременно вам помогу... такое дело... нужное, святое дело... конечно, конечно! Архив Комаровских хранится у нас. Дайте мне время до завтра, сегодня заканчиваю отчёт, а завтра приходите часов в одиннадцать, я всё вам подготовлю, и покажу, и расскажу, и помогу, чем смогу.

Они оба вышли из музея, улыбаясь, славная какая, эта Екатерина Степановна! Настроение повысилось, они снова зашли в то же кафе, выпили по стопочке, – совсем чуть-чуть, просто так, за удачу! – и расстались в хорошем настроении. Николая Павловича было не узнать, он пребывал в отличном настроении – энергия была в нём ключом.

* * *

На следующий день, в назначенное время они одновременно подъехали к входу в музей, обозначенному двумя старинными пушками и, пожав друг другу руки, улыбнулись и оценили это совпадение – каждый из них не терпел ни своих, ни чужих опозданий. Екатерина Степановна встретила их с нескрываемым радостным волнением и повела по каким-то переходам и лестницам музея вглубь старинного здания, в запасники, в архив. В маленькой уютной комнатке, как оказалось, кабинетике самой Екатерины Степановны, стояли две большие коробки с бумагами.

– Вот... – сказала она, явно волнуясь, – присаживайтесь. Десять лет назад, когда нам передали архив Комаровских, я сверяла эти документы, потом работала с ними, когда писала диссертацию, но сейчас ещё не открывала коробки. Будем смотреть вместе!

Когда они уселись, прежде чем открыть первую коробку, она вдруг поставила на стол небольшую картину, и из сумрачной зимней комнаты они словно заглянули в летний день, увидев в нём пруд, окаймлённый роскошными деревьями, и церковь на другой стороне пруда отражалась в воде, одинокая, полуразрушенная, но по разным причинам очень для каждого из них значительная. Алексей про себя тихо ахнул и внимательно посмотрел на Екатерину Степановну. Да, это была Катя, та девочка, с которой они вместе рисовали эту картину. Как же он её сразу-то не узнал! Николай Павлович воскликнул:

– Да! Точно! Всё так и было! Как красиво! Кто это рисовал?!

– Я... немножко, мне было тринадцать лет. И ещё один студент, Лёша, он был очень талантливый. Всё главное здесь написал он своей рукой. У меня бы так не получилось. Я потом пыталась повторить – нет, не получилось! А церковь скоро перестроили. И я перестала туда ходить.

Алексей неторопливо расстегнул портфель, достал свои эскизы и молча поставил рядом. Тут настала очередь изумляться Екатерине Степановне. Она взглянула на эскизы, затем на Алексея и как-то растерянно произнесла:

– Лёша... Алексей... Петрович, это вы?! Я вас не узнала! Значит, вы туда приходили, осенью. Я вас как-то с женой на улице видела после этого, один раз в жизни, и всё.

– А это вы, Катюша?! Я тоже вас сразу не узнал. Значит, вы тоже не стали художницей?! Как жизнь – то вообще сложилась?

– Да, что вы, Алексей Петрович, какая художница – у меня особенных способностей-то и не было! Я в университет поступила, на исторический факультет, вот всю жизнь работаю в музее. Диссертацию защитила. Сын уже взрослый, инженер на заводе, да завод еле дышит. Дочка в этом году институт заканчивает. Муж... пять лет назад умер. Инфаркт... Мама жива, слава Богу, семьдесят шесть лет. Вот так... А как вы?

Алексей коротко доложил. Катя слушала с милой улыбкой. Николай Павлович, рассеянно слушал, думал о чём-то своём, взглядывая то на эскизы, то на Катю, то на Алексея и вдруг заметил:

– Вот интересно! Одна и та же церковь, а три разные картины. Ну, совсем разные! Здесь тихо и радостно, здесь трагедия, а здесь светло и печально. Вроде бы одно и то же, а все разные! Как это получилось, почему?

Алексей и Катя переглянулись, улыбаясь, и она сказала:

– Николай Павлович, вы хорошо чувствуете живопись! Это потому что автор вкладывает в работу своё видение, своё впечатление, себя самого, наконец. Картина – не фотография!

Николай Павлович слегка смутился и покраснел от похвалы.

Катя вдруг спохватилась:

– Ой, отвлеклись, давайте же, посмотрим, что тут хранится!

Они открыли коробку с надписью: «Документы» и все трое с волнением выбирали и читали каждую бумажку, аккуратно передавая её из рук в руки. Было невероятно волнующе перебирать свидетельства этой, навсегда канувшей в прошлое жизни. Попалась и церковная книга с записями рождений, смертей, венчаний и крещений. Николай Павлович почему-то отложил её в сторону, мол, позднее посмотрим подробнее. Катя удивлённо взглянула на него, но согласно кивнула головой. В отдельном объёмном свёртке, аккуратно завернутом в пергаментную бумагу, нашлись чертежи церкви и барского дома. Алексей с волнением разворачивал чертежи – вот и фундаменты, и колокольня, и хоры. А вот её общий вид, цветной рисунок акварельными красками, поблекшими от времени, но зато они увидели церковь во всей красе! И год указан – 1820-й. Да, всё это нужно было разрабатывать заново, в соответствии с современными требованиями и материалами, сделать и отопление, и освещение, и пожаротушение, и многое другое, но главное было – вот она, церковь Преображения Господня, возведённая волей и заботами Комаровских!

Алексей спросил:

– Что значит Преображение Господне?

– Это когда Христос на горе Фавор явил свою божественную сущность своим ближайшим ученикам, преобразился. Понимаете, он был человеком, и в то же время сыном Божьим, и после молитвы лицо его осветилось, и одежды его стали белыми, как снег, – тихо ответила Катя.

– Вы, Катя, верующая? – спросил Алексей.

– Да, – тихо ответила она.

Они сидели взволнованные, переглядывались, счастливо улыбаясь. За окном по-зимнему быстро темнело. Они и не заметили, как прошёл день, даже про обед забыли. Николай Павлович, предварительно вызвав машину, предложил:

– А теперь поедем в ресторан, поужинаем все вместе, раз уж не обедали, отметим наш сегодняшний успех!

– Мне неловко идти с вами, я не одета соответственно, – смутилась Катя, – как-нибудь в следующий раз!

Костюмчик на Кате был действительно весьма скромным и явно выдавшим виды. Да и откуда у работницы музея с её копеечной зарплатой, вдовы с двумя детьми, мог оказаться другой костюмчик, хотя кофточка явно претендовала на нарядность.

– Во-первых, этот деловой костюмчик вам замечательно идёт, во-вторых, мы не будем там допоздна и поужинаем в отдельном кабинете, чтобы нам никто не мешал, – тоном, не терпящим возражений, сказал Николай Павлович.

Катя смущённо кивнула головой, и они вышли. Алексей, подумал, что Алька непременно снисходительно сказала бы про Катин наряд: «Бедненько, но чистенько». Алька привыкла к статусу состоятельной женщины!

Встретили их в ресторане весьма приветливо, проводили в отдельный кабинет, и мужчины сначала вручили меню Кате. Та, взглянув на выбор и цены, растерялась и смущённо сказала: «Мне бы супчику горяченького...» Николай Павлович властно взял управление на себя, и скоро стол заполнился закусками, хотя фирменного супчика с фрикадельками захотели все трое. Разлили вино по бокалам, чокнулись – за успех нашего дела! Пригубив вина, Катя раскованно защебетала, как птичка, рассказала, как были найдены эти документы. Оказывается, когда пытались разрушить церковь, рабочие обнаружили под засыпанной плитой тайник. Хорошо, что там оказался прораб, он не разрешил рабочим открывать обёрнутый клеёнкой и брезентом ящик, вызвал милицию, ящик погрузили в машину, и прораб сдал находку государству по акту – всё, что там было. Золотых червонцев и бриллиантов там не нашли, а бумаги разложили по двум большим коробкам и передали в архив. Впоследствии все материалы из архива передали на хранение в музей. Кате пришлось принимать эти документы. И она ещё тогда перечитала каждую бумажку и рассмотрела каждую фотографию. На что Николай Павлович вскинулся:

– Там и фотографии есть?!

– Да! – радостно отозвалась Катя, – там старинные фотографии! И ещё дневники членов семьи, даже есть такой милый альбом одной из барышень Комаровских! Мне повезло! Я писала диссертацию по истории края и использовала эти документы! Приходите завтра, мы откроем эту вторую коробку!

И она начала рассказывать историю дворянского рода Комаровских так интересно и подробно, с таким уважением и любовью, что они заслушались. Алексей

посмотрел на сурового Дьяконова и увидел, как зачарованно, с каким вниманием он слушает Катю. Казалось даже, что слышать это ему и радостно, и больно. Неужели этот человек несколько дней назад говорил ему: «Нет у меня никакой души!» Вдруг Катя спохватилась, что уже поздно, что мама дома одна и, наверное, волнуется. Николай Павлович не терпящим возражения тоном объявил, что Екатерину Степановну он сам отвезёт домой, да и Алексея Петровича подбросит. Но Алексею хотелось пройти пешком, да и идти было недалеко.

Добравшись до дома, он присел на скамеечке у подъезда – подышать. И под впечатлением сегодняшнего дня подумал, что непременно всё это надо будет рассказать ей. Он не произносил даже про себя её имени, но она существовала в нём постоянно, как сгусток нежности и боли. Сегодня это было особенно остро, возможно потому, что он чувствовал нарастающую взаимную симпатию Кати и Николая Павловича и, позавидовав их обоюдной свободе, словно захлебнулся безмолвным душевным воем: «Д-и-и-н-а-а!» Вот по ком стонет его сердце и его тело!

Как и условились, на следующий день они приехали с Николаем Павловичем в музей после обеда. Счастливая, помолодевшая Катя радостно встретила их в вестибюле, специально ждала, должно быть. По переходам и лестницам они снова прошли в её кабинет. Алексей заметил, что Николай Павлович почему-то очень волнуется. Они снова сели вокруг стола, и Катя открыла коробку с фотографиями. Они легли на стол – твёрдые картонки со снимками, датированными сначала серединой девятнадцатого века, затем далее, всё ближе к веку двадцатому. Дамы с локонами, мужчины в мундирах и сюртуках, девушки в воздушных платьях, мальчишки-кадеты, юноши-юнкера, очаровательные нарядные девочки. Фотографии фасада барского дома, девушки в беседке, свадебные фотографии. А вот и последняя: семья, сидящая на застеклённой веранде, за столом, накрытым для чаепития, со стоящим посередине большим самоваром. Солидный глава семейства с бакенбардами, его жена в платье со стоячим высоким воротом и высоко зачёсанными волосами по моде тех лет, две хорошенькие дочки-барышни с похожими причёсками, сыновья – молодецватый офицер и юноша в студенческой форме. А рядом со столом с подносом в руках стоит юная красивая девушка с косой, перекинутой через плечо в изящном белом накрахмаленном фартучке, наверное, горничная, которой разрешили сфотографироваться вместе с господами. На обороте надпись: «10 июня 1916 года. Наканунъ отъезда Николая въ полкъ».

Николай Павлович заёрзал на стуле, завозился, закашлялся, вынул из внутреннего кармана пиджака конверт, вытащил оттуда фотографию и положил на стол. Это была та же самая фотография. Катя и Алексей, ахнули, а Николай Павлович смущённо залился краской.

– Откуда она у вас? – одновременно воскликнули они.

– Это наша семейная реликвия! Вот эта девушка с косой – моя бабушка Александра Семёновна, в услужении у господ Комаровских. А тогда просто Сашенька Дьяконова, горничная.

Николай Павлович молча взял отложенную вчера церковную метрическую книгу, и руки его дрожали. Он начал листать её с конца и вскоре нашёл то, что хотел найти и прочитал вслух запись: 1 июня 1919 года поручик Николай Павлович Комаровский женился первым браком. Поял за себя сироту, девицу Александру Семёновну Дьяконову. Брак совершали священник Фёдор Никитин, пономарь Тихон Андреев.

Катя и Алексей молча, с изумлением смотрели на Николая Павловича. Потом Катя тихо спросила:

– Николай Павлович! Так вы потомок Комаровских?!

– Выходит так, Екатерина Степановна! Я и сам в этом сомневался. Бабушка рассказала мне об этом незадолго до смерти, всю жизнь скрывала, сами знаете, какие были времена, но мне как-то всё равно не верилось. Но вот эта запись о венчании – значит, всё правда! Она была сирота, жила у дальней родственницы, и в двенадцать лет её взяли в услужение в господский дом, посудомойкой. Думаю, что просто пожалели. Девочка она была смышлёная, добрая, дочери Комаровских, её ровесницы, как-то взяли её в игру и больше не отпустили. Она с помощью младших Комаровских освоила грамоту, пристрастилась к чтению, была скромна, услужлива. Хозяева хорошо к ней относились, она выросла с детьми Комаровских. Николай Комаровский учился в юнкерском училище, стал офицером, в 1914 году попал на фронт, а после ранения, в 1916 году его отпустили на месяц на побывку к родителям. Тут и разгорелась у них с Сашей любовь. И фотография сделана накануне его отъезда. В 1919 году по пути на юг в добровольческую армию он заехал к родителям повидаться и попрощаться. Сёстры уже были замужем, брат-инженер работал на заводе в Петрограде, и от него не слышно было вестей. В доме оставались только старые господа. Тогда они и венчались с Сашей. Прислуги в доме не было и никто, кроме родителей жениха и служителей церкви об этом не знал. Пробирались молодые на юг вместе. Осенью крестьяне разграбили господский дом и подожгли его. Старики Комаровские доживали во флигеле, бывшей людской, спасибо, остались живы, но через год друг за другом скончались. Значит, всё-таки успели какие-то документы спрятать в церкви. Конечно же, при помощи кого-то из церковников, может быть, того же священника и пономаря. Наверное, надеялись, что когда-нибудь это пригодится наследникам. Вот мне, правнуку и пригодилось...

А Саша в армии окончила краткосрочные медицинские курсы, работала в госпитале медсестрой. Муж её, мой дед, Николай Комаровский, погиб в 1920 году. Беременная Саша вернулась в родной город. Её приютил старый доктор, лечивший всех Комаровских, взял медсестрой в больницу, выхлопотал ей комнату в чьей-то реквизированной квартире. Никогда никому словом не обмолвился о том, что она служила у белых. Возможно, о многом догадывался, но ни о чём не спрашивал. У Саши родился сын, она назвала его родовым именем Павел, как звали старшего Комаровского, деда. В больнице знали, что мужа у Александры Семёновны нет, ребёнка нагуляла, должно быть. Время было такое, всё бывает. Но пользовалась она большим уважением. Ей бы учиться – замечательным была бы врачом! Всю жизнь тайно хранила своё обручальное колечко, которое отдала ей при венчании свекровь. Сын её, мой отец, поступил в институт, но диплом получить не успел. На третьем курсе влюбился, женился, и за год до войны родился я, Павел Николаевич Дьяконов. Отец, ушёл добровольцем на фронт и в 1942 году погиб. Мать успела до войны окончить техникум, работала на швейной фабрике технологом, потом уже после войны завербовалась куда-то на Сахалин, и я больше её никогда не видел. Иногда присылала деньги, однажды написала, что вышла замуж. Так что растила меня бабушка. Вот так вот, дорогие мои...

Ошеломлённые, взволнованные, они некоторое время сидели молча. Наконец, Катя сказала:

– На основании этой записи, мне кажется, можно вернуть себе фамилию «Комаровский».

– Не знаю, Екатерина Степановна, стоит ли... Я ведь и сам только сейчас окончательно убедился, что всё это правда. Надо подумать, поспешишь – людей насмешишь! Бабушка мне завещала найти родственников Комаровских, у деда моего ведь были ещё брат и две сестры. А пока прошу вас, никому ни слова!..

Алексей и Катя переглянулись, согласно кивнули, мол, само собой разумеется.

– Я помогу вам их найти! – горячо отозвалась Катя, – я по своим каналам знаю, куда надо обратиться в первую очередь! У меня там друзья есть!

Неожиданно Алексей подумал, наверное, бабушка не только обручальное колечко сохранила. Может и знала, где спрятали старые Комаровские семейные ценности. Должно быть, ими-то с умом и распорядился Николай Павлович, когда в начале перестройки несколько лет отсутствовал. И сам своим мыслям усмехнулся, нафантазировал, конечно, но от сердца отлегло. Опасался, не с криминалом ли каким связан этот таинственный человек, бизнесмен Дьяконов. Ничего не приватизировал, ничего не украл, а средства были, раскрутился, крупными делами управляет! Но промолчал – это его не касается.

Николай Павлович взял на себя все необходимые переговоры, хлопоты о разрешении восстановления церкви и с областным, и с церковным начальством. Алексей договаривался с проектантами. Часто вспоминал тихий голос Дины: «А вы бы взялись восстановить эту церковь! Может быть, именно вас она ждёт, может, это и есть главное дело вашей жизни». Настроение у Алексея было замечательным, он был переполнен радостной энергией. С Дьяконовым они виделись редко, но часто звонили друг другу. Как-то Алексей позвонил Кате и из разговора понял, что Николай Павлович держит её в курсе всех дел.

Однажды утром он встретился у входа в контору с Анжелкой. Цветущая, какая-то избыточно яркая, молодая и красивая, но с наигранной грустью в лице, она поздоровалась, спросила:

– Я не знала, что вы уже вернулись из командировки, Алексей Петрович... Вот заведующая послала годовой отчёт отнести в бухгалтерию. Что-то вы нас забыли, не заглянете никогда, Алексей Петрович...

Он почти смутился. Действительно, не приходил, не звонил, даже вроде бы позабыл о её существовании. Сказал, словно оправдывался:

– Да я сильно болел, Анжелочка, старый, наверное, стал, вряд ли уже соберусь прийти.

– А я замуж собираюсь, Алексей Петрович!

– Что ж, хорошее дело, поздравляю!

– Так что же делать, Алексей Петрович, жить-то надо! В городе родни нет, друзей нет, квартиры тоже нет – купить не на что. Надо как-то выходить из положения.

Он даже обрадовался – так вот, оказывается, в чём главная причина её появления!

– Чтобы ты не чувствовала себя бесприданницей, я оформлю на тебя квартиру, в которой ты живёшь!

Анжелка вспыхнула от удовольствия, лукаво улыбнулась:

– Ну, если квартира у меня будет своя, так я ещё, пожалуй, погожу с замужеством. Может, когда в гости заглянете...

Ничего не ответив, он улыбнулся, кивнул головой, прошёл в кабинет. Может, правда, постарел? Или это Дина виновата? Никакого волнения, никакого желания. Прощай, Анжела!

* * *

Приближалась дата переселения в новый дом, который был обставлен заказанной им по каталогу мебелью. Дочка, правда, помогала – вкус у неё был отменный. И если мать пыталась вмешаться, Нюрка, как озлившись, называла свою дочь Алька, строго говорила:

– Мама, тебе лучше не вмешиваться – это наше с папой дело, продумай лучше сервировку стола: закуски, вина, горячее и прочее. Это по твоей части!

Семья готовилась к новоселью. К тому же назначенная дата, 20 марта, совпала с годовщиной официального основания фирмы – семь лет прошло с тех пор, семь лет! На что его секретарь, Галина Петровна, увлекающаяся эзотерикой, нумерологией и прочими, прежде немислимыми вещами, объяснила, что семь – число судьбы, священное, счастливое и магическое, символ вечной жизни и означает удачу. Его тоже непременно нужно отметить вместе с новосельем – это для всего коллектива знаменательная дата. На семейном совете решили отпраздновать это событие в банкетном зале своей же новой гостиницы. Дочь и жена тщательно продумывали список приглашённых, Алексей бегло просмотрел его, где-то поморщился, но... положение обязывает. Вписал туда Николая Павловича и Катю. Против Дьяконова возражения не было, даже порадовались – такой значительный в городе человек! А вот о Кате спросили, мол, кто это?

– Нужный человек, – ответил он, – и посадите их вместе. За наш стол!

– А-а-а..., – понимающе протянула Алька, – очередная красотка! Он ведь, кажется, не женат?

– Она не очередная красотка, она – девушка с жемчужной серёжкой!

Алька молча, озадаченно на него посмотрела.

* * *

Праздник прошёл, как потом говорили, замечательно. Столы, что называется, ломились от закусок – Алька постаралась. У голодной девчонки-сироты, какой она в глубине души осталась навсегда, осуществилась мечта жизни, даже сверх всяких ожиданий. Она – хозяйка этого праздника, у неё замечательная семья, муж, дочь, зять, внуки – вот посмотрите на меня и позавидуйте! Алексей всё знал, всё понимал про неё и жалел её, даже сейчас на пике её торжества. Может быть, эта его жалость, это понимание человека, с которым прожита жизнь, тоже ипостась любви? Может быть, главная?

Гости много пили, много ели, провозглашали тосты, говорили хвалебные речи, какой он, Алексей Петрович, молодец, какая замечательная у него семья, какая солидная фирма, как он умеет вести дела, как он заботится о своих людях, желали дальнейших успехов. В зале выступали приглашённые, известные в городе артисты, певцы, танцоры, даже фокусник. Гости смеялись, аплодировали. Всем было весело, интересно, подпевали, танцевали. Алексей время от времени поглядывал на Николая Павловича и Катю. Катя выглядела прелестно – она была красиво

причѣсана, ей очень шло элегантное вечернее платье – конечно же, Николай Павлович постарался. Они сидели, как самые близкие ему люди, за одним столом с его семьѳй и были так нескрываемо счастливы! Он радовался за них и немножко завидовал. Подумал, что Николай Павлович так яростно отрицал любовь, потому что отчаянно в ней нуждался. Ну-ка, человек без души, попробуй, скажи Кате – пошла вон! Чем-то она напоминала ему Дину. Не внешне, конечно, но было в её лице, улыбке то же редкое для взрослого человека свечение чистой души.

Он оглядывал ряды столиков, лица пьющих и жующих людей, слышал всё возрастающий гул весѳлых голосов и думал о том, что вот это и есть вершина его жизни. Главное, чего он добился: признание, положение, своё дело – фирма, к которой он прикован теперь до конца жизни, как раб к галере, особняк, машины, почитание, зависть окружающих. Этого ли он хотел? Правильно Сеня говорил – он играл в эту жизнь, азартно, как мальчишка, и выигрывал. Но это не главное, не главное... Как это там... Я разменял на медные монеты золотые слитки младости моей... А разменял ли? Он не стал художником – не очень даже и стремился, стало быть. Хотел бы – пешком ушѳл в Питер. Значит, мог без этого обойтись. Он знал, что был дельным инженером, толковым руководителем, неистовой работой гасил свою неудовлетворѳнность, а ведь был счастлив, даже не думая об этом! Он другое важное дело делал, строил дома, а дело – наиважнейшая часть мужской жизни. Сейчас вот, вместо этого банкета вернуть хотя бы какую-нибудь сумасшедшую планѳрку с драчкой-ругачкой; вот тогда он не играл, тогда он жил в полную силу. Дело делал, строил. Да... но если бы не он, то эти дома, этот город построили бы и без него, и не хуже. Обошлись бы... Может быть, главный смысл человеческой жизни на Земле – сделать то, что можешь сделать только ты. И если ты этого не сделаешь, этого просто не будет. Только ты это можешь, только ты... Его ненаписанные картины остались в несбывшемся... Женщины? Да, было, увлекался, не отказывал себе в удовольствии, но и не ставил это целью. Нет, пожалуй, он так никого по-настоящему и не любил. Что же главное сейчас? Так неожиданно обрушившаяся на него любовь к Дине? Нет... С Диной он тоже не совпал по времени. И вновь услышал её тихий голос: «Может быть, это и есть главное дело вашей жизни...» Да, вот оно, сейчас, его главное и важное дело – церковь. Уже в проектном бюро начали разрабатывать чертежи её восстановления, а вернее сказать, строительства заново. И всё под его контролем. Он не был верующим, религиозным человеком, но родился, рос, вырос в христианском поле, чувствовал, признавал некую невидимую, неслышимую, направляющую жизненную силу. И подчинялся ей. Он построит, восстановит эту церковь Преображения Господня, и тогда сможет сказать себе, что жизнь его не прошла зря. И ведь в каждом человеке таится этот отблеск божественного света, творческой искры, возможность духовного преображения. Да, церковь – главное его дело на этом этапе жизни, и, может быть, наконец, покинет преследующее его острое чувство сжимающегося времени, недостигнутой какой-то цели. А там видно будет, что делать дальше и как прожить оставшийся, не такой уж и большой кусок жизни.

* * *

Семья переехала в новый дом, построенный по его проекту. Всё до мельчайшей детали было внимательно продумано и самим Алексеем, и дочерью с зятем. Дети и внуки занимали второй этаж, Алексей с женой обосновались на первом,

где разместился большой уютный холл, гостиная, столовая, комната для гостей, кабинет Алексея со спальней. У жены тоже своя комната и спальня. У Петьки – внука-спортсмена, подающего надежды футболиста, комната напоминала тренажёрный зал и тоже спальня. У внучки Люськи просторная студия-мастерская и комнатка-спальня. Эту мастерскую, наполненную светом и воздухом, он тоже проектировал сам, продумывал, как для себя. К Люське в мастерскую он заходил чаще, чем куда-либо. Она была особенной, эта его внучка. Он замечал за молодым поколением, в том числе за дочерью и зятем некую экономность себя. Они были по горло заняты делом, они не играли, как он. Он не боялся проиграть – они этого боялись, они экономили своё время, деньги, чувства. Люська была щедра, безалаберна, радовалась жизни, запоем читала, запоем рисовала, пела и танцевала, общалась с друзьями. Ничего от хваткости бабушки и матери ей не передалось – рассеянная мечтательница, и внешне, она не была на них похожа. Во внешности взяла многое от своего красавца-отца, стройной фигуркой напоминала мать Алексея, жестами, характером и предпочтениями в еде – его самого. И этот вдруг задумчивый взгляд куда-то далеко-далеко, словно она выпадала из реальности, и звать её бесполезно – не дозваться, она не здесь! У него тоже такое до сих пор случается, но заметила это Алька, сказав: «Ну, вылитый дед!» Он любил наблюдать за ней, любовался её лёгкой статью, светловолосой головкой на изящной тонкой шейке, тонкими нежными чертами лица. Ей шестнадцать лет, десятиклассница – юная девушка, распускающийся цветок! Ещё год учёбы и придётся ей выбирать судьбу. А она ни о чём таком даже не думает, смеётся болтает по телефону с бесчисленными друзьями, и от срывающихся робких басков Люськиных поклонников в телефонной трубке нет отбоя, и слышно, как волнуется мальчишки на том конце провода. Училась она легко, достаточно успешно, но неблестяще, не то, что её мать, честолюбивая Алькина дочь. Говорит, мол, зачем мне тратить время жизни на какие-то там пятёрки? И такая легкомысленная уверенность, что всё как-то само собой образуется и сложится. Люська учится в художественной школе, и её рисунки занимают первые места на выставках. Алексею её работы нравятся, Люська прежде всего показывает их деду, доверяет ему, к его мнению прислушивается, и он чаще всего заходит к своей любимице. Однажды он зашёл к ней после работы. Люська металась, куда-то собиралась, сказала ему доверительным шёпотом:

– Деда, прости, я спешу на свидание! С таким классным парнем недавно познакомилась!

– Что за парень? – ревниво спросил Алексей, почувствовав вдруг острую тревогу за внучку, и в то же время гордый её доверием. Знал, что ни матери, ни бабушке она этого не скажет.

– Он учится в политехе, на дизайнера. Мы на выставке познакомились! А сегодня пойдём на джазовый концерт. Из самой Америки музыканты приехали!

– А ты что, любишь джаз?

– Не-а! Но хочу лучше узнать, что это такое, может и полюблю. Друзья его зовут Сандро. А вообще-то он Саня, Александр, то есть... И сам играет на трубе – вечерами в ресторане подрабатывает! Многие приходят, чтобы специально Сандро послушать. Говорит, если у меня с деньгами туго, то может устроить мне подработку в этом ресторане на обслуживании банкетов. И, лукаво сверкнув глазами, добавила, – я подумаю! Почему не попробовать?

Она светилась нетерпеливой радостью, предвкушением встречи, рылась в шкафу, вытаскивала бесконечные штанишки разного фасона, кофточки, как уж они там все назывались, Алексей и не знал. Искала, что надеть. Прикладывала к себе, морщилась, строила себе рожицы в зеркале, хохотала. Отбрасывала. А он думал с грустью, что взрослеет девчонка, вот уж и влюблена – как теперь уберёжешь её от всех напастей жизни? Надо будет на героя посмотреть. Ну, держись, Сандро! Если что – башку сверну!

Вошла Алька, ахнула, запричитала, рачительная хозяйка, не стесняясь в выражениях:

– Это что за бардак! Убери немедленно! Куда это ты собралась?! А почему краски разбросаны? Чего это ты вот эти в корзину выкинула? Там вон ещё сколько осталось в тубиках... И эти вот засыхают! Можно же нарисовать чего-нибудь, за чем добру-то пропадать! Богачка какая нашлась, красками она разбрасывается!

Люська схватила картонку. Пряча озорство и подмигнув деду, смиренно спросила:

– А что нарисовать, бабаля?!

Это в ещё раннем детстве Люська, пытаясь сказать «баба Аля», сократила, слила два слова вместе.

– Ну... – призадумалась над темой бабушка, – ну, например домик или дерево!

– Есть, нарисовать дерево! – отозвалась Люська.

И не задумываясь ни на минуту, смеясь, начала переливать на картонку свою сумасшедшую искрящуюся радость, свою юную влюблённость, своё счастливое ожидание встречи. Кисточки так и порхали в её руках. Он выглядывал из-за её плеча, смотрел, как проявляется на картонке её полудетская, девичья душа. Сердце его сжалось радостной болью. Уж он сделает всё, чтобы Люське никто не помешал стать тем, кем она захочет. Хотя бы и художницей! Люська потрудилась над фоном, потом макнула кисточку, сделала последний штрих, закричала:

– Готово дерево, бабаля! Подарить тебе?!

– Что за ерунду ты тут наляпала? – поморщилась бабушка, – где это ты видела золотую траву? А это что, пёстрые птицы? А это что – красные, белые жёлтые шары – яблоки, что ли? Смеёшься ты надо мной? Сколько лет ты в эту школу ходишь, а рисовать так и не научилась! Ну, на что это похоже?! Как будто трёх-летний ребёнок мазал. Куда это годится – только выбросить!

– Подари мне, Люсенька, этот рисунок, – попросил Алексей. Ты нарисовала «Дерево радости»! Именно таким я его и представлял, всё оно в дивных цветах и плодах, стоящее именно в золотой траве...

– Ты считаешь, это неплохо? – спросила с надеждой Люська, – я ведь просто так, баловалась!

– А в другом состоянии, ты этого бы и не написала. Я вставлю рисунок в красивую рамочку и повешу у себя в кабинете. А когда мне будет грустно, буду смотреть на него и радоваться. Ведь оно для этого и предназначено – «Дерево радости»!

– Конечно, деда, возьми! Я так рада, что тебе понравилось!

Она кинулась ему на шею, обняла. А он подумал, что, может быть, права Дина, когда говорила, что всё заранее кем-то рассчитано, и ему нужно было жениться на Альке, бросить жизнь свою под ноги предопределённой судьбе, чтобы на свет появился вот такой бриллиант – его дивная Люська!

ОНИ

Зима держалась долго, весь март мела метелями, но в начале апреля наступил резкий перелом, и на город – а-а-ах! – налетела весна – стремительно растаял снег, обнажилась влажная земля, набухли почки на деревьях, и вскоре всё вокруг раззеленелось, расщебеталось, распустилось, расцветилось! Алексею казалось, что и он включён в этот круг земного обновления. Напоённый запахами ветер принёс душе весеннее беспокойство, звенел внутри именем: «Ди-и-н а-а!» Он как будто бы и не думал о ней постоянно, но, должно быть, она была в нём всегда, присутствовала в его жизни, словно бы участвовала в его делах и разговорах, и хотел он этого или не хотел, стала каким-то внутренним камертоном. Пролетел апрель, и май обозначился страстными, благоуханными выплесками лиловой и белой сирени, застенчивым белоснежным цветением жасмина. Дина... Как-то она там? Как выглядит? Наверное, уже ходит в летнем платье – у них там уже, наверняка, жарко. В один из приступов тоски по ней, он снова позвонил. Ему ответил женский голос, но это была не Дина. Он положил трубку и больше не пытался этого делать. Но думал о ней, уже даже не мечтая о поцелуях и близости, а житейски прикидывал, как ей живётся, работается, и хватает ли ей денег на жизнь, ведь мужу требуются дорогие лекарства и специальные массажи. Он даже не осознал, когда произошло это переключение – он не думал о себе и своих радостях, он думал о ней. Хотелось помочь ей, но он знал, что просто так она от него помощь не примет. Ведь он человек, который ей НИКТО. Одна мысль пришла ему в голову, и некоторое время он её обдумывал, прикидывал, как лучше всё задуманное исполнить. Наконец, уже в июне решился.

Волнуясь, Алексей набрал номер Сени Моцарта, услышал его встревоженный голос:

– Что случилось-то, Лексей Петрович? Ты вроде бы говорил, что получил всё в лучшем виде?!

– Да, всё в порядке, не беспокойся! – и, помолчав, спросил, – как там спасительница моя, Дина Сергеевна поживает?

Сеня некоторое время помолчал, видимо, прокручивая информацию и вставляя её в свою отработанную жизненным опытом систему мироздания. Потом как-то сдержанно ответил:

– Нормально поживает, Лексей Петрович, в лучшем виде! Недавно видел её, летит, как ласточка, улыбнулась мне, издали рукой помахала. Всё у неё налаживается. Мужа подняла, по выходным гуляют вместе, а так пашет день и ночь – заработки у медиков не больно великие.

Он вдруг почувствовал некоторое смятение, заревновал что ли, а может, позавидовал тем, кто видит её каждый день. Вот ему без неё плохо, а у неё всё хорошо, ходит, улыбается, ручкой другим мужчинам машет.

– Я вот думаю, открыла бы она свой частный кабинет, зарабатывала бы больше, и не мордовалась так. Ты бы, Сеня, мог помочь ей?

– Лексей Петрович, да я не потяну таких расходов. А так бы, конечно, с дорогой душой! Уж кто-кто, а она того стоит!

– А я тебе денег дам, Сеня. Только ты ей об этом не говори. Сделай предложение от своего имени. Подбери помещение, оборудуй, как положено, чего там

ей для этой медицины надо... Пусть начнёт работать, и будет тебе понемногу выплачивать беспроцентный долг, а ты будешь переводить на мой счёт. Может, ты в долю войдёшь? Ну, конечно, оформи сам всё, как положено, ей некогда по чиновничьим кабинетам бегать.

Сеня опять замолчал, переваривая новую информацию, потом ответил, и Алексей услышал в его голосе заинтересованность – это уже был хороший признак, ведь Сеня редко ошибался в прогнозах на бизнес:

– Да... Лексей Петрович, тут знакомые уезжать собрались, у них квартира на первом этаже в хорошем месте, на центральной улице. Если её купить, да переоборудовать, да знакомая архитекторша вход с крылечком сделает, да аптечку рядом пристроить – открыть, это, конечно, недурно! Да...

Видно было, что Сеня загорелся. Сделает всё в лучшем виде, как это у него принято, и себя не обидит. Пристроится. Но вроде бы совести он никогда не терял.

– Перво-наперво надо поговорить с Диной-то Сергеевной, Лексей Петрович! А ну как не согласится? Она ведь с больных не шибко большие деньги берёт. Стесняется. А кого и даром лечит.

– Потом поговоришь. Ты сначала квартиру купи, а то упустишь! Завтра скажи, сколько надо – деньги я тебе переведу. Не говори только ей, пожалуйста, про меня. Хорошо? Я не хочу, чтобы она об этом знала.

– Ну, ты силён, Лексей Петрович!.. Не скажу, конечно. Обещаю!

И больше не стал ничего комментировать. Сеня чувствовал, когда можно пошутить, а когда нужно и промолчать.

* * *

Приём подходил к концу. Дина попросила Анечку, медсестру, посмотреть, много ли там, в коридоре больных. Девушка выглянула за дверь, обернулась:

– Один мужчина, Дина Сергеевна!

– Отлично! Скажи, пусть заходит.

Вошел молодой мужчина. Она увидела его бледное лицо и вдруг ощутила словно бы озноб, тревогу какую-то, осязаемое покалывание кожи. С чего бы это?!

– Проходите, – пригласила Дина, – садитесь, пожалуйста, куда вам удобно, вот на стул или на кушетку.

Мужчина подошёл к стулу, и больше она ничего сказать не успела. Одной рукой он попытался опереться на спинку стула, но вдруг стал медленно, как-то неловко заваливаясь на спину, падать на пол. Дина вскочила, успела подхватить его плечи, и её руки, – оказывается, она ещё сильная! – смягчили падение, голова мужчины не ударилась об пол. Она знала, что надо действовать быстро, очень быстро, на счету секунды.

Впоследствии всё это вспоминалось Дине, как кадры замедленной киносъёмки. Медленно, очень медленно, преступно медленно, – а надо быстрее! – она прочувствовала пальцами сонную артерию под челюстью и не услышала биения пульса. Затем, – о, Боже, как медленно! – растегнула его поясной ремень, – звякнула об пол пряжка ремня, потом рванула рубашку на груди – затрещала ткань, торопливым горохом посыпались пуговицы. Он без майки, хорошо, меньше возни! Дальше! – её полотняная летняя сумка – быстро выкинуть лишнее, вытащить мобильник, свернуть сумку валиком и подсунуть под лопатки. Как ни растеряна была медсестра Аня, но, увидев мгновенный требовательный взгляд Дины Сергеевны, быстро сообразила, выхватив из стаканчика со стола марлевые салфетки, вложила

ей в протянутую руку. Ещё! – Дина приложила к его губам экран мобильного – не затуманился – нет дыхания! Бросила Ане в руки мобильник, закричала:

– Скорую! Кардиобригаду!

Мельком проскочила мысль – какое счастье, именно сегодня, когда с полчаса не было больных, она показывала девушке, как пользоваться мобильником, и та размечталась, мол, может быть, и у неё будет такой! На что Дина ответила, что через год-два такие телефоны непременно будут у всех и каждого!

Теперь – сбоку – на колени! Она запрокидывает его голову, оттягивает рукой подбородок, открывает ему рот. Язык не запал, хорошо! Ладонь другой руки на лоб, пальцами зажать нос. Салфетка на рот. Вдохнуть – не только ртом, всем своим существом вдохнуть воздух глубоко, на раз-два! – охватить своими губами его прикрытый марлей рот и не спеша выдохнуть свой воздух глубоко-глубоко в этого человека. Она почувствовала, как приподнимается его грудь, как расправляются лёгкие. Услышала, как отчаянно кричит в телефон Аня, да, сердце и дыхание, срочно! И её имя – Ивашкевич! Это как пароль. Там поймут – Ивашкевич зря не вызовет! Скорее! И ещё одно вдувание! Дина знает, Аня – умница, отличница – только бы не растерялась! И кричит ей: – Ко мне! Дина знает, что девушку этому учили, но не побоятся ли, справится ли?! Умница-девочка, солнышко, сестричка её дорогая, становится на другой стороне на колени и по команде Дины скрещёнными ладонями давит на грудину.

– Дави сильнее, – говорит Дина – считай до пяти!

Через пять долгих мгновений, Дина опять вдыхает воздух человеку в рот. И снова, – раз два, три, четыре, пять, – крупная, сильная девушка выжимает из сердца кровь в сосуды. И ещё раз, и ещё! Сколько это продолжалось, и сколько будет продолжаться, они не знали, кроме одного – останавливаться нельзя! Наконец, Дина увидела, что лицо мужчины чуть порозовело, и, наклонившись в очередной раз, почувствовала его тёплый выдох. Он задышал, даже открыл глаза. Стукнув, распахнулась дверь – скорая! Кардиолог, едва взглянув на мужчину, Дину и Аню, бросает: «Отдыхайте!» Они не вышли – почти выползли в коридор и оттуда наблюдали, как подключали аппаратуру, снимали кардиограмму, как командовал врач-кардиолог, а сестра вводила в вену лекарства. Потом закрыли дверь, чтобы не мешать, не сглазить! Наконец, выбежала медсестра, затарахтела: «Мужчин зовите, носилки нести!» Анечку словно ветром сдуло, минут через пять она вернулась с помощниками. Переложили больного на носилки, подняли, понесли. Дина и Аня перешли в кабинет, сели на стулья, молча переживали случившееся.

– Анечка! – сказала Дина, – с тобой можно идти в разведку!

Это были слова наивысшей похвалы, которые говорил Стась. Девушка заулыбалась, зарделась, смотрела на Дину повлажневшими глазами, сказала с обожанием:

– Вы были, как молния, Дина Сергеевна!

– Иди, девочка, отдыхай, – сказала Дина, – спасибо тебе!

– Это вам спасибо! До свиданья! – отозвалась Аня и выскочила в коридор.

Дина осталась одна в тишине кабинета, каждая жилочка в ней дрожала, мышцы болели, как будто она делала непосильную физическую работу. Передохнув, зашла к сестре-хозяйке, взяла чистое полотенце, долго стояла под струями воды в душевой, смывая только теперь осознанный, никому неизвестный, липкий страх ответственности.

Когда она, наконец, вышла из поликлиники, клонился к вечеру ласковый, ещё не очень жаркий, длинный – предлинный июньский день! Она шла домой своей любимой дальней дорогой по берегу моря; на набережной села на скамеечку – перед ней опускался к горизонту огненный диск солнца. Оглянувшись, увидела на голубом безмятежно-спокойном небе светлый, ещё не проявленный диск луны. Улыбнулась, подумала: одновременно... серебряная монета луны и золотая монета солнца... Какое счастье, что сегодня она смогла помочь человеку! Кто знает кто может объяснить эти переплетения человеческих судеб?! Вот она родилась, училась, работала, приехала сюда, жила своей жизнью. Вот этот молодой ещё человек, родился, учился, приехал сюда, попал в беду. И тут эти двое – он и она встретились – и завязался узелочек столкновения их судеб. Предначертан ли он был заранее? Так или иначе, эта их встреча, событие их жизни вызрело во времени. Может быть, всё, что с людьми случается, для чего-то нужно, всё переплетается, и управляемая то ли вселенским компьютером, то ли Богом ткётся прекрасная и страшная ткань жизни. А её встреча с Алексеем Петровичем? Ведь она, Дина, скатывалась в глубокую депрессию, ведь она, неверующая, взмолилась: «Господи, дай мне какую-то соломинку, чтобы я за неё ухватилась, чтобы мне захотелось жить, а не просто волочить свои дни!» И, пожалуйста, – вот тебе соломинка! – эта неожиданная, оказывается, такая нужная ей влюблённость. Как хорошо, что он всё понял, а, может, просто забыл о ней, умный человек, не поддался минутному порыву. А ведь она ждала! Что ж там себя обманывать – ждала! Как хорошо, что она теперь свободна, счастлива, благодарна этому Алексею Петровичу за свою влюблённость! Кто знает, если бы она находилась в том же состоянии, что и полгода назад, смогла бы она так мгновенно почувствовать, что происходит, так кинуться спасать этого молодого мужчину, так быстро всё понять, всё вспомнить, выложиться, в буквальном смысле слова вдохнуть в него жизнь... И Стась, её любимый, родной человек почти выздоровел! Да, надо беречь его, следить за ним. Она знает, что и как нужно делать. Эти мысли пронеслись в её голове, и было так спокойно, так радостно сидеть на этой скамейке, смотреть на море, на небо. Так хорошо было жить!

* * *

За три дня до этого Алексей проснулся рано. Светало. Не так уж спокойно и совсем не счастливо было у него на душе. Сегодня позвонит Сеня и включится новый виток жизни, переплетающий судьбы Дины, Сени и его, Алексея, вовлекая многих и многих других людей, связанных с ними тремя. Ему так хотелось увидеть Дину. Просто посмотреть на неё хотя бы издали и понять, действительно ли у него такие серьёзные чувства к этой женщине, или он их себе придумал. И лукавый бес тут же подsunул ему мысль, что надо бы самому посмотреть на эту квартиру, которую собрался купить Сеня. Ну, просто необходимо увидеть эту квартиру!

Утром он поручил секретарю:

– Галя, закажи мне билет на ближайший рейс в Н-ск, туда-обратно... когда там у них есть рейс... Я слетаю туда ненадолго... на пару дней...

Сеня встречал его так же, у трапа, но был явно чем-то озабочен. Обменявшись несколькими скупыми словами о делах, о здоровье, о погоде, они ехали молча, каждый в своих мыслях. По пути заехали посмотреть намеченную к продаже квартиру. Мебель уже из неё вывезли, у стенки стояли только несколько чемоданов

и раскладушка. Всё было готово к продаже. Квартиру можно было и не смотреть, Алексей знал этот дом почти наизусть, сам строил в бытность свою ещё прорабом. Поговорили с хозяевами, Сеня ещё раз подтвердил, что он квартиру покупает, завтра же они оформят документы, и деньги будут у хозяев. Потом поехали в ту же «явочную» Сенину квартиру, которую Алексей с душевным смятением так часто вспоминал. Всё было по-прежнему, даже стол был уже накрыт.

Сеня разлил коньяк, чокнулись, – со свиданьицем! – выпили одним духом до дна, что-то пожевали из закуски. Горячий огонь разлился по жилам, плеснул в голову, кинулся в ноги, стало горячо, затуманилась, закружилась голова, но легче обоим не стало. Вдруг Сеня спросил:

– Ты зачем, Лексей Петрович, приехал, чем обеспокоился? Может, подумал, что я обману тебя с квартирой, с деньгами?

– Да ты что, Сеня?! Я в тебе и не думал сомневаться! – смутился он.

– Тогда зачем? Какая нужда тебя сюда погнала? – и, видя, что тот молчит, добавил, – ты прилетел себя потешить, Дину ты захотел повидать. Верно, я говорю?

Алексей молча, обречённо и пьяно кивнул головой:

– Как ты догадался, я же тебе не говорил ничего про неё?

– Да я сразу понял, как вас вместе увидел. Вы сами ещё об этом не догадывались, а я уж понял, что-то тут начинается, тревожился за обоих.

– Как это ты догадался раньше нас?

– Это невозможно объяснить, Лексей Петрович! Ты помнишь по молодости-то, как на работе у кого с кем шуры-муры начинаются, так уж все сразу догадываются. Как поле какое-то, вроде магнитного, возле этих людей образуется, и скрыть ничего невозможно.

– Ну, ты, Сеня, прямо экстрасенс какой-то!

– Да, вроде того, Лексей Петрович, я много чего вижу и понимаю. Это у меня открылось, когда меня посадили, я прямо шкурой стал чувствовать беду, про людей стал понимать, кто на что способен, и кто против меня чего умышляет. Тем спасся и от позора, а, может, и от смерти, в колонии-то. Ну, а потом стал вот на воле работать и непонятно самому, откуда оно приходит – кто перед тобой, и чего можно от него ожидать, и как надо с ним разговаривать, и что посулить, кого похвалить, кого поругать вместе с ним. Так вот и тебя увидел. Зла в тебе нет – это главное. Вот ты был прорабом, с эсками работал, но в каждом ты видел человека, и обращался как с человеком. Все это чувствовали, и к тебе относились хорошо, знали, что ты невозможного не требуешь, и обмануть тебя трудно, и что ты за всё и за всех на своём участке отвечаешь. И мне ты стал доверять, а уж как я освободился, ты меня в отдел снабжения рекомендовал, поручился даже. А ведь в городе бывших эсков не оставляли. С твоей лёгкой руки меня все узнали, доверять начали. И я тебе за это благодарен.

– Да я этого и не помню, Сеня!

– А тебе и не надо помнить, главное, я не забываю! Но ты словно не всерьёз живёшь – играешь ты в жизнь, Лексей Петрович. Мужик должен в жизни найти своё дело и свою женщину. Хотя бы одно – то или другое. А у тебя что-то не так в жизни сложилось... Ну, не ты первый, у многих так-то, бывает, сопьются или снаркоманятся. А ты вот играешь в крутого бизнесмена – не самый худший вариант, и этим жизнь свою заполняешь. Думаешь, чем больше денег заработаешь, тем легче тебе будет?

– Ну, если ты так во всём разбираешься, должно быть, людей презираешь?

– Да что ты, Алексей Петрович, я их жалею! Посмотришь иногда, ну таким гоголем ходит человек, а внутри-то пусто, одни опилки. И так жалко делается Божье творение!

– Ты в Бога, что ли, веришь, Сеня?

– Ну не так чтобы я много про это думал. От нормальной религии вреда нет. Должен же человеку кто-то ограничители вставить – что можно, что нельзя. Если сам не понимает. Я ещё вот что заметил – один человек родился, и как дитя до смерти наивный, и себя никак не найдёт. А кто-то родился и с дошколят знает, что ему в жизни делать. Мне в поезде как-то один буддист попался и рассказывал, что каждый человек живёт на земле несколько раз, и раз от разу умнеет. Что-то такое в этом есть...

Они налили ещё, чокнулись, выпили, сидели пьяные, расслабленные и разговор вели начистоту.

– Я ведь приехал, чтобы только посмотреть на неё, Сеня. Честное слово тебе даю! Мне ничего, ну, ничегошеньки от неё не надо, лишь бы ей было хорошо!

– Это дело серьёзное, Алексей Петрович, и я вижу, что ты попал! Но это хорошо в молодости, когда можно ещё что-то поправить. А сейчас все места около тебя заняты – все, абсолютно! Тебе некуда её вставить в свою жизнь. И возле неё все места заняты. Ей тоже тебя некуда вставить. Положим, увидишься ты с ней, опять вспыхнет у вас что-то, ну придёт она сюда, ну полюбитесь вы немножко. Только не для вас это. Ведь тебе уезжать надо. Ты и уедешь. А ей дальше жить, мужу в глаза смотреть. Да что там мужу – людям в глаза смотреть! Она, понимаешь, из цельного крепкого куска сделана, не из отходов слеплена. А случись у вас что – у неё в душе трещина образуется. А с трещиной ей будет жить невозможно, и до беды недалеко. Я прошу тебя, Алексей Петрович, улетай ты ближайшим рейсом, завтра вечером! И не надо ей никакого твоего кабинета! Я перед людьми повинюсь, да на эту квартиру найдётся много охотников.

– Да ведь она, может, забыла меня на следующий день, как я уехал!

– Не забыла она ничего. Мы с ней за эти полгода по разным делам встречались раза три. И она ни разу о тебе не спросила. Понимаешь, должна была спросить, чего тут особенного, она же тебя лечила, как, мол, дела у Алексей Петровича, как здоровье? А она ни разу имени твоего не произнесла, опасалась, должно быть, что выдаст себя, покраснеет, или голос дрогнет. И я про тебя не поминал. Разговаривала со мной и ждала, когда я сам что-то про тебя скажу... А я молчал.

– А ведь ты, Сеня, сам в неё влюблён, ревнуешь ты меня к ней, Сеня!

Сеня вдруг вспыхнул, даже лысина его порозовела.

– Да, видно влюблён, старый дурак! И сам этого не понимал, пока не заревновал к тебе. Это никому не мешает жить. Она никогда не догадается. Ты понимаешь, какая штука – я ведь и жену люблю и жалею, и всё своё семейство держу. А тут вот вдруг понял про себя такую штуку. Только вот мне точно от неё ничего не надо, потому как у меня надежды никакой нет. Я ей неровня. А вы с ней ровня, и тебе всё от неё надо, и ты, пожалуй, будешь готов всё порушить, чтобы с ней рядом остаток жизни доживать. А не получится, Алексей Петрович! Это тебе двух человек убить надо – её мужа и свою жену. Согласен ты такую цену заплатить? А она, думаешь, согласна будет? Так что не тревожь ты ни её, ни себя – возвращайся домой и живи своей жизнью. А ей дай жить своей. Всё пройдёт и забудется!

– С чего ты взял, Сеня, что всё так серьёзно? Я ведь только посмотреть на неё хочу. Ну, может, поздороваться...

Сеня вдруг закрыл лицо руками и застонал, закачался на стуле. И Алексей понял, что он тоже сейчас заплачет. Они сидели и плакали пьяными слезами, потому что понимали – всё, что сказал Сеня – правда. Что самого главного в их жизни так и не случилось, а, может, и ни у кого не случается, сказки это всё про великую любовь! Просто человек, одинокий внутри с самого своего рождения, до смерти мучительно ищет, с кем бы это одиночество разделить, кого бы впустить к себе близко-близко...

Одновременно опомнившись, посмотрели друга на друга, вроде бы засмутились и выпили ещё.

– Послушал бы кто нас, – сказал Алексей, – два старых дурака, на седьмом десятке, про любовь разговаривают к женщине тоже за шестьдесят! Вот бы молодёжь похотела!

– А что она, молодёжь, понимает, если мы сами только-только жизнь распробовали. Вкалывать, как мы, жизнь на себе тащить – это можно, не старики! Дина Сергеевна людей спасает – это, пожалуйста, разрешаем, доктор! А вот если она влюбится – это жутко смешно и вообще позор. Это только молодые могут влюбляться, куролесить, глупости делать, Им положено! А нам нельзя?!

– Я уеду, завтра в ночь уберусь. Только давай-ка кабинет ей устроим. Всё, как договорились, завтра утром снимем деньги с моего счёта, сколько надо, а ты уж тут хлопочи! Меня всё-таки держи в курсе. И смотри, не проболтайся! Ну, кто бы слышал про наши планы и разговоры – не поверил бы! – кино, да и только! Но посмотреть на неё хоть издали я имею право?! Даю тебе слово – не окликну, не подойду. Потому что за себя не ручаюсь, если подойду. Где и когда я могу её увидеть?

– Она после больницы приём ведёт в частной поликлинике, работу заканчивает около восьми вечера. Завтра с утра поедем, я тебе покажу, где эта поликлиника. Но часто она задерживается – больных много. Домой ходит чаще всего пешком, по набережной. Вот и пойдись сзади, посмотри издали. Но ты слово дал к ней не подходить!

– Ты знаешь моё слово! Издали прошусь.

– Договорились!

* * *

Она вышла в половине девятого, в элегантном, серо-зеленоватой расцветки костюмчике, и лёгкий ветерок хулиганил, плескался, заигрывал с её тонкой юбкой, то облепляя бёдра, то чуть вздымая подол, обнажал нежные ямочки под коленями. Сумочка через плечо, белые босоножки на каблучках... Она постояла, глядя на море, словно раздумывала, идти или не идти. Потом спустилась на набережную, пошла по дорожке медленно, как-то расслабленно, устала, должно быть. Он шёл сзади, сердце его колотилось. Вот дошла до скамейки, села, смотрела сквозь тёмные очки на сине-зелёноватую морскую воду, на пылающий алый диск солнца, склонявшегося к горизонту, обернулась, посмотрела на бледную, ещё непроявленную полную луну. Откинулась на спинку скамейки, улыбнулась своим мыслям. Он стоял совсем близко, в тени деревьев, возле стены ближайшего кафе, смотрел на неё. Мимо него шли на вечернее купанье летние загорелые люди, о чём-то разговаривали, смеялись. Вот кто-то узнал Дину, остановились, поздоровались,

перекинулись словом. Вот так бы сейчас подойти, поздороваться, сесть рядом. Нельзя. Ему – нельзя. Сеня во всём прав! Надо уезжать. Как там говорится: «И это пройдёт!..» Говорят, будет ещё одна жизнь? Может быть, в этой новой жизни он будет другим? Кто-то сказал: «Человек должен в своей жизни построить дом, вырастить сына и посадить дерево!» Домов он настроил много, вырастил дочь, которая двух сыновей стоит, знает, чего хочет. А он вот прожил жизнь, но собственного дерева радости так и не вырастил. Не приживалось у него это дерево. Пусть внучка, его настоящая кровная и душевная наследница, вырастит его! И за себя, и за деда! А уж он позаботится, чтобы она смогла заняться любимым делом, и чтобы никто ей не мешал. А, может, у него ещё что-то получится?! Вот восстановит церковь, отойдёт от дел, которым нет конца, и начнёт рисовать. Сам для себя, как Дина говорила, постарается исполнить своё поручение, с которым пришёл в жизнь.

Дина встала со скамейки, пошла медленным шагом, потом вдруг остановилась, забеспокоилась, стала оглядываться. Неужели что-то почувствовала?! Вдруг повернула назад. У него замерло сердце – неужели она его увидела?! Она шла, замедляя шаг, всё ближе и ближе... Ему показалось, что она идёт к нему. Он замер. Она посмотрела в его сторону, улыбнулась и подошла ближе:

– Добрый вечер! Неужели вы могли уехать, не повидавшись со мной?!

Он растерянно молчал. Она подошла совсем близко, мгновение они стояли молча, потом обнялись. И было так славно, так удобно обнимать её, как будто он, наконец, вернулся домой после дальней дороги, словно она изначально была сделана под него и для него. Так удобно легла её рука и щека на его плечо. Так уютно было его затылку под её ладонью. Так ладно лежали его руки – одна на её спине, другая на изгибе талии. Так сладко было его телу чувствовать близко её грудь, живот, бёдра. Так непоправимо, невозвратно было желанное отчаянное движение его губ к её губам. Милая моя, милая! Что же теперь будет, что же нам теперь делать, дорогая моя?!

Он вздохнул, открыл глаза – примечталось! – смотрел на удаляющуюся изящную женскую фигурку, и его трясло от волнения. Правильно Сеня сказал – этой женщине нужно и себя полностью отдать, и забрать её всю. А он не готов, он опоздал. Он врос в свою жизнь, и места там для Дины нет. И в её жизни места для него нет. Разминулись мы с тобой, Дина... Прощай, любовь моя, прощай!..

Вдруг так смутно стало, тоскливо, тяжело, сдавило посредине груди, ноги ослабели, опираясь спиной о стену, он стал медленно опускаться на землю. И подумал: «Конец, что ли?» Краем глаза увидел – метнулась к нему фигура: «Сеня!» И где-то далеко-далеко, на окраине мыслей стало даже весело – следил ведь за ним, ревнивец этакий, моралист чёртов!..

Сеня взглянул ему в лицо и вдруг побежал по берегу с криком:

– Дина! Дина Сергеевна!

Алексей понял, что Сеня побежал догонять Дину, она сейчас тут появится, и всё станет у него хорошо и просто замечательно. Если бы у Алексея были силы, он бы засмеялся, но сил на это не было, понял только, что глупость он про себя подумал, мол, конец пришёл! Ерунда какая – ведь всё самое интересное, всё самое главное в его жизни только начинается!.. Боже ты мой! Как же хочется жить! Как жить хочется!..

